

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л. Н. ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В. И. ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного
редактора

Л. П. ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е. Б. КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б. С. ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т. Г. ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю. С. ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л. В. СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б. А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л. Н. ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В. М. ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А. А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Литературный редактор
Д. А. СЕМЁНОВА

Художник обложки
Г. И. КОЗУБОВ

ISSN 1726-5223

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ и современный мир

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(62)

В НОМЕРЕ:

In This Issue:

Историческая память и национальное самоопределение в России

Historical Memory and Today's Identification in Russia

Финансовый кризис и российские транснациональные корпорации

Financial Crisis and Russian Transnational Corporations

Есть ли у российского бизнеса социальная ответственность?

Is Russian Business Socially Responsible?

Инновации России на Дальнем Востоке

Innovations in the Russian Far East

Региональные элиты в России

Regional Elites in Russia

МОСКВА

2009

© ИНИОН РАН

————— **СОДЕРЖАНИЕ** —————
CONTENTS

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

И.И. Глебова
Кто мы? Историческая
память и национальное
самоопределение
в постсоветской России **5**

I.I. Glebova
Who Are We? Historical
Memory and National
Self-Identification
in Post-Soviet Russia

Б.А. Хейфец
Российские ТНК
в условиях финансового
кризиса **26**

B.A. Heyfets
Russian Transnational
Corporations
and the Financial Crisis

О.Д. Волкогонова,
С.О. Белоусов
Феномен региональной
идентичности как фактор
политического процесса
в России **46**

O.D. Volkogonova,
S.O. Belousov
The Phenomenon of Regional
Identity as a Factor
of Political Process
in Russia

Д.А. Мисюров
Символы российских
перемен: Варианты имперско-
советско-президентской
символической модели **59**

D.A. Misurov
Symbols of Change in Russia:
Variants of the Imperial-
Soviet-Presidential
Symbolic Model

А.Б. Докторович
Развитие социального
и человеческого потенциала
как ключевая проблема России
в XXI веке **71**

A.B. Doktorovich
The Development of Social
and Human Potentials
as a Key Problem for Russia
in the 21st Century

Е.Я. Виттенберг
От социальной
безответственности
к социальной
ответственности?
(Трудный путь
российского бизнеса)
РЕГИОНЫ РОССИИ

Ye.Ya. Vittenberg
From Social
Irresponsibility
to Social
Responsibility?
(The hard way
of Russian business)
RUSSIAN REGIONS

М.Е. Николаев Инновационная Россия на дальневосточном направлении	100	M.Ye. Nikolaev Innovation Russia: The Far East Azimuth
Д.Б. Тев Власть и недвижимость в Калининграде: Взаимосвязь и политическая выгода	108	D.B. Tev Power and Realty in Kaliningrad: Interdependence and Political Benefit
М.В. Шинковская Опыт и судьба местного самоуправления в Приморской области (конец XIX – начало XX в.)	121	M.V. Shinkovskaya Experience and Destiny of Local Self-Government in the Primorskaya Province (late 19th century – early 20 th century)
<u>ЭЛИТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</u>		<u>ELITES: THEORY AND PRACTICE</u>
А.В. Дука «Элиты» и элита: Понятие и социальная реальность	136	A.V. Duka «Elites» and Elite: The Notion and Social Reality
А.Е. Чирикова Региональные элиты в современной России: Концептуальные дискуссии и политическая практика	154	A.Ye. Chirikova Regional Elites in Contemporary Russia: Conceptual Discussions and Political Practices
<u>РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ</u>		<u>REFLECTIONS, COMMUNICATIONS, COMMENTS</u>
В.А. Захаров, А.Г. Арешев Правовые аспекты грузино- абхазского и грузино- осетинского конфликтов	173	V.A. Zakharov, A.G. Areshev Legal Aspects of the Georgian- Abkhaz and Georgian- Ossetian Conflicts
В.З. Тарантул Генно-клеточные биотехнологии XXI века и человек	188	V.Z. Tarantul The Genetic and Nuclear Biotechnologies of the 21 st Century and the Human Being
А.А. Назукина		A.A. Nazukina

Торговля спиртными напитками во время введения казенной винной монополии (Москва и Московский уезд, 1894 г.)	204	Alcohol Trade at the Time of Introduction of State Vine Monopoly (Moscow and the Moscow uezd in 1894)
---	-------------------	--

Н.А. Ерофеев Динамика вкладов в сберегательных кассах как показатель политических настроений в России в 1905–1907 гг.	210	N.A. Yerofeev The Dynamics of Saving Bank Deposits as an Indicator of Political Mood in Russia, 1905–1907
--	-------------------	--

М.З. Магомедова Толерантность и диалог культур в полиэтничном дагестанском обществе	225	M.Z. Magomedova Tolerance and the Dialogue of Cultures in the Dagestan Polyethnic Society
--	-------------------	--

**ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

**PHENOMENOLOGY
OF THE SOVIET SOCIETY**

Н.Г. Кедров Коллективизация в северной деревне: К социокультурному осмыслению	232	N.G. Kedrov The Collectivization in The Northern Village: Toward Socio-Cultural Understanding
--	-------------------	--

**КЛАССИЧЕСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

**CLASSICAL
HERITAGE**

И. Покровский Этические основы политики (Предисловие И.Л. Беленького)	247	I. Pokrovsky The Ethical Fundamentals of Politics (Foreword by I.L. Belenkiy)
--	-------------------	--

**НАУЧНАЯ
И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

П.М. Шульгин Музей-заповедник «Куликово поле»	260	P.M. Shulgin The «Kulikovo Pole» Museum Reservation
--	-------------------	--

В.Г. Тыминский Академия наук им. Лейбница (Берлин)	269	V.G. Tyminsky The Leibnitz Wissenschaftliche Akademie in Berlin
---	-------------------	--

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.И. Глебова

КТО МЫ? ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНОЕ
САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

**Глебова Ирина Игоревна – сектор
политических наук, руководитель
Центра руссиеведческих исследований
ИНИОН.**

К постановке проблемы

В «Бегстве от свободы» Эрик Фромм писал о естественной и потому неистребимой человеческой потребности идентифицировать себя с определенной общностью: «Отсутствие связанности с какими-либо ценностями, символами, устоями мы можем назвать моральным одиночеством, религия и национализм, как и любые обычаи, любые предрассудки – даже самые нелепые и унижительные – спасают человека, если связывают его с другими людьми, от самого страшного – изоляции»¹. Видимо, столь же неизбежна потребность человека ощущать себя членом большого коллектива, макросообщества – нации. Она – так или иначе, в том или ином виде – срабатывает даже в нашем стремительно глобализующемся мире, который отчасти нивелирует национальные различия.

В современной науке принята интерпретация нации как воображаемой общности, формируемой коммуникативными средствами (базируется на идеях Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др.²). Важнейшее из таких средств – память сообщества, материализованная в коммуникативном конструкте общего прошлого. С теоретической точки зрения, это положение

1. Фромм Э. *Бегство от свободы*. – М., 1989. – С. 26.

2. Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism*. – L., 1991; Hobsbawm E., Ranger T. *The invention of tradition*. – Cambridge, 1983 и др.

проработано в исследованиях М. Хальбвакса, Ш. Эйзенштадта, Э. Смита и др.³ Общая память о прошлом создает ощущения сходства, принадлежности, связанности, необходимые для идентификации себя в качестве члена сообщества. Как указывал Б. Андерсон, «в умах каждого» из членов нации, не знающих друг друга и никогда не встречающихся, «живет образ их общности»⁴. Он и конкретизируется посредством общего прошлого, которое апеллирует к общезначимым для сообщества ценностям, идеям, мифам, предрассудкам и соотносится с системой норм (предписаний, запретов, разрешений), в нем принятым.

Память (как и нация) есть во многом следствие «социального изобретения», т.е. сознательного конструирования силами элит, преследующих определенные интересы и получающих вполне ощутимые выгоды⁵. Конструирование прошлого предполагает его отбор, переработку и использование в интересах настоящего (здесь можно говорить о политическом использовании прошлого). Конструкции же прошлого оказываются «...действены в обществе лишь в той степени, в которой они согласуются с существовавшими ранее народными представлениями и коллективными воспоминаниями»⁶. Они должны попасть на ту волну, на которую принимающая их публика способна и готова настроиться.

Единая Европа ± новая Россия в поисках себя

В конце XX в. вопросы о национально-государственных общностях, объединяющих их исторических образах и общих «памятях» оказались неожиданно актуальны. Можно сказать, что это важнейшие европейские вопросы. Их актуализируют, с одной стороны, идея единой Европы, с другой – практика развала социалистического блока.

Особое напряжение эти вопросы приобрели в постсоветской России. Причина ясна. СССР был не просто центром «социалистического лагеря», но

3. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // *Неприкосновенный запас*. – М., 2005. – № 2–3(40–41); Смит Э. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. – М., 2004 и др.

4. Anderson B. *Op. cit.* – P. 6, 31.

5. Сконструированное прошлое (этот термин в данном случае аналогичен предложенному Э. Хобсбауму понятию «изобретенная традиция») выполняет в настоящем следующие задачи: укрепляет или символизирует социальную сплоченность или единство сообществ (реальных или искусственных); упрочивает или легитимизирует институты, статус или властные отношения; поддерживает социализацию путем насаждения мнений, систем ценностей и условностей поведения (См.: Hobsbawm E., Ranger T. *Op. cit.* – P. 9).

6. Смит Э. *Указ. соч.* – С. 218.

и единственной страной, которая произвела «реальный социализм» («социализм с тоталитарным лицом») из себя, без посторонней помощи. Для России, вышедшей из СССР, проблема поиска «образа себя» оказалась непосредственно связана с выбором пути развития. Речь шла о том, сможет ли формально новая страна обновиться по существу (на уровне культуры и социальной практики) и сделать реальностью демократический транзит, поддержанный демократизацией «образа себя» и национальной памяти. В конечном счете, на переходе от СССР к России делался выбор между новым (современным) социальным порядком и тавтологией старого, «общим» и «особым» путями цивилизационного развития.

Сейчас выбор сделан – и это выбор против демократизации и строительства гражданской нации, в пользу модифицированного авторитарного имперского порядка, апеллирующего к национализму большинства (некоторые российские исследователи определяют его как имперский национализм⁷). Мне хотелось бы показать, как в конце XX в. происходил транзит образа сообщества: от старого – через идею нового – к модифицированному старому.

СССР: Державная идентичность ± великое прошлое

Советская идентичность базировалась на гражданской, идеологической и имперской составляющих. Быть гражданином СССР означало быть лояльным если не идеям советского социализма, то советским порядкам, ощущать свою принадлежность к сверхдержаве и гордиться «суперстатусом» страны. Это прежде всего наднациональная идентификация (национальное, особенно «русское», было для нее не существенно). Ее смысл лучше всего передает термин «державная». [По существу, советское сообщество было до-национальным («еще не нацией») – империей с претензией на мировое господство.] Преимущественно имперский характер советской идентичности маскировался формальной федеративностью СССР и отсылками к понятию «нация»⁸ (за официальным образом советского народа – этой «новой исторической общности людей» – маячил «призрак» нации «нового типа» – социалистической нации).

Официальный образ СССР поддерживался соответствующим общим прошлым – единой (для «всех» как для «каждого» – «одной на всех»), великой и в таком виде единственной (т.е. безальтернативной) историей

7. См., например: Паин Э. *Россия между империей и нацией // Pro et Contra.* – № 3(37). – Май-июнь 2007 г. – С. 42–59.

8. См. об этом, например: Beissinger M. *Nationalist mobilization and the collapse of the Soviet state.* – Cambridge, 2002.

советского народа. В перспективе такого прошлого и народ выглядел великим; это величие было бесспорным и не нуждалось в подтверждении. Советская история представляла собой проект крупных форм: в нем действовали власть и массы – вместе, во имя общих целей. Она не просто отсылала к официальным ценностям советского народа (единство партии и народа, патриотизм, интернационализм, социальное равенство, сильное государство, международное лидерство), но требовала консолидироваться вокруг них. Единственным творцом образа страны и общей памяти было государство-власть.

В 1980-е годы, накануне гибели СССР, советская идентичность и поддерживавшие ее образы прошлого обветшали, утратили свою энергетику, но работали – как рутинный, привычный механизм, своего рода объединяющий всех «здравый смысл». Правда, со времен «оттепели» в стране множилось число «усомнившихся» и «несогласных». Противопоставление себя (вплоть до противостояния) официальным образам и образцам было одним из оснований самоопределения и автономизации – внутри системы – советской интеллигенции. Варианты «несогласия» были разными (от романтизации идей социализма и революции до апологии царской России), но питал его эмансипационный социальный потенциал. В целом же «несогласие» отдельных групп интеллигенции с официозом было явлением периферийным, хотя и значимым для общественной жизни.

Распад СССР ± распад общего прошлого

Пересмотр фантомного образа «советской нации» не случайно начался с переоценки общего прошлого – в направлении его либерализации и гуманизации. Модификация коллективного прошлого в конце 1980 – начале 1990-х годов «работала» на изменение образа сообщества – и в этом смысле являлась показателем социальной эмансипации и мерой преобразований. История поэтому не просто «вошла» в массовую политику, но и обрела статус политической категории. Критика советского прошлого стала инструментом расшатывания советской системы.

В период 1987/1989 – 1993/1994 гг. самым популярным народным чтением была историческая публицистика, а суд над прошлым (прежде всего советским) – излюбленным занятием всей страны⁹. В результате обвальная

9. См. об этом, например: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. *История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества*. – М., 1992; Левандовский А. *Миф как средство легитимации власти в России (XIX–XX вв.)* // *Мифы и мифология в современной России*. – М., 2003. – С. 136–146. Массовое отношение к советскому прошлому стало крайне неопределенным, внутренне противоречивым, даже

тотальной «переоценки» прошлое на какой-то момент рухнуло (точнее, был разрушен официальный – усвоенный массой, спланировавший общество – советский проект). Несогласие – причем, не только с историей, но со всем советским – стало всеобщим.

Это отчетливо проявилось в массовых представлениях. К концу 1980-х годов в массовом сознании утвердилась крайне низкая оценка экономических и политических институций СССР, всего советского опыта (правда, ее отчасти компенсировало позитивное восприятие западного общества, в контексте которого появлялись новые идентификационные ориентиры). В 1989 г. отрицательную оценку всего советского поддерживали порядка 40% населения, еще примерно столько же, даже чуть больше, затруднились с ответом¹⁰. В январе 1991 г. при ответе на вопрос «что СССР дает своим гражданам?» респонденты вдвое чаще выбирали «отрицательные» подсказки¹¹. Образ советского сообщества попал в негативную проекцию.

Тем самым был дан импульс к его пересмотру («исправлению»), в ходе которого обновился официальный исторический проект. Вследствие «раскрепощения» истории не просто расширились горизонты коллективной памяти. Демократическая Россия попыталась выработать новый (аналогичный современному европейскому) алгоритм воспоминаний. Выразилось это в следующем. Во-первых, в конце 1980 – начале 1990-х

конфликтным. В январе 1991 г. 56% опрошенных считали его «историей героических побед и свершений» (22 – против, 22 – затруднились ответить), 41% – «одной из трагических страниц мировой истории» (23 – против и 35 – затруднились ответить), 39% – «противоречивым, но в целом верным путем» (30 против и 30% затруднились ответить), 36% – «историей преступлений, нищеты и массового безумия» (30 – против и 34% затруднились ответить), 30% – «историей захватов и подавления самостоятельности народов и государств» (36 – против и 33% – затруднились ответить) (см.: Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. – М., 2007. – С. 298–299).

10. Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки. – М., 2007. – С. 339.

11. К негативному советскому опыту 66% опрошенных относили «дефицит, очереди, нищенское существование», 26 – «ощущение бесправия, постоянные унижения», 25 – «прозябание на обочине мировой цивилизации», 16% – «чувство обреченности» (среди авторитетных «положительных» ответов выделялись следующие: «мирное небо над головой» – 29%, «чувство принадлежности к советскому народу» – 15, «система социальной защиты населения» – 15%) (там же. – С. 299). Очевидно, что для большинства советских граждан СССР вовсе не представлял собой то, что следовало хранить и оберегать как ценное наследие. Он утратил свое историческое и социальное оправдание. Поэтому его финал представляется вполне закономерным. Именно так крах СССР и восприняли советские люди «образца» 1989–1991 гг. Этого факта вовсе не отменяет их сегодняшнее нежелание в этом признаваться.

годов память была денационализирована. Она перестала быть подвластна только государству, служить исключительно целям обеспечения подчинения и господства, консолидации и чрезвычайным мобилизациям общества (на «героический труд», «ратный подвиг» и т.д.). Память обрела частный, приватный характер.

Во-вторых, произошла «приватизация» прошлого: разрушение его единства, отказ власти от контроля за ним, его индивидуализация, адаптация к интересам, вкусам, запросам массового пользователя. Массовое прошлое перестало быть целостным, непротиворечивым и тотальным проектом, скреплявшим «нерушимое единство» советского народа. Плюрализация истории представляла собой реакцию на стремительный рост субъектности общества и откат власти от позиций монополиста во всех сферах.

Следствием этого стала совершенно нетипичная для советского времени практика «примирения с прошлым». Историческая преемственность по-советски состояла в насильственном прерывании традиции, отказе от «ненужного», «вредного» прошлого и тотальном замещении его историческими конструкциями. Иными словами, то была преемственность через разрыв и насильственное подчинение истории интересам сегодняшнего дня (точнее – «очередным задачам Советской власти»). Постсоветская Россия выбрала иной путь. Она синтезирует разные, конфликтные и вовсе несовместимые образы, конструируя непрерывность и преемственность собственной истории. Смысл такой «работы памяти» – соединить все образы прошлого в одно неразрывное целое, одну Россию (как общее обозначение всех возможных России). *И сейчас природу нашей идентичности определяет множественность прошлого, свобода выбора героев и ценностей. За счет этого усложнился, стал полифоничным образ сообщества.*

И, наконец, мы попытались сосредоточиться на критических воспоминаниях и за счет этого выработать адекватный взгляд на себя. На рубеже 1980–1990-х годов идея критики прошлого передвинулась с периферии в центр публичной полемики и общественного сознания. В фокус коллективных воспоминаний попали темные, преступные события советского прошлого. На критической волне в пространство исторических самоопределений ворвались темы «стыда» и «покаяния», вины и ответственности, совершенно неизвестные простому советскому человеку¹².

12. Российская исследовательница М. Чудакова писала, что в совокупности опубликованные тогда материалы и документы представляют «эквивалент Нюрнбергского процесса». «В России он произошел не в зале суда, а на страницах книг» (Чудакова М. Под скрип уключин // Новый мир. – 1993. – № 4. – С. 136). Это, однако, не позволило процессуально проработать и юридически разрешить проблему вины и

В принципе идея критики прошлого предполагает различные сценарии реализации: от сенсационных разоблачений (развлекающих, масскультовых историй) до формирования взгляда на историю, не обремененного «тягой к оправданию» (формула Т. Адорно). Мы ограничились первым сценарием. И это понятно. Во втором случае авторитетные интеллектуальные группы должны иметь мужество говорить правду о слабостях своего народа, воспитывая у него мужество ее слушать. Причем, такого рода критика дает обществу не разрушительный (как у нас принято думать), а созидательный импульс. Она, по словам Т. Адорно, имеет значение «профилактической вакцины», которая прививается обществу¹³, чтобы избежать рецидивов поразившей его болезни. В России осмысления прошлого в контексте грехов и преступлений не произошло. Нам не удалось включить в нормативный фундамент своей коллективной идентичности травматическое прошлое. Это (среди прочего) не позволило либерализовать образ сообщества, интегрировать в него новые либеральные ценности.

Однако нельзя сказать, что критический посыл сработал в постсоветскую эпоху вхолостую. *Мы использовали критику советского прошлого для оправдания масштабного «сброса памяти», необходимого для разрушения старой системы и «выхода из коммунизма».* Историческая критика выполнила вполне практическую, нигилистическую (разрушительную) задачу, появляющуюся в ходе любой революции. Отречение от советского прошлого помогло становлению нового порядка и утверждению новых идентичностей.

Новая Россия: Отказ от изменений

Во второй половине 1990-х годов в новой России происходили очень важные процессы. Они не имели демонстрационного характера и не были столь заметны, как внешне эффектный «демократический транзит» рубежа 1980–1990-х годов. Тем не менее именно они (и, видимо, надолго) определяют наше будущее. Российское общество сделало свой исторический выбор – второй за десятилетие. В его основе – отказ от изменений и поворот «лицом» к прошлому. Что же подтолкнуло наше общество к такому выбору?

ответственности. В этом смысле постсоветская Россия – совсем иная страна, чем Германия после Нюрнберга. В ней тема наказания за исторические преступления перед народом (и самого народа) оказалась несущественной. Стоит ли удивляться, что она не существует и по отношению к настоящему.

13. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. – М., 2005. – № 2–3(40–41). – С. 43–45.

Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к социокультурным процессам, «исторической» тематике.

Российское общество не приняло изменения начала 1990-х в качестве социокультурного вызова, требующего кардинального пересмотра всех представлений о себе и социальной мобилизации на иных, чем прежде – антисоветских, общецивилизационных – основаниях. Оно отреагировало на перемены как глобальную (для себя) историческую травму, своего рода публичное национальное унижение. Сейчас переживает ее последствия. Поэтому компенсаторная по природе потребность в самооправдании и самоутешении возведена нашим обществом в главную задачу момента. В этом смысле «болезнь 90-х» (переживание утраты сверхимперского статуса и ощущения национальной несостоятельности) продолжается. «Путинские элиты» ее не излечили, а использовали – и используют – в своих интересах (т.е. паразитируют на травме).

Уточним: на рубеже 1980–1990-х годов – на переходе от СССР к РФ – советско-российский социум пережил целую серию исторических травм. В конце 1980-х оказалось: все, что мы помнили о советском и нес советском прошлом, очень мало этому прошлому соответствует; всё подчищено, исправлено, искажено и извращено. Фальсифицирован был сам образ сообщества, который строился во многом в опоре на прошлое. Получалось, что мы не те, за кого себя принимали. Это был исторический шок.

За этим последовал распад: в 1991 г. вместе со страной исчезли центральные элементы национально-государственного самоопределения – пространственность и военная мощь (эти основы державности), а с ними – практически все основания гордости нашего человека (за страну и самого себя). Сворачивание претензий на мировое лидерство, утрата сверхдержавности – самая значительная травма для русских в XX в.

Показательно, что утрата потенциала сверхдержавности особенно остро переживалась интеллигентским сообществом. «Продвинутые» группы уже в 1996 г. чаще других включали в список «национальных потерь» советского времени «идею монархии, дух аристократии», «офицерскую честь», «православную веру» и «великую культуру»; в список постсоветских потерь – «гордость за свою большую и сильную страну» и «ведущую роль в мире, мировое лидерство»¹⁴. Необходимостью скомпенсировать потерю во много объясняется сближение – практически по всем позициям – интеллигентских оценок прошлого (и настоящего) с массово-обывательскими.

На рубеже 1980–1990-х годов разрушению подверглись образ счастливого советского будущего, единое прошлое, тешившее национальное

14. Дубин Б. *Жить в России...* – С. 304.

тщеславие, и сам коллективный «мы»-образ. На это отреагировало общество: в 1989–1994 гг. на первый план в структурах коллективного (и индивидуального) самоопределения вышли «малая родина», «место, где родился и вырос», а также семья, этническая общность, конфессия¹⁵. Иначе говоря, произошел сдвиг в сторону идентификационных механизмов традиционного – естественного (родового, «генетического») и потому самого древнего – порядка.

В начале 90-х годов массовое сознание сосредоточилось на повседневных проблемах и экономических трудностях. Выживая в тяжелейшем настоящем, русский социум забыл об образах прошлого и будущего. Более того: забыл себя, перестал ощущать себя социальным целым. В тот момент все на время перестали понимать, «кто мы» – в пространственном, временном и ценностном отношениях. Американский исследователь Т. Мак-Дэниел отмечал: в сознании людей были стерты долгосрочные цели, что обесмыслило само их существование; жизнь утратила исторический контекст, ограничилась выживанием, достижением сиюминутных целей¹⁶. Это был период наибольшей неопределенности и фрустрации в отношении национальной идентификации. В результате конец XX в. стал для России точкой высшей концентрации травматического опыта и пиком утраченных надежд, «несостоявшейся» истории.

Уже к 1994–1995 гг. стало ясно, что процесс восприятия европейской культуры памяти в постсоветской России оказался не то что кем-то свернут, – просто сошел на нет. Он двигался мимо массового сознания, совершенно перестав его интересовать. «Преодоление тоталитаризма» не было осознано постсоветским обществом в качестве проблемы, связанной с выбором перспектив развития. Наш массовый человек не узнавал себя в прошлом, предложенном ему 1990-ми, фактически отказался связать себя с такой памятью. Новый – сложный, трагический, альтернативный советскому – «образ себя» был воспринят, скорее, как нарушение «нормы». С середины 1990-х годов массовое сознание попыталось ее восстановить, вернуть себя в границы нормальности.

Попытка обратиться на прошлое критические, «искупительные» воспоминания к концу 1990-х годов была расценена как «вредное» «очернительство», а «плюрализм» в отношении к истории заклеен как порождающий «кашу в головах». Современный алгоритм воспоминаний был воспринят у нас как угроза общественной стабильности и солидарности,

15. Левада Ю.А. *Время перемен: Предмет и позиция исследователя. Ретроспективные размышления* // Левада Ю. *Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005.* – М., 2006. – С. 58.

16. McDaniel T. *The agony of the russian idea.* – Princeton, 1996. – P. 184–185.

которую следует устранить. В критике «критиков» и «субъективистов» объединились массы и элитные группы, в очередной раз подтвердив, что народ и власть (а также примкнувшая к ним «новая», «рожденная 90-ми» интеллигенция) у нас едины.

Едины в том, что им одинаково не нужны понимание прошлого, «плюрализм воспоминаний» и «кающаяся» память. То есть все то, что составляет элемент самопознания и самоуважения современного, зрелого общества. Причины, на мой взгляд, таковы. Во-первых, подобное отношение к прошлому требует постоянных усилий и внутреннего напряжения, «делания» себя в опоре на более высокие и плохо согласующиеся с масскультовыми образцы. На это наше стремительно опрощающееся общество неспособно. Во-вторых, тема греха и покаяния связана с проблемой ответственности. Ее отрицание, признание ее несущественной (и оттого несуществующей) ориентируют на безответственные отношения и с настоящим. А это основа нашего – особенно сегодняшнего – отношения ко времени и к самим себе. Поэтому в нашем случае *не имеет практического значения вопрос: за какое прошлое мы несем ответственность?* Зато весьма актуален другой: *какое прошлое может быть ответственно за нас – поддержать, оправдать, дать возможность гордиться собою, любить себя?*

И наконец, либерализация памяти предполагает признание и поощрение на институциональном уровне полисубъектности общества, обращение к индивидуальному началу, к человеку – действующему в истории и ее познающему – как основе и мере всего. Идеи индивидуализма и персональной ответственности, воспитание на их основе сознательного «я» в человека подрывают изнутри всю систему навязчивой «стадномассовости» и коллективной безответственности, рожденную в СССР и составившую основу постсоветизма.

Новая Россия: Назад, в прошлое

События конца XX в. «вывели» следующую закономерность: ущерб, нанесенный образу нации, обязательно потребует возмещения. Опыт России ее подтверждает. С середины 1990-х годов в обществе рос интерес к «ценностям–убежищам» (П. Нора) – к тому, в чем Россия еще сохранила хоть какой-то доступ к национальному величию, ко всем формам ее культуры и истории. Стремясь остаться собой, сообщество – эта «коллективная личность» – интуитивно искало что-то, за чем можно было спрятаться, укрыться. Желание вновь почувствовать «корни», получить моральное, культурное, историческое оправдание своего существования привело его к прошлому.

Со второй половины 1990-х годов социологи фиксировали следующий сдвиг в массовых настроениях: в сознании большинства укрепляется «ориентация на одинаковое для всех, скромное, но гарантированное существование» и растет «ностальгическая привлекательность идеализированных образов и фигур прошлого»¹⁷. Переход (от веры в будущее – через неверие ни во что – к вере в прошлое) произошел где-то на рубеже 1993–1994-х годов. В 1999 г. «...на первое место среди символов коллективной идентичности русского народа... вышел такой признак, как “наше прошлое, наша история” (его выделяли 48% против 24% в 1989 г.)»; вместе с ним выросло значение других неотрадиционалистских компонентов самоопределения¹⁸. И это понятно: прошлое – категория традиционная и национальная (оно всегда чье-то, представляет собой маркер принадлежности к «своим»).

По мере оформления и самоутверждения постсоветских ценностей в общественном сознании нарастали, а затем утвердились в качестве господствующих позитивные оценки собственной истории. «Историческую самокритику», пик которой пришелся на 1987–1991 гг., сменила ностальгия. Показательно, что с тезисом «...было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как ... до 1985 г.» в 1999 г. согласились 58% опрошенных (в 1992 г. – 45, в 1993 г. – 46%), против было 27% (в 1992 г. – 39, в 1993 г. – 30%)¹⁹. С помощью механизмов ностальгии и идеализации «высветлено», приобрело приемлемый вид и фактически реабилитировано советское прошлое. Наш человек быстро избавился от чувств «стыда и безнадёжности» (их в 1996 г. испытывали всего 5% опрошенных ВЦИОМ), «тоски и отчаяния» (характерны для 6%) при мысли о прошлом, характерных для него на рубеже 1980–1990-х годов²⁰. Положительная переоценка коснулась важнейших сторон социального устройства и жизненного уклада СССР – всего, что относится к «авторитету власти, структурам коллективной солидарности, символам державного престижа». Параллельно усилились позитивные характеристики коллективного «образа себя» (повысились оценки «душевных качеств моего народа» и т.п.). Положительная динамика таких оценок наблюдается во всех возрастных и образовательных группах населения²¹.

Авторитетность прошлого в российском идентификационном проекте – показатель важности для постсоветского общества традиционалистской

17. Дубин Б. *Жить в России...* – С. 70.

18. Там же. – С. 71, 73.

19. Там же. – С. 73.

20. Там же. – С. 299.

21. Там же. – С. 82.

компоненты. Инициаторами и идеологами традиционалистского дрейфа – в ответ на социальные потрясения и крах модернизационных надежд рубежа 1980–1990-х годов – выступили элитарные слои. Так, высокий уровень исторических самоопределений с середины 1990-х «...обеспечивается и поддерживается... как раз теми группами населения, которые по ряду социальных и культурных характеристик более продвинуты» (люди с высшим образованием, жители Москвы и Санкт-Петербурга, крупных городов)²². Еще в 1996 г. они чаще других соглашались с мнением, будто Россия, возрождая традиции, возвращается к своим духовным истокам²³. И позже, на рубеже 1990–2000-х годов, «...картины ценностных предпочтений у, казалось бы, полярно противоположных по своим интеллектуальным ресурсам и социальному положению групп <различались>... не принципами, а всего лишь акцентами»²⁴. Традиционализм ориентаций на социальное действие – их ретроспективный характер, популизм, уравнительность и определенный уровень ксенофобии – отличает как интеллигентское (в значительной степени идеологизированное), так и «обыденное» или «низовое» (массово-бытовое) сознание²⁵. Традиционалистский дрейф массовых ориентаций и составил основу для воспроизводства в России начала XXI в. культурных и политических образцов советского типа.

Мобилизация прошлого в России на рубеже 1990–2000-х годов имеет ярко выраженный компенсаторный, терапевтический характер. Ее единственный смысл – способствовать национальному самоутверждению через самооправдание и самоутешение. Образы прошлого, принадлежащие к сфере массового и масскоммуникативного, формируют символическое защитное поле социума. В конечном счете, конструкции прошлого, имеющие значение для массового сознания, служат восполнению тех дефицитов, которые оно обнаруживает в дне сегодняшнем. Конечно, функцию социальной терапии обращенная к массам история выполняет не только у нас. Но у нас ее функции этим и ограничиваются.

И еще одно. Постсоветский человек ассоциирует себя не с мировой историей, а с национальной; последняя же предстает чаще всего как советская. Именно к ней сводится прошлое вообще. Это свидетельствует, как минимум, о двух обстоятельствах. Во-первых, приняв в процессе самоопределения за установочный, нормативный именно советский период, россияне вполне определенно ответили на вопрос: «кто мы?». Во-вторых, самоутверждение коллективного «мы» происходит за счет символического

22. Дубин Б. Указ. соч. – С. 301–302.

23. Там же. – С. 302.

24. Дубин Б. Указ. соч. – С. 306.

25. Там же.

отрицания «других» и акцентировки «своего» как «особого», ни на что не похожего. Такое самопонимание, составляющее символическую основу солидарности, закрывает (отсекает) нас от мира.

Правильное прошлое для великого народа

По наблюдениям социологов, «основой обновленной символической идентификации россиян стали, прежде всего, символы коллективной принадлежности к самому широкому целому – причастности к национальному сообществу. Причем, главное место среди них заняли... те смысловые компоненты, которые, во-первых, отсылали к воображаемому общему прошлому коллективных испытаний и побед, а во-вторых, подчеркивали характерные для традиционного общества, можно сказать, «архаические» качества социальной пассивности («терпение», готовность к жертвам), культурной неискушенности и нетребовательности («простота»)²⁶. В прошлом постсоветский человек ищет то, что помогает ему самоутвердиться и подтверждает его представления о самом себе (собственном терпении, жертвенности, готовности довольствоваться малым).

Возведя готовность довольствоваться малым в разряд особых качеств русского человека, homo post-soveticus не желает руководствоваться им в отношении к прошлому. Его история должна быть великой и героической. И это объяснимо. Большинству россиян сейчас, как никогда, необходима возвышающая («горделивая») коллективная идентификация, подкрепленная символикой героического прошлого. Только она возрождает самоуважение, возбуждает национальное тщеславие. За счет «улучшения» прошлого наше общество пытается – в проекции оптимистических категорий «гордости» и «восхищения» – улучшить «образ себя». Это снимает с повестки дня проблему вины и ответственности – как в отношении прошлого, так и настоящего.

Какие же предметы гордости обнаруживает в прошлом постсоветский человек? Ключевое историческое событие для него – победа в Великой Отечественной войне (в 1996 г. ею гордилось 44% опрошенных, в 2003 г. – 78%), а главное «историческое» достоинство народа – способность выживать и безграничное терпение (39%)²⁷. Одно это служит убедительным подтверждением: в 1990-е годы произошло самовоспроизводство основных советских интегративных ценностей и символов. Ведь по данным опроса

26. Дубин Б. Семантика, риторика и социальные функции прошлого // Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. – М., 2004. – С. 99.

27. Дубин Б. Жизнь в России на рубеже столетий... – С. 301.

ВЦИОМ 1989 г. «Советский человек», победа признавалась кульминационным пунктом истории СССР (перекрыв символический статус Октябрьской революции), а «терпеливость» – второй по значимости (после «простоты») чертой в коллективном автопортрете русских²⁸. Приблизительно к 1996 г. главные советские ценности и символы «...были осознаны большей частью населения РФ как “прошлое”, ...как бы расподоблены с образом СССР, “наследием советской эпохи”, и перенесены уже на представления о России, приобретя в этом качестве исключительно “российских традиций” даже повышенную значимость»²⁹. Вокруг этих «мест памяти» и строится сейчас образ России.

Чрезвычайно важно понять, какую смысловую нагрузку несут сейчас интегративные символы. Представляется, что постсоветская память о Победе, прежде всего, удовлетворяет ностальгию по социальной сплоченности и солидарности (в этом смысле оправдана попытка господствующих групп использовать Победу для имитации народного единства). Общество, испытывающее острейший дефицит доверия (на всех уровнях, в любых отношениях), разорванное на социальные атомы, ощущает потребность хотя бы в символическом сближении. Образ Победы, в котором слиты базовые общественные ценности, дает такую возможность: он объединяет, возвышая и утешая. В целом, нынешние «страсти по Победе» имеют защитно-компенсаторную природу.

Однако Победа не просто утешает россиян, позволяя смириться с тяготами настоящего. Она тешит национальное тщеславие, будит внутреннюю агрессию. Именно Победа отвечает за укрепление державной (имперской) компоненты национального самоопределения. «Как показывают опросы, преобладающая трактовка войны 1941–1945 гг. в общественном мнении вполне совпадает с официально принятой еще со сталинских времен – на первом плане не всемирный масштаб (часть Второй мировой), не антифашистская направленность, а то, что война была “отечественной”, т.е. призванной спасти свое государство от враждебных сил. Преобладающее внимание к победоносному окончанию войны вытесняет из массовой памяти трудные вопросы о ее истоках, предвоенной политической ситуации, поражениях и потерях (...победой гордятся почти 90% опрошенных, а стыдятся поражений – всего 16%). Российская память о великой военной победе поддерживает представление об успешной конфронтации СССР с внешним миром, между тем как в Европе в связи со Второй мировой войной

28. См.: «Советский простой человек»: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. – М., 1993. – С. 141–145.

29. Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий... – С. 301.

вспоминают прежде всего о преодолении исторического конфликта и успехах мирного развития»³⁰.

Сосредоточение национальной памяти на таких образах не только «полезно», но и опасно для общества. Победа в ее советско-российской интерпретации – слишком навязчивая и требовательная категория памяти: она заикливает на идеях «особости» (не избранности, а «отдельности» от других) и возвращения России великодержавного статуса³¹. Мы сейчас не в силах соответствовать высокому образцу, заданному Победой. Осознание этого способствует не изживанию, а усилению комплекса национальной несостоятельности. Даже невольное сравнение с ним наводит на мысль, что прежний статус страны утрачен. Это вызывает беспокойство, которое давит на всех. Давление прошлого преодолевается в разовых акциях против Грузии, Эстонии, Украины, возобновлении военных парадов, увеличении расходов на вооружение, защите памятников по всему периметру границ и даже массовой истерии от спортивных побед местного значения. Они отчасти снимают исторические комплексы, позволяют сбросить негативную социальную энергию. Но в то же время указывают, что нынешний потенциал России явно не соразмерен сверхдержавным амбициям.

В конечном счете, утверждение такой памяти, транслирующей (среди прочего) ценности авторитарного типа, блокирует пути движения к гражданскому самоопределению. Это придает словам о «гражданской нации» и гражданском обществе, которые у нас еще произносятся, значения «порчи слов» и информационного обмана.

Прошлое как символический инструмент
господства и подчинения

Изменения в массовом отношении к прошлому, происходившие со второй половины 1990-х годов, свидетельствуют о том, что мы выбрали – вероятно, надолго – свой путь. В содержательном отношении его определяют делиберализация и неотрадиционализация. Это основные черты образа российского общества.

Их поддерживают, закрепляя в качестве всеобщих и безальтернативных, господствующие группы. Для этого используют прошлое. Официальная память России представляет собой переработку самых востребованных,

30. Левада Ю. Ищем человека... – С. 67.

31. Следствием утраты сверхдержавности является, на мой взгляд, современный поворот в самоопределении: от советского мессианства, идеологически подкрепляющего территориальный рост и имперские претензии, – к российской «местничковости» (замкнутости, заикливости на себе и провинциальном самовозвеличивании).

напряженных общественных воспоминаний. Они «присваиваются», систематизируются, упаковываются и в таком виде возвращаются населению для массового единообразного потребления. А все потому, что такие воспоминания выгодны элитам, власти. С обществом, представленным таким прошлым и исповедующим такие ценности, российским элитам легко иметь дело.

В 90-е годы «мы» воспроизвели те ценности, сосредоточились на таких воспоминаниях, которые делают нас легкой добычей власти. Ее цель – с трансформацией государства – не изменилась: «овладеть» народом, подчинить его и использовать в своих интересах. Последние позиционируются ею как общенародные – в том числе за счет манипуляции образами прошлого. *Постсоветская память конструируется в проекции массовых иллюзий и властных потребностей.*

Официальная память о войне, ставшая смысловым центром коллективной идентичности россиян и транслируемая всеми социализирующими институтами, – ярчайший пример того, как народные воспоминания работают на властное дело. Присвоение Победе статуса «главной истории» советско-российского народа, навязывание обществу ее единой смысловой конструкции имели следствием подавление разнообразных памятей меньшинств, нейтрализацию частного, индивидуального опыта (и значимости его ценностей). Официальная память акцентирует важное «качество» этого образа: он объединяет власть и народ, закрепляет их военно-победное союзничество в качестве нормы отношений. Победа представляет их монолитной общностью, готовой расширить имперскую территорию и торжествующей над миром.

Подобные воспоминания являются для власти средством символического преодоления социального раскола (на «верхи» и «низы», «начальство» и «массу», богатых и бедных), символической компенсации социальной несправедливости и обеспечения эмоциональной поддержки режиму (подчеркну: именно режиму, каким бы он ни был, а не демократическим ценностям). *Так история, которая «делается» («изобретается») для народа и «под» народ (в том смысле, что именно такую историю он хотел бы иметь), приобретает значение инструмента укрепления господства.*

Причем этому делу власти придается значение высокой миссии: ведь она определяет точки опоры во времени, находя и наделяя смыслом народную историю. В то же время дает нашему человеку основания для завышенной самооценки, компенсируя их отсутствие в настоящем. Примечательно, что особый властный интерес вызывают воспоминания, отвлекающие от действительности и активизирующие социальный оптимизм. Запуская их в массовое производство, власть дает обществу своего рода наркот. Оно

получает возможность забыться, она – без помех производить над ним свои операции.

«Спецоперация Порядок», осуществленная властью в начале XXI в. в области прошлого, имела (и имеет) тот же смысл, что и в политике: сформировать простейшую социокультурную вертикаль «единая Россия – одна власть – один народ – единая память – общие ценности – общая судьба». С этой целью произведена частичная деприватизация истории. Прошлое, имеющее объединяющий потенциал и признаки «полезности» для главного дела власти – смирить с собой народ, получило статус национального достояния (ценного ресурса – символического аналога энергозапасов). С помощью этого ресурса господствующие группы могут снять с себя ответственность – как за прошлое, так и за настоящее. Скажем, современные разговоры о сталинизме, оправдывающие преступления того режима «сталинской модернизацией», дают нынешней власти индульгенцию на социальное насилие. Попытка политического класса сбросить с себя историческую вину за преступления против человека (неважно, в Москве, Катыни или Будапеште) свидетельствует о желании «верхов» вообще отменить темы вины и преступления, наказания и ответственности.

Хуже всего, что такие действия и сейчас, после всех постсоветских «транзитов» и прозрений, встречаются «низам» с пониманием. Это общая форма уклонения – власти и общества – от решения насущных проблем собственной страны. Объединяющие нас воспоминания утверждают во мнении, что все возможно – и будет оправдано. Это индульгенция, которую власть и общество выдают самим себе.

Постсоветская идентичность: Как уйти
от советского, не расставаясь с ним

В конце XX в., на переходе от СССР к России, коллективный «мы-образ» подвергся пересмотру по всем параметрам и на всех уровнях – государства, общества, отдельного человека. При анализе его результатов прежде всего срабатывает эффект *deja vu*. Бросается в глаза отсутствие динамики образа – все вышедшие из него компоненты заменены не новыми, а подобными (тавтологией старого).

Показательно, что российское общество не приняло в качестве базового европейское самоопределение, подкрепленное общим с Европой прошлым и массовой трансляцией соответствующих ценностей. Оно и не имело шансов занять значимые позиции в национальном идентификационном проекте: ведь европейцами ощущает себя подавляющее меньшинство российских граждан. Ответы на вопрос «ощущаете ли вы себя европейцем?» практически не изменились за 1995–2003 годы: в 1995 г. 56% опрошенных ВЦИОМ – Левада-

Центром ответили никогда, 18 – редко (всего 74%), 13 – иногда, 10% – часто; в 2003 г. ответ «никогда» поддержало 55% респондентов, редко – 18 (всего 73%), иногда – 14, часто – 12%³². Причем, почувствовать себя европейцем наш человек просто не имеет возможностей: процент посещающих Европу в последние годы практически не меняется (в 2002 г. – 5%, в 2007 г. – 4%); в категории 16–25 лет эта цифра чуть выше – 8% в 2007 г.³³. Другие коммуникационные каналы не просто ограничены, но и сокращаются.

Справедливости ради следует отметить, что приобщение к массовым потребительским стандартам сделало познание Европы бесполезным даже для тех россиян, которые экономически могут себе это позволить. Нам не интересна Европа (впрочем, и Америка) как социокультурный, цивилизационный феномен (правда, и мы им совсем не нужны). Важно отметить, что свою «особость» («неевропейскость») российские граждане объясняют не социально-экономическими, а культурно-историческими причинами. Большинство опрошенных ВЦИОМ – Левада-Центром (в 1994 г. – 54%, в 2000 г. – 68, в 2003 г. – 57%) признали, что за годы советской власти фундаментально изменился склад людей в России³⁴. Иначе говоря, в известном смысле в советскую эпоху все-таки удалось вывести «новую породу людей», родовую связь с которой ощущает – и теперь не считает нужным скрывать – постсоветский человек.

В 1990-е годы трансформировалась гражданская идентичность: сегодня значительная часть населения признает свою принадлежность к России как новому государственному образованию. В январе 1991 г. трое из каждых пяти опрошенных ВЦИОМ российских граждан отождествляли Россию и СССР (не делал этого лишь каждый четвертый); в марте 1991 г. гражданином России считал себя каждый четвертый российский респондент, гражданином СССР – 63% опрошенных³⁵. В середине 1996 г. называли своей «родиной» Советский Союз только 10%, а Россию – уже 34%³⁶. И, наконец, в 2007 г. с общностью «советский народ» себя ассоциировали 18% опрошенных, иногда – 41, никогда – 42%, тогда как с «гражданами России» – 36% (иногда – еще 49%)³⁷. Фактически только с середины 1990-х годов можно говорить о

32. Дубин Б. *Жить в России...* – С. 321.

33. *Полис.* – 2008. – № 3. – С. 19–22.

34. Дубин Б. *Жить в России...* – С. 321.

35. Дубин Б. *Жить в России...* – С. 298.

36. Там же.

37. *Российская идентичность в социологическом измерении: Аналитический доклад (Рабочей группы Института социологии РАН под руководством М.К. Горшкова) // Полис.* – М., 2008. – № 3. – С. 12.

складывании новой постсоветской идентичности – да и то весьма условно. Большинство исследователей сходятся на том, что «...современная Россия находится на промежуточной стадии – между распадающейся советской идентичностью и пока... не состоявшейся российской национально-государственной идентичностью»³⁸. Неопределенность гражданской идентификации заставляет россиян обращаться к иным вариантам самоопределения – этническому, конфессиональному, локальным.

Интегрирующая роль гражданского самоопределения у нас низка (как и вообще возможности политической, гражданской консолидации). Дефицит государственно-гражданской идентификации компенсируется прежде всего за счет роста этнической компоненты: национальное трактуется как русское (опасность такого самоопределения – в том, что в нем заложены возможности погромно-патриотической интерпретации: «Россия – для русских»). Интегрирующие признаки этнической идентификации вполне традиционны – история, язык, предки. Кажется, их появление должно сопровождаться ростом показателей этнической консолидации – как компенсаторной реакции на травмы, нанесенные имперскому сознанию «титularyнции» на рубеже XX–XXI вв.

Отчасти это так и есть. Но только отчасти, и не этим определяется качество современного идентификационного проекта. «Русское» маркирует не столько генетическую (социобиологическую) общность, но единство территории (принадлежность к бескрайнему, постоянно расширяющемуся пространству) и ценностей имперского доминирования, создающих основу для социальной солидарности. То есть речь идет о переосмыслении в контексте национального старой – державной, имперской – идеи.

Особый смысл имеет изменение идеологической составляющей образа сообщества: компенсацией декоммунизации стал рост показателей церковно-православной идентификации. Эта идеология новой России дает ее гражданам старое – целостное, непротиворечивое, «правильное» – мировоззрение. Но уже на другой основе. В нем слиты национальное (православие большинством граждан современной России считается синонимом «русскости») и державное (православие – единственная традиция царской имперскости, которую – во всяком случае, на идеологическом уровне – удалось восстановить). Потребность иметь какое-то наследие (кроме того, которое можно выразить формулой «народ и власть едины») заставляет нас забыть тот факт, что постсоветизму досталось в наследство советское православие (точнее, советизированная церковь).

38. Там же. – С. 9, 12.

Православная идентификация имеет не только внутреннее («национальное»), но и внешнее измерение. Именно через церковное отчасти компенсируется утрата «всемирной» (супердержавной) роли государства. В 1990-е распался коммунистический мир, в 2000-е творится миф о лидерстве Русской православной церкви (РПЦ) в православном мире. Претензиями на руководство мировым «православным движением» объясняется придание государственного статуса воссоединению РПЦ и РПЦ за рубежом. Переход православия с национального (русского) на наднациональный (вселенский) уровень придает некоторый реализм идее «православные всех стран, соединяйтесь!». При всей своей иллюзорности это – основа для нового властечерковного и властенародного единства.

Наибольшего внимания заслуживает трансформация имперской компоненты образа сообщества. Ей был нанесен наибольший ущерб в 1990-е годы, но она осталась центральным элементом «мы-образа», к которому тяготеют все остальные. Произшедшие с ней изменения можно определить так: она приобрела имитационный характер (это вымышленная имперскость, поэтому ее реконструированием – с целью придать ей видимость реальности – так всерьез занялись господствующие группы); в ней существенно выросли значения «национального». Это национализм большинства, который базируется на традиционных ориентациях – авторитаризма, подданничества, одержимости сверхтерриториальностью и державным величием. По существу, мы имеем дело с имперским национализмом, сменившим – и в основных чертах повторившим – советское сверхимперство.

Можно сказать, что в толковании имперскости – как государством, так и обществом – произошел откат к позициям более низкого порядка. Имперство СССР имело наднациональный характер; имперство России «снизилось» до национального. И это объяснимо. Имперство СССР – это имперство сверхдержавы, бывшей центром «коммунистического мира» (своего рода вселенское и потому «интернациональное» имперство). Имперство России – имперство страны, утратившей сверхдержавный статус, потерявшей имперскую территорию и потому замкнувшейся в себе и культивирующей «особость». Но это по-прежнему имперство – на уровне массовых претензий, ориентаций, государственной политики. Показательно, что в образе современного российского общества культивируется милитаризм – важный элемент представлений о великодержавности³⁹. Это свидетельствует о

39. При оценке величия собственной страны ее гражданами в 1999–2000 гг. увеличилось значение следующих показателей: ресурсы (с 16% до 29% выросло число россиян, придающих им приоритетное значение) и ядерное оружие (с 14 до 27%) (Дубин Б. Жить в России... – С. 326). В целом милитаристская компонента в образе страны была значима для половины опрошенных Левада-Центром в 2001 г. (там же).

сохранении массовой склонности мерить силу своего государства способностью к территориальному росту, а также к «враждебным поглощениям» других народов и стран. Только это вернет населению России ощущение национально-государственной полноценности.

Современная имперскость – это явление националистическое и церковное. Она отсылает к воспоминаниям о советской государственной мощи и русско-православной державе (отсюда, кстати, царистские интерпретации образа президента). Современные имперские претензии России подкрепляются державной, почвенно-националистической интерпретацией собственной истории. Интенсивный общественный запрос на нее удовлетворила «путинская» власть, запустив механизм массового «производства» великодержавного («особого», военизированного, победоимперского) прошлого. Ведь оно работает на нее, принося конкретную прибыль в виде символического капитала поддержки. Это прошлое полезно и народу (не человеку, а именно народу: как воображаемой общности, состоящий из «человекоединиц», встроенных в общий – сконструированный «сверху» – порядок): оно подтверждает устойчивый идеальный образ себя. Между официальным прошлым и массовыми историческими предпочтениями не только нет противоречия, но и отсутствует какой-либо зазор. Поэтому официоз, базирующийся на массовых образах прошлого, легко стал частью массовой культуры.

Идеализация прошлого как преграда
на пути культурной эволюции

Все вышесказанное заставляет пересмотреть ставшие привычными оценки нашего недавнего прошлого. В последнее десятилетие XX в. у нас не случилось никакого «демократического транзита» – ни в политике, ни в представлениях о себе и собственном прошлом, ни в нормативно-ценностной сфере. Произошли институциональный надлом системы и развал страны, – и это цена нашего нынешнего бездумного потребительства, размена всяких ценностей, представлений и политики на материальные блага (реальные или виртуальные). С социокультурной точки зрения события конца 1980 – начала 1990-х годов представляли собой оттепель, неожиданным (для всех) результатом которой стала декоммунизация.

Пережив приступ перемен, мы быстро вернулись на «единственно правильный» путь. Возвращение оправдано вызовом «правильного»

– С. 327). Очевидно, что современные российские условия способствуют росту этих показателей.

прошлого, дающего легенду системе, наследовавшей родовые черты советизма, но вынужденной равняться на современный развитый мир. То, что у нас не утвердились современные экономические, политические, правовые и культурные отношения, отсутствуют современные институты, авторитетные лидерские группы и позитивные социальные достижения, свидетельствует: мы органически неспособны создать для них внутренние основания и принять их в качестве нормативных. В этом смысле мы не столько несовременны, сколько досовременны.

Причем, эта досовременность – наследственная, роднящая советизм с постсоветизмом. Она воспроизводится вследствие неспособности нашего социального организма к саморазвитию, связанному с наращиванием уровня сложностей (как в мире материальном, так и в интеллектуальной сфере), потребностей, задач, знаний, умений, т.е. с накоплением цивилизационного запаса – того богатства, на основе которого и формируется современное общество. Когда перегрузка сложным и многообразным наследием, традициями, антропологией достигает критического уровня, происходят их сброс и опрощение системы. Воспроизводящаяся же ориентация на фантомы собственного прошлого служит закрепителем нашей социальной незрелости.

Б.А. Хейфец

РОССИЙСКИЕ ТНК В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

**Хейфец Борис Аронович – доктор
экономических наук, главный научный
сотрудник ИЭ РАН.**

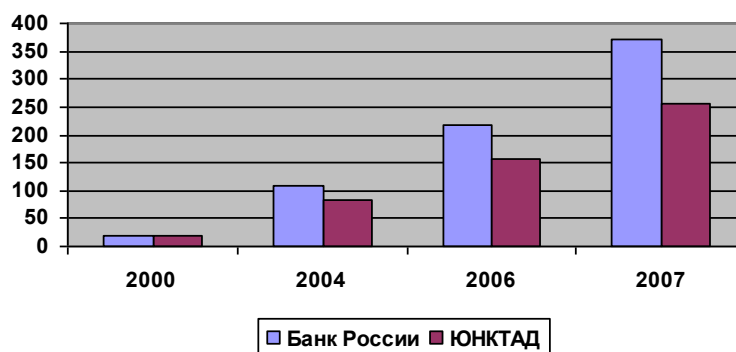
Изменение тренда

Кризис нанес чувствительный удар по зарубежным прямым инвестициям (ЗПИ) российского бизнеса. Бурный их рост стал одной из отличительных черт возрождающейся российской экономики в 2000-е годы. Но если в 1990-е годы преобладала тенденция нелегального вывоза капиталов, которые достаточно бессистемно инвестировались преимущественно в виде ссудного капитала (банковские счета), некоммерческую недвижимость или просто «проедались» за границей, то в настоящее время наметился явный крен в сторону перемещения за рубеж и наращивания инвестиций российских компаний.

По оценкам экспертов ЮНКТАД, накопленные ЗПИ из России выросли с 20,1 млрд. долл. в 2000 г. до 255,2 млрд. долл. на конец 2007 г. По данному показателю России вышла на 13-е место в мире и 2-е место среди развивающихся стран и государств с переходной экономикой (после китайского Гонконга).

В 2000 г. накопленные ЗПИ у России составляли 7,8% от ВВП, к началу 2008 г. – уже 19,8%. Их объем достиг в 2007 г. 16,8% от показателя валовых инвестиций в основной капитал¹. Оценки накопленных ЗПИ Банка России, в которых не менее 60% приходится на реинвестиции и прочий капитал, рисуют еще более впечатляющую картину – 370,2 млрд. долл. на начало 2008 г. (см. рис. 1).

1. World Investment Report. UNCTAD. 2008. P. 253–271.

Источник: Данные Банка России, UNCTAD (доступны на: www.cbr.ru; www.unctad.org).

Рис. 1
Динамика накопленных ЗПИ российского бизнеса,
млрд. долл., на конец года

ЗПИ и полученные с их помощью зарубежные активы начали играть особую роль в российской экономике, где появились и успешно развиваются первые российские ТНК. В результате у России сформировалась весьма своеобразная, *параллельная внешняя экономика*, которая тесно связана с внутренней экономикой и оказывает все большее влияние на ее развитие, способствуя таким образом интеграции в глобальную экономику. Вместе с тем внешняя экономика сильно зависит от внутренней российской экономики, подпитываясь ее потоками финансовых, товарных и других ресурсов.

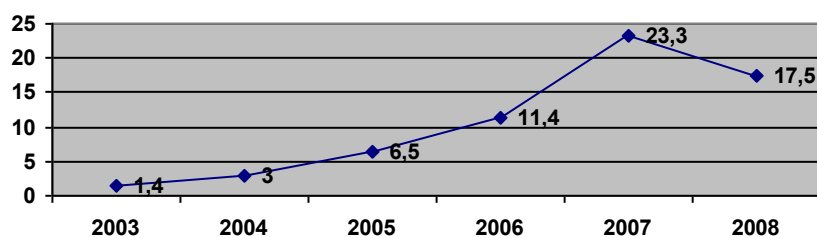
Данное явление характерно для всех стран, активно участвующих в глобализационных процессах. В экономической литературе получил распространение термин «вторая экономика», обозначающий экономическое пространство, образуемое сетью международного производства². Как отмечает А.В. Кузнецов, «по сути, деятельность ТНК ведет к образованию у стран за их пределами «второй экономики». В нее перетекает часть ресурсов из национальной экономики, зато обратно возвращаются доходы от капиталовложений и ввозятся товары, раньше производимые с большими

2. Хесин Е.С. *Мировая экономика: вступая в третье тысячелетие* // *Мировая экономика и международный бизнес. Под редакцией В.В. Полякова и Р.К. Щенина*. М.: КНОРУС, 2005. С. 39.

издержками в самой стране. В итоге политические и экономические границы государств все меньше совпадают»³.

Тренд расширения зарубежной экспансии российского бизнеса, продолжавшейся и в первые 8 месяцев 2008 г., сменился свертыванием ее размеров. В результате, если в январе-августе 2008 г., по нашим оценкам, было совершено 47 сделок (примерно пять сделок в месяц), то в сентябре-декабре – всего 13 (в среднем 3,3 сделки в месяц). При этом почти все завершавшиеся в этот период сделки были начаты в благоприятную первую половину 2008 г.

В целом же в 2008 г. было совершено 60 сделок по приобретению зарубежных активов на сумму около 17,5 млрд. долл. (без учета сделок в рамках обмена активами). Соответствующие показатели для 2007 г. составили почти 100 сделок на 23,3 млрд. долл. (см. рис. 2).

Источник: www.mergers.ru; www.pwc.com; www.ey.com; оценки авторов.

Рис. 2

**Динамика объема сделок по слияниям и поглощениям
российскими компаниями за рубежом, млрд. долл.**

Помимо резкого обострения проблем с ликвидностью у российских ТНК уменьшение объемов ЗПИ произошло из-за снижения цен в результате пересмотра первоначальных договоренностей по некоторым соглашениям. Кроме того, были отложены сделки не менее чем на 8 млрд. долл., по которым была достигнута первоначальная договоренность. Потенциально 2008 г. мог бы дать новый рекордный прирост активов. Но стал годом изменения сложившегося в 2000-е годы тренда.

3. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики. Инвестиционный аспект. М.: URSS, 2007. С. 16.

Основные тенденции развития

В период роста внешней экономики проявились некоторые характерные особенности ее развития. К ним можно отнести:

- а) концентрация ЗПИ в «руках» немногих крупнейших компаний;*
- б) недостаточная международная конкурентоспособность российского бизнеса;*
- в) сырьевая направленность российских ЗПИ;*
- г) большая активность в ЗПИ частных структур;*
- д) реструктуризация зарубежных активов;*
- е) концентрация экономического потенциала путем слияния ТНК.*

Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Согласно утвердившемуся в последние годы подходу ЮНКТАД к ТНК может быть отнесена любая компания, имеющая хотя бы один филиал за рубежом, независимо от объема зарубежных операций. По нашим оценкам, в России к транснациональным с точки зрения этих критериев ЮНКТАД могут быть отнесены не менее 5–10 тыс. бизнес-структур.

В то же время основной поток зарубежных прямых инвестиций приходится всего на несколько компаний первого эшелона. Хотя объемы зарубежных инвестиций российских компаний в 2005 – первой половине 2008 г. существенно выросли, они еще уступают многим ТНК не только развитых, но и развивающихся стран.

Для иллюстрации этих выводов воспользуемся данными Московской школы управления «Сколково», которая в 2007 г. опубликовала первый, а в ноябре 2008 г. – второй рейтинг российских ТНК⁴. Некоторые данные этих рейтингов далеко не безупречны и встречают законные возражения ряда исследователей. В частности, они, по мнению А.В. Кузнецова, вероятно, учитывают совокупные зарубежные активы российских компаний, которые включают *оборотные* зарубежные активы (денежные средства и их эквиваленты, краткосрочные финансовые активы, товарные запасы и т.п.). Это приводит к завышению оценок зарубежных активов ряда российских компаний, (особенно сильно у «Газпрома», а также ряда других сырьевых компаний)⁵. Вызывает сомнение и включение в рейтинг таких компаний как Rizio Entertainment, которая специализировалась на игорном бизнесе (скорее всего, из-за упомянутых оборотных активов), а также непопадание в него

4. *Российский бизнес за рубежом: динамика развития*. М.: Московская школа управления «Сколково». 2008. Ноябрь (доступно на <http://www.skolkovo.ru/content/view/440/41/lang,ru/>).

5. *Подробнее об этом см.: А. Кузнецов Инвестиционные рекорды российских ТНК в 2007 г.* (доступно на <http://www.perspektivy.info/print.php>).

ряда компаний, осуществляющих ЗПИ («Ренова», «Союзнефтегаз», «Роснефть», «Мечел», «Зарубежнефть» и некоторых других). Не вполне понятна также методика получения данных по зарубежным продажам, которые нельзя подменять данными по экспорту. В то же время рейтинги «Сколково» пока несут самую комплексную информацию по российским ТНК и поэтому удобны для анализа основных тенденций развития с учетом высказанных выше оговорок.

По оценкам «Сколково», зарубежные активы 25 крупнейших компаний по масштабу бизнеса за пределами России составляли на начало 2008 г. порядка 90 млрд. долл., а общий штат сотрудников за рубежом – почти 140 тыс. человек (см. табл. 1). Суммарные показатели для 25 российских ТНК соответствуют показателям такой одной ТНК как «Франс Телеком» за 2006 г. Между тем в 2006 г. «Франс Телеком» занимала по размеру зарубежных активов только 15-е место среди крупнейших нефинансовых ТНК мира. На три российские ТНК – «ЛУКОЙЛ», «Газпром» и «Норильский никель» – приходилось 57% суммарных зарубежных активов 25 российских ТНК. При этом разрыв по величине зарубежных активов между «ЛУКОЙЛом» и занимающей 15-е место в этом рейтинге российских ТНК «Еврохимом» составляет 23 раза.

Сейчас до 1/3 всех сделок в мире по трансграничным слияниям и поглощениям (СиП) имеют цену выше 10 млрд. долл. У российского бизнеса таких сделок нет, а сделок объемом свыше 1 млрд. долл. на середину 2008 г. насчитывалось только 13, при этом самая крупная из них не превысила 7 млрд. долл. Почти все эти сделки были совершены в 2007 и первой половине 2008 г. (см. табл. 2).

Таблица 1

25 ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ ПО РАЗМЕРУ ЗАРУБЕЖНЫХ АКТИВОВ И
ЗАНЯТЫХ ЗА РУБЕЖОМ, 2004±2007 гг.

№ в 2007 г.	Название компаний	Отрасль	Зарубежные активы, млн. долл.		Занятые за рубежом, тыс. человек	
			2007 г.	2004 г.	2007 г.	2004 г.
1	2	3	4	5	6	7
1	«ЛУКОЙЛ»	нефть / газ, нефтеперераб отка	20 805	10 579	22	14
2	«Газпром»	нефть / газ	17 236	2951	9	5
3	«Норильский никель»	металлургия / горнодобыча	12 843	1413	4	1,8
4	«Евраз Груп»	металлургия	6221	0	13	0

5	«Северсталь»	металлургия / горнодобыча	5130	666	11	2
---	--------------	------------------------------	------	-----	----	---

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
6	«Совкомфлот»	транспорт	4874	1762	0,2	0,2
7	«РУСАЛ»	металлургия / горнодобыча	4533	743	15	5
8	МТС	связь / розница	3812	994	5,3	3,4
9	«Вымпелком»	связь / розница	3572	602	8,6	0,4
10	НЛМК	металлургия / горнодобыча	1594	0	2,8	0
11	Приморское морское пароходство	транспорт	1208	657	0	0
12	ТНК-ВР	нефть / газ, нефтеперераб отка	1150	438	5,5	1
13	ФЕСКО	транспорт	1055	675	0,6	0
14	ПМХ/КОКС	металлургия / горнодобыча	978	0	3,4	0
15	«Еврохим»	агрохимия	901	0	1,0	1,0
16	Интер РАО «ЕЭС»	электроэнерге тика	799	261	14,0	4,3
17	Трубная металлургичес кая компания	металлургия / горнодобыча	606	0	3,1	0
18	Mirax	металлургия	470	0	н/д	н/д
19	Группа «ГАЗ»	машинострое ние	384	н/д	0,9	н/д
20	Группа «ЧТПЗ»	металлургия / горнодобыча	262	0	1,7	0
21	«Акрон»	агрохимия	261	119	4	4
22	АЛРОСА	металлургия / горнодобыча	231	31	0	0
23	Ситроникс	электроника	226	31	5,1	н/д
24	ОМЗ	машинострое ние	207	347	1,9	2,0
25	Rizio Enter- tainment	развлечения	200	47	6,9	1,5
25 компаний в целом		все отрасли	89 558	22 000	136,5	42

Таблица 2

20 КРУПНЕЙШИХ СДЕЛОК РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА
ПО ПРИОБРЕТЕНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ АКТИВОВ ЗА 2004±2008 гг.¹

Место	Год	Зарубежный актив ²	Компания-покупатель	Отрасль	Сумма сделки, млн. долл. ³
1	2	3	4	5	6
1	2007	100% акций LionOre Mining International Ltd (Канада)	«Норильский никель»	металлургия	6496
2	2008	100% акций IPSCO (Канада)	«Евраз групп»	металлургия	4025
3	2006	Глиноземные активы Glencore (Швейцария)	«РУСАЛ», «СУАЛ»	металлургия	3000 ⁴
4	2005	100% акций Nelson Resources Limited (Бермудские острова)	«ЛУКОЙЛ»	ТЭК	2130
5	2008	49% акций СП с ERG S.p.A. (Италия)	«ЛУКОЙЛ»	ТЭК	2120 ⁴
6	2007	91% акций Oregon Steel Mills Inc (США)	«Евраз групп»	металлургия	2100
7	2007	Металлургические и коксохимические активы группы «Приват» (Украина)	«Евраз групп»	металлургия	2000 ⁴
8	2007	30% акций STRABAG SE (Австрия)	«Базовый элемент»	строительство и инжиниринг	1680 ⁴
9	2005	13,2% акций Turkcell Iletisim Hizmetleri (Турция)	Альфа-Групп	телекоммуникации	1602
10	2007	16% акций Magna International Inc (Канада)	РусПромАвто (Группа ГАЗ)	автомобилестроение	1537
11	2008	Oriel Resources (Великобритания)	«Мечел»	металлургия	1498 ⁴
12	2007	31,4% акций Sulzer (Швейцария)	Ренова	машиностроение	1350 ⁴
13	2008	Esmark Steel (США)	«Северсталь»	металлургия	1285
14	2007	24,4% акций Oerlikon (Швейцария)	Ренова	машиностроение	1250 ⁴
15	2008	Холдинг Italcementi Set Group (Турция)	«Сибирский цемент»	промышленность строительных материалов	850 ⁴
16	2007	9,99% акций Hochtief AG	«Базовый элемент»	строитель-	820 ⁴

		(Германия)		ство и инжиниринг	
17	2008	Sparrows Point (США)	«Северсталь»	металлургия	810

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5	6
18	2006	50% акций Steel Invest & Finance SA (Люксембург)	НМЛК	финансы	805
19	2007	80% акций Energetic Source SPA (Италия)	Ренова	ТЭК	700 ⁴
20	2006	79% Highveld Steel & Vanadium Corp (ЮАР)	«Евраз групп»	металлургия	681

Примечание: ¹ Не учтены некоторые сделки в рамках обмена активами; ² размер имеющегося зарубежного актива (он мог как возрасти за счет покупки новых акций, так и уменьшится в результате продажи акций в последующем, равно как быть проданным, уступленным по залоговым обязательствам; ³ сумма сделки (ряда сделок по приобретению актива) пересчитана в доллары США на дату покупки, обычно она включает затраты на погашение имевшейся у зарубежного актива задолженности перед третьими лицами; ⁴ оценка.

Самыми крупными являются покупка «Норильским никелем» канадского производителя никеля и меди LionOre Mining International Ltd за 6,5 млрд. долл., приобретение группой «Евраз групп» канадской металлургической компании IPSCO за более чем 4 млрд. долл. (при этом часть активов Ipsco выкупит российская Трубная металлургическая компания), сделка по присоединению глиноземных активов швейцарской Glencore (около 3 млрд. долл.)

в результате их слияния с активами «РУСАЛа» и «СУАЛа». Доля России в 2006 г. в мировом объеме трансграничных СИП (880,5 млрд. долл.), по оценкам экспертов UNCTAD, составляла менее 0,5%, что в 5–7 раз меньше удельного веса России в мировом ВВП и экспорте⁶.

2. Масштабы российской зарубежной экспансии могли бы быть значительно больше, но в последние годы значительно обострилась конкуренция на международном рынке СИП. По оценкам аналитической группы СИП-Intelligence журнала «Слияния и поглощения» только за 2006 г. не состоялось таких сделок с участием российского капитала на сумму 50,2 млрд. долл.⁷. Среди неудавшихся сделок можно назвать проекты по объединению активов Arcelor и «Северстали», по покупке «Газпромом»

6. World Investment Report, 2007. P. 273.

7. www.advisers.ru/survey/article986.html?t_page=print.

британской Centrica и польской PGNiG, по вхождению «Газпрома» в Российско-украинско-германский газопроводный консорциум в Украине и обмену активами «Газпрома» с итальянской Eni с целью получения последующего контроля над энергетической компанией Enipower, по приобретению ММК пакистанской Pakistan Steel, ряд проектов «ЛУКОЙЛа» по покупке нефтеперерабатывающих активов (Ceřka Rafinerska в Чехии, Гданьский НПЗ в Польше, Mazejkiu Nafta в Литве, Hellenic Petroleum в Греции и Europort в Нидерландах) и т.п. В 2007 г. и до начала острой фазы кризиса в 2008 г. также было несколько несостоявшихся сделок по зарубежным СиП российского бизнеса (например, «Базовый элемент» не смог увеличить свой пакет акций в германском Hochtief AG и купить сербскую медеплавильную компанию RTB Bor, «Аэрофлот» – купить итальянскую авиакомпанию Alitalia и сербскую JAT Airways, «Газпром» – приобрести турецкую газораспределительную компанию Basket Dogalgaz, АФК «Система» – приобрести пакет акций немецкого концерна Deutsche Telekom и т.п.).

Во многих таких неудачах, если отбросить чисто политические факторы, а также меры по обеспечению экономической безопасности принимающих инвестиции стран, основную роль сыграла *низкая конкурентоспособность* российских компаний на международном рынке СиП. Они часто проигрывали своим конкурентам не только из развитых стран, но быстро растущим ТНК из некоторых развивающихся государств. Согласно исследованию, проведенному аналитическим отделом британского журнала «Economist» в 2006 г. по заказу компании «РУСАЛ», только 10% опрошенных западных бизнес-лидеров считали российские компании конкурентоспособными на мировом рынке⁸.

3. Структура зарубежной экспансии во многом копирует структуру внутренней экономики. Преобладают прямые инвестиции в активы, связанные с добычей и первичной переработкой топлива и сырья. Более 2/5 зарубежных активов на конец 2007 г. приходилось на нефтегазовый сектор, треть – на металлургическую и горнодобывающую промышленность. При этом в 2006–2007 гг. наблюдалась существенное увеличение зарубежных активов российских ТНК в черной и цветной металлургии. В 2008 г. металлурги увеличили свой удельный вес в общем объеме накопленных зарубежных инвестиций.

Конечно, российские энергетические и металлургические компании стремятся диверсифицировать производство за счет приобретения вертикально интегрированных активов. Речь идет об активах,

8. Русские идут. Зарождение развивающихся российских транснациональных корпораций. М.: РУСАЛ, 2006.

осуществляющих продажу продукции конечным потребителям или выпускающих продукцию своего топливно-сырьевого профиля, но с более высокой долей добавочной стоимости. Например, «Евраз групп», благодаря приобретению зарубежных активов и расширению с них экспорта в Россию и страны СНГ увеличил в общем объеме своего производства долю продукции высокого передела (железнодорожной продукции, плоского проката, продукции строительного сортамента и т.п.) с 65 до 80%. Однако в целом это мало меняет общую картину.

«РУСАЛ» приобрел в Китае два катодных завода – «Шаньси» и «Баогуан». Продукция китайских заводов обеспечивает потребности алюминиевого производства ОК РУСАЛ в Сибири. В настоящее время собственные мощности удовлетворяют около 30% потребностей компании в катодах. С учетом проекта расширения завода «Баогуан» компания сможет довести самообеспеченность по этому виду сырья до 60%.

«Северсталь-метиз» стала собственником 100% акций итальянской компании Redaelli Тесна S.P.A., одного из лидеров на мировом рынке специальных канатов. На российском рынке «Северсталь-метиз» занимает долю в 25%, на украинском – в 18, на рынке Великобритании – в 23%.

Между тем именно сырьевой сектор стал сейчас предметом особой защиты со стороны национальных правительств. За 2003–2007 гг. по данным ЮНКТАД, было принято 160 новых ограничительных норм для иностранных инвестиций, в то время как за предыдущее пятилетие (1998–2002 гг.) – всего 47⁹. В мире разворачивается нешуточная борьба за природные ресурсы, на первое место выдвигается обеспечение национальной энергетической безопасности. Именно в этой сфере, где наиболее сильны позиции российских ТНК, наблюдается существенное усиление государственного протекционизма.

В Великобритании, например, в 2006 г. вспыхнул скандал только по поводу слухов о возможном приобретении «Газпромом» английской компании Centrica, занимающейся продажей газа в стране. Это стало одной из причин, побудивших разработать поправки в закон о предпринимательстве 2002 г., направленные на изменение режима контроля сделок по СиП. Такие новации дали бы возможность блокировать сделки в секторе энергетики, если они угрожают безопасности поставок. Закон 2002 г. позволяет правительству накладывать вето на сделки, угрожающие национальной безопасности, однако он не распространяется на энергетический рынок.

По данным опроса, проведенного FT / Harris Interactive в начале 2008 г. во Франции, Германии, Великобритании, Испании, Италии и США, во всех

9. World Investment Report. 2008. P. 13.

странах, кроме Испании, большинство населения (53–65%) выступают против любых российских инвестиций. При этом во всех странах данной группы, за исключением Великобритании, большинство населения (от 56% – в США до 69% – во Франции) считают Россию скорее дружественным государством¹⁰.

В адрес России неоднократно высказывались претензии, что она путем скупки активов в энергетическом секторе угрожает экономической безопасности Европы. Так, канцлер Германии Ангела Меркель в начале 2007 г. заявила, что Европа может заблокировать экспансию российского бизнеса, если Москва будет чинить препятствия европейским инвесторам¹¹. Эта позиция нашла отражение в одобрении Европарламентом в июле 2007 г. доклада «О перспективах внутреннего рынка газа и электричества ЕС», в котором отмечается, что «следует запретить компаниям из третьих стран покупать объекты энергетической инфраструктуры ЕС, за исключением тех случаев, когда страна готова на ответные шаги»¹². С подобными обвинениями продолжают сталкиваться российские компании энергетического сектора, желающие приобрести зарубежные активы.

4. Несмотря на рост числа компаний, где значительный пакет акций принадлежит государству, наибольшую активность в зарубежной экспансии проявляют частные бизнес-структуры. Из приводившихся выше данных видно, что среди 25 крупнейших по размеру зарубежных активов российских ТНК в 2007 г. – только четыре были государственными компаниями – «Газпром», «Совкомфлот», «Интер РАО ЕЭС» и «АЛРОСА». Среди 20 крупнейших сделок по приобретению зарубежных активов на конец 2008 г. нет ни одной с участием контролируемых государством компаний. Такая ситуация объясняется тем, что частные инвесторы проводят более гибкую, а иногда и более рискованную инвестиционную политику, а также руководствуются в некоторых случаях специфическими мотивами, которые не имеют значения для государственных компаний. Частные структуры быстрее находят источники финансирования для таких покупок, не боясь прибегать к займам и новым эмиссиям акций. Вероятно, сказывается и фактор негативного отношения к вывозу капитала, сложившегося в 1990-е годы. Однако в последние годы ситуация стала меняться и многие госкомпании заявили об амбициозных планах зарубежной экспансии.

5. Начатая в последние 2–3 года реструктуризация зарубежных активов российских компаний, приобретенных в прошлом, связана с постепенным осознанием, что не все, что продается нужно покупать. Если прежде

10. Ведомости. 2008. 19 февраля.

11. The Times. 2007. 9.01.

12. Ведомости. 2007. 11 июля.

компании приобретали доступные для себя активы, не особенно просчитывая перспективы новых бизнесов, то с ростом своего потенциала они стали по-новому оценивать перспективность своих прежних зарубежных инвестиций. Иногда причиной продажи ранее купленных зарубежных активов является их низкая эффективность, невозможность достичь тех целей, которые намечались при первоначальной покупке (например, увеличения пакета акций в этом активе, получение реального участия в органах управления и т.п.).

В некоторых случаях это связано и со стремлением высвободить средства для других зарубежных приобретений, которые в большей степени соответствуют теперешним корпоративным интересам. Или инвестициями, предназначенными для получения дохода от увеличившейся капитализации зарубежного актива.

Так, «ЛУКОЙЛ» продал в 2008 г. за 138 млн. долл. 162 заправки, купленные в 2004 г. у SoposPhilips в штатах Пенсильвания и южной части Нью-Джерси (США). Причинами такого решения стали низкая доходность и высокая волатильность рынка¹³. Зато новые АЗС были приобретены в Европе.

«ЛУКОЙЛ» также продал в 2008 г. 132 газозаправочные станции и одну большую газоналивную станцию в Быдгощи (северо-центральная часть Польши)¹⁴.

«Норильский никель» продал за 2 млрд. долл. в 2006 г. 20%-ный пакет акций южноафриканского золотодобывающего предприятия Gold Fields, купленный им в 2004 г. за 1,16 млрд. долл., что обеспечило финансирование новых зарубежных приобретений российской компании.

Российский предприниматель А. Усманов, через контролируемую им компанию Gallagher Holdings скупивший в 2003–2004 гг. 13,4% акций англо-голландского концерна Corus Steel примерно за 300 млн. долл. в 2005 г., когда акции Corus Steel на рынке резко подорожали, продал свой пакет, заработав более 250 млн. долл.¹⁵ А. Усманов в 2006 г. купил 19,9%-ный пакет акций в австралийской горнодобывающей компании Mount Gibson Iron за 77 млн. долл., который продал в 2008 г. за 380 млн. долл.¹⁶

6. Новой тенденцией 2007 – первой половины 2008 г. становится стремление к консолидации и слиянию активов отдельных российских компаний, а также российских компаний с компаниями из зарубежных стран. Это не только усиливало их потенциал для ЗПИ, но и устранило ненужную

13. Ведомости. 2008. 11.04.

14. <http://www.polpred.com/country/pl/news.html?section=8&country=124>.

15. <http://www.infogeo.ru/metalls/press/?act=show&rev=758>.

16. http://www.mergers.ru/review/news/news_4704.html.

конкуренцию, т.е. способствовало повышению конкурентоспособности российских ТНК в глобальной экономике

В 2007 г. появилась новая российская ТНК «Объединенная компания (ОК) Российский алюминий (РУСАЛ)» в результате слияния крупнейших российских производителей алюминия и глиноземных активов швейцарской компании Glencore. «РУСАЛ» благодаря слиянию образовал мощную вертикально интегрированную международную компанию, обладающую зарубежными активами в 18 странах на пяти континентах.

«Евраз групп» в ноябре 2007 г. выкупила у крупнейшей украинской финансово-промышленной группы «Приват» ряд активов черной металлургии, в том числе акций пяти украинских предприятий (99,25% акций ГОКа «Сухая балка», 95,57% акций Днепропетровского металлургического завода им. Петровского, 93,74% акций коксохимического завода «Баглейкокс», 98,65% акций «Днепрококса» и 93,83% акций Днепродзержинского коксохимического завода). Сделка была оплачена 1 млрд. долл. деньгами и 34,5 млн. долл. в виде глобальных депозитарных расписок (GDR) «Евраз групп»¹⁷. Одновременно была достигнута договоренность о приобретении «Евраз групп» принадлежащих «Привату» 50% акций Южного ГОКа.

Еще одним масштабным шагом к превращению «Евраз групп» в крупнейшего международного игрока на металлургическом рынке могло бы стать ее слияние с украинским «Индустриальным союзом Донбасса», который управляет контрольными пакетами акций Алчевского меткомбината, Алчевского коксохимзавода, Днепровского меткомбината им. Дзержинского, а также комбината Dunafer в Венгрии и Huta Stali Czestochowa в Польше. В случае объединения новая компания стоила бы около 50 млрд. долл. и вошла бы в пятерку крупнейших мировых производителей стали¹⁸. Однако резкое ухудшение конъюнктуры на рынках металлов прервали эти переговоры.

Велись переговоры о слиянии «Металлоинвеста» А. Усманова и одной из крупнейших в мире компаний по производству меди – «Казахмыс» из Казахстана. В этом случае может возникнуть транснациональный холдинг с активами в 50 млрд. долл.¹⁹ Еще до наступления острой фазы кризиса рассматривались различные варианты объединения активов «Норильского никеля»,

ОК «РУСАЛ» и «Металлоинвеста».

Сжатие внешнего сектора

17. Ведомости. 2007. 14 декабря.

18. Коммерсантъ. 2008. 24.07.

19. Коммерсантъ. 2008. 15.07.

Внешний сектор российской экономики раньше и острее почувствовал падение спроса и цен на свою продукцию. Кризис привел к его сжатию по ряду направлений.

Во-первых, *сократилось или даже прекратилось производство на зарубежных филиалах российских компаний.*

В ноябре 2008 г. ОК «РУСАЛ» заявил о сокращении производства на Запорожском алюминиевом комбинате (ЗАЛК). Алюминиевый холдинг также сократит на 50% производство глинозема на итальянском предприятии Eurallumina и на 35% – на ямайском предприятии Windalco, где были уволены 150 работников. Всего ОК «РУСАЛ» планирует сократить на своих предприятиях 4500 человек (около 5% всех занятых), большая часть из которых придется на зарубежные активы²⁰. Серьезные проблемы возникли и у принадлежащего «Базэлу» черногорского Kombinat Aluminijska Podgorica (КАР)²¹.

Сократилось зарубежное производство и были проведены сокращения персонала у «Северстали», включающее в себя заводы Rouge Industries (США), Lucchini (Италия) и несколько более мелких предприятий.

«Евраз групп» сокращает производство и капитальные вложения на Украине примерно на 25%. В этой стране компания контролирует ОАО «Горно-обогатительный комбинат «Сухая балка», ОАО «Днепропетровский металлургический завод им. Петровского», 94,37% акций ОАО «Коксохимический завод «Баглейкокс», 98,65% ОАО «Днепрококс» и 93,86% ОАО «Днепродзержинский коксохимический завод».

«ЛУКОЙЛ» сокращает свои инвестиционные программы в Центральной Азии, стремясь сохранить инвестиции в Западной Сибири и на Ямале. Это может коснуться узбекского газового проекта «Кадым-Хаузак-Шады», а также некоторых проектов компании в Казахстане. В первую очередь это коснется проектов, где у «ЛУКОЙЛа» доли не менее 50% (Кумколь, Каракудук), так как миноритарные доли участия потребуют сложных согласований подобных новаций с партнерами²².

Хотя подобные явления происходят сейчас с транснациональными компаниями во всем мире, они стали наиболее важными зарубежными рисками российского бизнеса. Такое развитие событий усиливает синергию ряда

политических и экономических конфликтов, когда Россия выставляется в качестве нестабильного, ненадежного партнера. При этом изменение стратегий зарубежной экспансии обусловлено не только внешними

20. Ведомости. 2008. 12 декабря.

21. Ведомости. 2008. 5 ноября.

22. Пусть весь мир подождет // Ведомости. 2008. 16 декабря.

причинами, но и внутренними факторами. Заявляя о приоритете внутренних программ по сравнению с внешними, российские бизнесмены демонстрируют свою лояльность российскому государству и рассчитывают на их финансовую поддержку.

Особенно опасны последствия свертывания зарубежных проектов для развивающихся стран, где на российские инвестиции возлагались особые надежды в плане обеспечения занятости и новых источников для экспорта. Именно этими факторами объяснялось согласие некоторых таких государств на допуск российских компаний в стратегические отрасли экономики.

Поэтому сворачивание зарубежных проектов не только наносит большой ущерб имиджу российских компаний и перспективам расширения инвестиционного сотрудничества, но и таят в себе риск утраты внешних активов. Как заявил министр топлива и энергетики Украины Ю. Продан, владельцы

ЗАЛК – крупнейшего производителя алюминия на Украине – должны вернуть предприятие государству, поскольку они не в состоянии справиться с его управлением²³.

Во-вторых, сжатие внешнего сектора произошло *из-за значительного падения стоимости акций зарубежных активов*.

Кризис выявил серьезную слабость российской зарубежной экспансии. Дело в том, что основным источником ее финансирования были долговые заимствования. Опьяненные зарубежными покупками и соревнуясь между собой, многие российские инвесторы плохо просчитывали финансовые риски таких заимствований.

В залог кредитов, как это принято в мире, обычно предоставлялись покупаемые на них активы. Обычно стоимость залога была в 1,5–2 раза выше объема кредита, а в кредитном соглашении делались оговорки о необходимости увеличения залога при снижении его рыночной стоимости (наступлении ситуации margin call) или выплате кредита. В противном случае кредитор мог продать залог. В нормальных условиях подобная стратегия была оправдана, так как растущий спрос обеспечивал довольно скорую окупаемость начинавшихся проектов. Однако резкое падение фондовых рынков быстро обесценило российские залоги, вызвав margin call по целому ряду зарубежных активов. Обескровленные снижением своих продаж, российские компании были не в состоянии увеличить залог и предпочли расстаться с некоторыми зарубежными активами.

23. Запорожский алюминиевый комбинат должен вернуться государству (<http://www.ua.rian.ru/economy/20081104/78038239.html>).

Так, «Базэл» при наступлении margin call предпочел расстаться с заложенными в западных банках пакетами акций 9,9% немецкого строительного холдинга Hochtief, за которые было заплачено в 2007 г. более 500 млн. евро (стали собственностью немецкого Commerzbank) и 20% акций канадского производителя автокомпонентов Magna, которые в 2007 г. обошлись в 1,5 млрд. долл. (перешли к институциональным инвесторам). Еще один margin call компании О. Дерипаски En+ помогли погасить его партнеры по австрийской строительной компании Strabag (ее 25% акций были заложены у консорциума из семи западных банков), предоставив российскому предпринимателю кредит для увеличения залога в 500 млн. евро. Такая щедрость не бескорыстна – зарубежные совладельцы Strabag рассчитывают на получение новых выгодных заказов в России.

В ряде случаев предотвратить потерю заложенных активов помог ВЭБ, который был уполномочен государством оказывать помощь российским компаниям в урегулировании их внешней задолженности. ВЭБ предоставил кредит в 4,5 млрд. долл., которые позволили УК Rusal выкупить у консорциума из 11 банков заложенные 25,0%+1 акция «Норильского никеля». Тем самым помимо всего прочего была предотвращена частичная утрата крупных зарубежных активов, которыми владеет «Норильский никель». Решающим для сохранения зарубежных активов стал кредит ВЭБ в 1,8 млрд. долл. «Евраз групп», 800 млн. из которого было использовано для сохранения заложенных акций канадской IPSCO.

Некоторые компании получили или рассчитывают получить госкредиты от ВЭБ по залогам зарубежных или российских активов в иностранных банках (РЖД, «Мечел», «Альфа-банк», «Ренова», «Трубная металлургическая компания», «Ситроникс», «Металлоинвест», НЛМК, Группа компаний «ПИК», «Седьмой континент», «Магнит», X5 и др.). Господдержка расширит их финансовые возможности для выхода из трудных ситуаций по залогам иностранных активов или даст возможность перебросить ресурсы на новые зарубежные покупки. В целом же практически все российские ТНК вошли в список из 295 стратегических предприятий, которым будет оказываться государственная антикризисная поддержка.

Однако насколько оправдана государственная поддержка, предотвращающая утрату зарубежных активов? Если, конечно, речь не идет о стратегических важных активах. Здесь явно назрела необходимость дополнения закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства». Или учесть эти риски в новом законе о залоге, который намечается принять в рамках антикризисной программы.

Для остальных же проектов государственная поддержка означает консервацию сложившейся отсталой структуры экономики и экспорта и сохранение статус-кво крупнейших экономических игроков. Не лучше ли направить эти средства на модернизацию экономики и решение социальных проблем? Кстати, еще *большой* вопрос, станет ли сильной потерей для государства продажа многих приобретенных зарубежных активов другим инвесторам.

Кризис показал и недостаточную дальновидность многих наших инвесторов – в отличие их контрагентов. Почти все зарубежные активы были приобретены на пике их стоимости. Многие из них изначально были убыточны. Но эти факторы, как и финансовые риски, не учитывались в надежде на непрерывный рост. Поэтому высока вероятность, что предоставленные

ВЭБом кредиты не будут вовремя погашены. А это значит, что ВЭБ будет вынужден или пролонгировать кредиты, или тратить силы на несвойственные ему функции – поиск новых покупателей на перезаложенные зарубежные активы.

Каковы перспективы?

Широко распространено мнение, что в период финансовой нестабильности необходимо отложить новые инвестиции и сделки по слиянию и поглощению до лучшей поры. Однако опыт многих сильных компаний доказывает обратное. Например, с августа по декабрь 1997 г., по мере распространения финансового хаоса, в Азии (помимо Японии) было совершено 400 сделок на 35 млрд. долл. – рост составил более 200% по сравнению с тем же периодом предыдущего года²⁴.

О неплохих перспективах сделок по слиянию и поглощению, несмотря на кризис, говорят и выводы опубликованного в декабре 2008 г. специального исследования Boston Consulting Group (BCG) и инвестиционного банка UBS, в ходе которого были опрошены топ-менеджеры 164 публичных компаний стран ЕС. Почти треть этих компаний намерена осуществить крупные приобретения в 2009 г., свыше 2/5 компаний полагают, что на рынке будут проходить сделки, которые преобразуют структуру их отраслей, по примеру кризисов 1930-х и 1970-х годов. Лишь 15% компаний считают, что сделки СиП сейчас несут повышенный риск²⁵.

24. Barton D., Newell R., Wilson G. *Dangerous Markets: Managing in Financial Crises* (New York: John Wiley & Sons, 2002).

25. Kronimus A., Roos A., Stelter D. *Down but Not Out. A Survey of European Companies' Merger and Acquisition Plans for 2009*. BCG. 2008. December. P.1 (доступно

По мнению Ж. Лотье из аналитической компании Strategy Partners, падение капитализации европейских компаний – одна из наиболее очевидных возможностей купить привлекательный иностранный актив с дисконтом на зрелом рынке Европы²⁶. Сильно подешевели активы и на других континентах.

Однако для продолжения зарубежной экспансии нужны средства. Вместе с тем у прежних ее российских «локомотивов» проблемы с финансовыми ресурсами сохранятся в ближайшие два-три года. Это реальный срок, когда не стоит ожидать восстановления цен, соответственно, прежних доходов наших энергетических и металлургических компаний.

В таких условиях существенную роль могла сыграть государственная поддержка такой экспансии. Как заявил один из топ-менеджеров «ЛУКОЙЛа» Г. Красовский, у его компании нет проблем с выплатой долгов, но если государство предоставит дешевые деньги, то «ЛУКОЙЛ» купит новые активы за рубежом²⁷. От такой бы поддержки не отказались и многие другие компании, которые намечали реализовать ряд интересных проектов за рубежом.

В то же время прямая финансовая господдержка предлагаемых корпорациями проектов означает утрату инициативы в проведении остро необходимой структурной перестройки экономики. Кроме того, она встречает крайне негативную реакцию многих «принимающих» российские инвестиции стран.

Исключение здесь могут составить страны, с высокой степенью централизации политической и экономической власти, где всегда в развитии сотрудничества большую роль играло достижение межгосударственных договоренностей. Речь идет о Латинской Америке и Африке. В частности, ряд

СП планируется создать в Венесуэле в области цветной металлургии, золотодобывающей промышленности, нефтепереработки, машиностроения. «ЛУКОЙЛ» озвучил планы по разведке углеводородов в таких странах, как Гана и Берег Слоновой Кости, а «Синтезнефтегаз» получила права на разведку в Намибии. «Газпром» подписал соглашение с Нигерией о разведке и транспортировке нефти и газа, и начал переговоры по проекту прокладки через пустыню Сахара газопровода из Нигерии в Европу. Большие перспективы имеются для увеличения инвестиций крупнейших российских ТНК в центрально-азиатские страны СНГ.

на http://www.bcg.com/impact_expertise/publications/files/MA_Down_but_Not_Out_Dec_2008.pdf).

26. Лотье Ж. (2008) Покупка активов за рубежом: есть ли смысл? (доступно на <http://www.strategy.ru/UserFiles/File/presentations/The%20report%20Lot.pdf>).

27. Ведомости. 2008. 8 октября.

Кризис дает принципиально новые возможности для структурной модернизации с использованием новых технологий, имеющихся у зарубежных предприятий. Билл Гейтс предсказывает: «Во время этого кризиса произойдет инновационный скачок. В кризисные моменты всегда происходят великие открытия. Во время Великой депрессии появились телевидение (1929) и виниловые грампластинки (1930), была открыта планета Плутон (1930). В 1931 г. появились автомобильные радиоприемники, а в 1932 г. компания “Boeing” выпустила первый в мире пассажирский самолет»²⁸.

Академик В. Палтерович считает, что покупка предприятий за рубежом – еще один путь заимствования технологий. Его минус очевиден – в определенной мере мы лишаем соотечественников рабочих мест. Но плюсы тоже на поверхности, и основной – мы осваиваем зарубежные технологии, что называется, «вживую»²⁹.

Действительно, сейчас очень хорошее время для приобретения предприятий, имеющих инновационные технологии, остро необходимые российской экономике. Пока примеров таких приобретений немного. Можно отметить приобретение в 2006 г. Smart Hydrogen, являющимся СП «Норильского никеля» и «Интерросса», 35% акций американской компании Plug Power за 241 млн. долл. Последняя является ведущим мировым разработчиком и производителем оборудования для водородной энергетики. С его помощью «Норильский никель» и «Интерросс» планируют начать производство водородных энергетических установок в России.

Развитие альтернативной энергетики за счет приобретения и совершенствования зарубежных технологий планирует и «Ренова», которая зарегистрировала в Швейцарии в конце 2006 г. компанию Avelar Energy Ltd. Она будет заниматься всеми энергетическими проектами «Реновы» за рубежом. В течение пяти лет «Ренова» намерена вложить более 1 млрд. долл. В производство ветряной, солнечной и биоэнергии³⁰. Намечается строительство парков по производству электроэнергии с использованием ветрогенераторов суммарной мощностью 350 МВт, а также реализация

28. Государство не имеет права сокращать программы по развитию науки и инноваций. Материалы «круглого стола» «Как влияет финансовый кризис на отечественный инновационный сектор?» (доступно на http://www.strf.ru/innovation.aspx?CatalogId=223&d_no=16342).

29. Палтерович В.: Большинство инноваций в России — это имитация технологий. (доступно на http://nanoportal.ru/nanoarticles/interview/polterovich_170908/).

30. Виктор Вексельберг выходит на европейский рынок альтернативной энергии (доступно на <http://www.sonel.ru/ru/company/news/printable.php?print=1&id4=643>).

проекта по выработке электроэнергии с использованием солнечной энергии в Южной Италии мощностью 3 МВт.

ООО «Харви Форестер» в 2008 г. купило 85% акций финской компании Ripoх Oy, по технологии которой она выпускает лесозаготовительную технику с 2005 г. После объединения российской и финской компаний количество выпускаемой техники планируется увеличить в шесть раз, а себестоимость производства снижена на 30% за счет того, что металлоконструкции будут производиться в России. Данная сделка позволит расширить объемы продаж лесозаготовительной техники Harvu на европейский рынок, использовать в полной мере технологию биоэнергетических машин с последующей их продажей на российском рынке (ноу-хау) и, тем самым, обеспечить гарантию стабильной работы и низкий уровень цен закупки комплектующих с прямыми поставщиками в Европе и Америке.

Группа «Промышленные инвесторы» С. Генералова, объединившись с группой «Каскол», всего за 10 млн. долл. в 2008 г. приобрела в США активы разорившейся авиастроительной фирмы Adam Aircraft Industries Inc (AAI). AAI спроектировала двухмоторный реактивный самолет A700, способный поднять четырех пассажиров и двух пилотов (или пять пассажиров при одном пилоте). В создание фюзеляжа самолета, изготовленного не из традиционного алюминия, а из композитных углеродных материалов, американской фирмой было уже вложено 278 млн. долл. Спрос на такие самолеты, которые все в большей степени начинают использоваться как авиатакси, в мире постоянно растет.

Большую роль в приобретении инновационных зарубежных активов и в переносе передовых технологий могло бы сыграть партнерство госкорпораций, которые получили необходимые финансовые ресурсы от государства,

и частных инвесторов. Хороший пример в этом отношении показывает «Роснано». Одним из первых финансируемых с ее помощью проектов стало создание СП по производству современных систем освещения на Уральском оптико-механическом заводе с участием Группы ОНЭКСИМ и «Роснано». Данная технология была получена с помощью приобретения ОНЭКСИМом германо-финской компании «ОптоГаН», которую создали ряд бывших учеников академика Алферова, выехавшие из России. Предложенная ими технология изменит всю организацию освещения городов, офисов, жилых кварталов, что открывает ей широкие перспективы продукции нового СП как на российском рынке, так и для экспорта. Общий объем инвестиций в проект составит 3,4 млрд. руб. Доля «Роснано» в созданной компании составит 17%, доля УОМЗ – 33% – 1 акция, доля Группы ОНЭКСИМ совместно с разработчиками 50% + 1 акция.

«Роснано» планирует расширить подобную практику. Было бы неплохо, чтобы и другие госкорпорации предусмотрели возможности использования зарубежных приобретений для ускорения технологических прорывов.

* * *

Таким образом, кризис уже внес серьезные изменения в стратегии российских ТНК, усилив их внимание к мировому опыту и имеющимся финансовым рискам. Изменение мировой конъюнктуры и прогнозируемая длительность рецессии мировой экономики также не позволят реализовывать прежними темпами зарубежные инвестиции. Это потребует большей избирательности и нацеленности на те проекты, которые будут иметь синергетический эффект для их развития. Даже у самых крупных ТНК будут в ближайшие годы трудности с реализацией крупных проектов, что вызовет их стремление к кооперации друг с другом вплоть до слияния активов. Все более актуальным станет и сотрудничество с государственными структурами, прежде всего с государственными корпорациями. Перед государством, в свою очередь, еще острее, чем прежде встанет задача умной политической и экономической поддержки наших компаний на международных рынках.

О.Д. Волкогонова, С.О. Белоусов

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

**Волкогонова Ольга Дмитриевна – доктор
философских наук, профессор, заведующая
кафедрой философии естественных факультетов
МГУ им. М.В. Ломоносова.**

**Белоусов Сергей Орестович – кандидат
философских наук, доцент Нижнетагильской
государственной социально-педагогической академии.**

В современных исследованиях все чаще можно встретить упоминание о конструировании различных идентичностей – этнических, национальных, гендерных, религиозных, которые являются своего рода реакцией на процессы глобализации, способом выделения себя из окружающего мира. Осознание своей идентичности для любого человека связано с его потребностью самопрезентации, принадлежности к той или иной общности, группе. Идентичность является одним из важнейших механизмов личностного освоения социальной действительности, находящегося в основе формирования системы личностных смыслов. В соответствии с субъективно определяемыми, самоприписываемыми идентичностями человек организует свои нормы поведения. Само введение термина «идентичность» (*identity*) в связи с работами В.Тернера и Э.Эриксона придало новое звучание исследованиям по проблемам национального самосознания, формирования этнических групп, политического управления, социального конструирования. В русле этих работ периоды общественных перемен – «социальной драмы» – стали рассматриваться не только как время потерь, кризиса и разрушившихся

социальных связей, но и как процесс выделения различного вида общностей, артикулированных с помощью ритуалов, табу, церемоний, обычаев.

Очевидно, что вера в наличие неких естественных связей между членами общности значит больше, чем реальное наличие этих связей. В этом смысле именно идеологи декларируют единство на основе общей истории группы (о которой рядовой член общности может иметь весьма смутное представление), единой культуры (несмотря на то, что в условиях господства массовой культуры дифференцирующий аспект культуры имеет значение главным образом для интеллигенции), религии (хотя речь идет в большинстве случаев о мировых религиях) и т.д. Таким образом, общая «почва» является лишь потенциальной предпосылкой для формирования общности, которая может актуализироваться только в результате направленного идеологического воздействия. Процесс формирования групповой идентичности связан, прежде всего, с тем, что процедура идентификации используется как инструмент для политической «мобилизации», сплочения группы, – идет ли речь о политических партиях и движениях (где «мобилизационный» потенциал групповой идентичности особенно очевиден) или о нации, стране, регионе.

Рассуждая о феномене идентичности, необходимо отметить его двойственность. С одной стороны, осознание идентичности является инструментом для поддержания субъективной реальности. С другой – может использоваться в процессах социальной инженерии у элитных групп, влияющих на формирование объективной реальности. Эти процессы достаточно широко изучены в отечественной и зарубежной литературе в связи с этнонациональными проблемами, но современное общество предлагает еще один аспект групповой идентичности, изученный в гораздо меньшей степени, – феномен региональной идентичности. В контексте исследования специфики российской догоняющей модернизации очевидны региональные особенности протекания модернизационных процессов: по сути, в рамках одной страны можно увидеть различные стадии модернизации, констатировать отсутствие относительной технокультурной гомогенности России.

Подчас региональная специфика может быть прослежена во всех сферах общественной жизни, – в экономической (и речь здесь может идти отнюдь не только о международном и внутреннем разделении труда), культуре, социальной политике¹ и т.д. Складывание региональных идентичностей – процесс, идущий практически на всей территории современной России, хотя и не быстро. Но на некоторых территориях региональная идентификация вынужденно идет ускоренными

1. См., например: Лапина Н.Ю. Уроки социальных реформ в России: Региональный аспект. Аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН. – 2007.

темпами. Примером такого региона может стать Калининградская область: формирование там чувства региональной общности началось после превращения области в эксклав.

Значимость регионального ракурса групповой идентичности связана с идеей политической и – шире – управленческой специфики, что особенно актуально для больших стран и политических образований – России, Канады, Евросоюза. Разумеется, географическое и социальное пространства не являются изоморфными. Тем не менее, в вопросе, касающемся региональной специфики, некоторая изоморфность наблюдается: речь идет об описанном П. Бурдые неравномерном распределении не только экономических связей, но и культурного, социального, символического капиталов, о наличии своеобразной проекции географического пространства на социальное пространство. Задачи местных политических элит, в том числе задачи экономического управления, обуславливают направленное формирование региональной идентичности. Состояние экономического климата в регионе зависит от особенностей региональной политики, наличия региональной общности. Региональная идентификация, по сути, может быть как положительной, так и отрицательной, с точки зрения эффективности экономического развития региона. Таким образом, региональная идентичность должна рассматриваться как фактор социального и экономического развития и элемент политического управления.

Ярким примером сформировавшейся региональной идентичности может служить общность, сложившаяся среди населения Крыма. Авторы столкнулись с этим фактом при проведении социологического опроса среди жителей полуострова. В 2007 г. сотрудниками Черноморского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова были опрошены 615 человек старше 18 лет², причем их распределение по возрасту, полу, национальности совпало с данными официальной статистики, что позволяет считать исследование репрезентативным. Когда респондентам (по тесту М. Куна) было предложено ответить на вопросы: «Как в первую очередь вы бы охарактеризовали себя? Кем вы ощущаете себя прежде всего?», причем они могли выбрать не более двух из предложенных вариантов ответов («Гражданин Украины», «Житель Крыма», «Житель своего города/деревни», «Представитель той или иной профессии (студент)», «Представитель той или иной национальности», «Верующий той или иной конфессии (православный, мусульманин и т.д.)», «Человек, имеющий определенные политические убеждения (коммунист, либерал и т.д.)», «Мужчина/женщина» и др.), самая высокая интенсивность была зафиксирована у крымской идентичности (ее выбрали 277 человек или

2. Исследование было проведено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 07-03-00197а)

около 45% опрошенных)³. Разумеется, все идентичности контекстуальны, и сам факт заполнения анкеты тоже создал для респондентов ситуацию, когда та или иная идентичность стала представляться более значимой. Тем не менее интересно субъективное приписывание себе определенной идентичности как первостепенной: по сути, результаты анкетирования показали, что на полуострове сложилась региональная идентичность. Восприятие себя как крымчанина «обошло» по показателям все остальные идентичности, даже гендерную и национальную. Данный факт трудно переоценить: несмотря на обострение многих политических проблем, население многонационального крымского региона ощущает себя как единую общность, что является объективной предпосылкой как для предотвращения серьезных этнических конфликтов и формирования толерантности в этнонациональных вопросах, так и для эффективного экономического и политического управления.

Видимо, можно говорить о некоторых ступенях процедуры региональной идентификации. Мы предлагаем выделить три ее основные фазы:

Фаза дифференциации. На этой фазе происходит осознание особенностей своей общности, отличий «мы» от «они». Речь идет о топонимике, мифологизации прошлого общности, ее «почвы» (территории, языка, культуры, религии, экономики).

Фаза выработки авто- и гетеростереотипов. В рамках данной фазы складываются представления о психическом складе, темпераменте типичного представителя региональной общности, его особенностях. Речь идет о непроизвольной и часто не осознаваемой психологической установке в восприятии себя и других. Этот уровень идентификации связан с формированием относительно устойчивых представлений и оценок, типичных для группы поведенческих, коммуникативных, эмоциональных стилей.

Стереотипы связаны между собой; они образуют самоорганизующуюся систему, которая аккумулирует некий стандартизированный коллективный опыт и является неотъемлемым элементом обыденного сознания.

Фаза формулирования стратегических задач, стоящих перед регионом, а иногда – и регионального идеала. Эта фаза является своего рода синтезом двух предыдущих, поскольку включает в себя не только оценку своей общности, но и представление об ее политических или социально-исторических задачах, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности. Основной функцией региональных идеалов является интеграция общности, остальные же функции

3. См.: Волкогонова О.Д., Полунов А.Ю. Политизация этничности в современной Украине (на примере русской диаспоры Крыма) // Россия и современный мир, 2008, № 2.

(коммуникативная, компенсаторная, аксиологическая, прогностическая, адаптационная и др.) носят вспомогательный характер. Некоторые авторы⁴ даже говорят о конструировании элитами особой «региональной идеи» (по аналогии с «национальной идеей»), но, видимо, это применимо не для всех региональных идентичностей.

Процедура региональной идентификации включает в себя, прежде всего, формирование чувства общей «почвы», что включает в себя разработку истории региона. Здесь конструктивистский характер воздействия элит наиболее заметен, ведь история региона всегда нагружена политическим смыслом: это своего рода символическая политика, осваивающая историческое время и пространство. Попытки построить собственную региональную идентичность можно проследить, например, через российские школьные учебники истории. Образ общего прошлого является мощным консолидирующим фактором, поэтому переосмысление и интерпретация истории – памятных дат, памятников, ритуалов, топонимики, «отбор» героев и великих людей – происходят при активном участии региональных элит. Этой теме был посвящен теоретический семинар «История края как поле конструирования региональной идентичности», проведенный в Волгограде 11 апреля 2008 г. Институтом Кеннана⁵. Материалы семинара содержат интересные данные по конструированию региональной идентичности в современной России. Например, географическое положение Урала как условной границы между Европой и Азией приобретает символическое значение для регионального самосознания. В Свердловской области, где проживает один из авторов данной статьи, типично обращение к сказам П. Бажова, творчеству Д. Мамина-Сибиряка для представления Урала как особой земли, как «хребта» евразийского пространства. Открытие археологами древнего городища Аркаим на Южном Урале привело к еще большей мифологизации истории региона, к расцвету в нем «евразийской идеи». Распространяется миф об особенностях уральского «субэтноса», который отличается от остальных россиян даже антропологически, так как ведет свое начало от ариев Аркаима. В то же время региональный миф имеет и другую грань: речь может вестись уже не о примордиальных особенностях субэтноса, а о заряде пассионарности, присутствующем в уральской общности. Если Англию в свое время рассматривали как «мастерскую мира», то Урал сегодня имеет «имидж» мастерской России. Регион Урала постепенно превращается в особый мир

4. См.: Богомяков В.Г. *Региональная идентичность земли тюменской: Мифы и дискурс*. – Екатеринбург, Изд. Дом «Дискурс-Пи», 2007.

5. См.: И. Курилла. *История края как поле конструирования региональной идентичности* // Вестник Института Кеннана в России. М., 2008. Вып. 13.

внутри российской жизни, в некую «горнозаводскую цивилизацию». Со времен «Описания уральских и сибирских заводов» В. де Геннина (1735) история этого края рассматривалась прежде всего как история развития горно-рудной промышленности. Заглянув, например, на многие официальные сайты Нижнего Тагила, в краеведческие издания, вы увидите, что история города начинается с металлургических заводов Демидовых. Более того, вы прочтете, что Статуя Свободы в Нью-Йорке была отлита именно из тагильского металла, что на этих заводах впервые в мире стало использоваться электричество, что именно здесь был построен первый паровоз, первый велосипед и т.д. В конечном счете, не так важно, насколько эта информация соответствует действительности, – важно, что она создает определенный образ региона в массовом сознании, формирует восприятие своей региональной общности (закрепленное в автостереотипах) и взгляд на нее со стороны (гетеростереотипы).

Особое место на «региональной» карте России занимает Сибирь и различные ее части: публикации в СМИ, высказывания политиков, философов и историков, материалы социологических опросов, официальные и туристические сайты, посвященные Сибирской земле, стихи и романы, интернет-блоги и форумы говорят исследователям о том, что можно вести речь о широком утопическо-эзотерическом дискурсе о Сибири, представленном целым рядом писателей – от Н.К. Рериха до А.Г. Дугина. Сибирь чрезвычайно часто рассматривается как сакральная территория, которая таит в себе еще не раскрытый духовный потенциал, противостоящий западному рационализму, залог великого будущего России. Географические размеры Сибири, богатство ее недр, складывание в современной России неоднозначных отношений «центр – периферия» дали толчок развитию сибирского сепаратизма. Как ответ центра на эти тенденции, некоторые районы (например, Тюмень и Среднее Приобье), традиционно считавшиеся частью Сибири, в 2003 г. были отнесены к Уральскому федеральному округу. Этот шаг должен был бы сломать традиционный взгляд на карту страны. Но этого не произошло в массовом сознании: Сибирь, «азиатская Россия», издавна осмысливалась как своего рода географическая и культурная автономия, воспринимается она так и теперь. Данный пример представляется нам особенно интересным, поскольку косвенно подтверждает тот факт, что официальное деление на регионы (в данном случае – федеральные округа) не всегда совпадает со сложившимися региональными идентичностями. Масштабы региональной общности тоже могут быть различными – иногда речь идет об огромных территориях (например, Сибири), иногда – об отдельных городах и районах (Москва, Екатеринбург).

На наш взгляд, можно говорить о некоторых необходимых (но не всегда достаточных) предпосылках складывания региональной идентичности. Первым и обязательным фактором является фактор идеологический: до тех пор, пока не появится концепция, утверждающая единство региона, не существует возможности формирования региональной идентичности. При этом необходимо отметить достаточно интересную закономерность: основным способом идеологического воздействия являются выработка и внедрение в массовое сознание мифов, что типично для всех трех выделенных выше фаз. Именно миф может быть рассмотрен как основная форма упорядочивания сложной социальной реальности. Разумеется, современное отношение к мифам далеко от рассмотрения их как неких «иллюзий» и «заблуждений». Миф – вечный (пока существует человек) способ упорядочивания реальности, который можно сравнить с кантовскими априорными формами, интегрирующими опыт. А если учесть, что спецификой мифологического мышления является неразличение реального и идеального, то становится очевидным, почему мифологическое восприятие своей общности является ведущим в переходные социальные эпохи: в мифологии оппозиция «должного» и «сущего» стирается, общность абсолютизируется, что служит эффективным психологическим стабилизатором сознания.

Но кроме направленного идеологического влияния, имеющего мифологический механизм воздействия, можно говорить и о других предпосылках складывания региональной идентичности: географическом факторе (единстве территории), общности исторических судеб, общем типе экономики и др. Обобщая, можно вести речь о социально-экономической, этноконфессиональной, лингвистической и политико-исторической дифференциации территории. Именно в этом ракурсе видны сильные и слабые стороны социального конструктивизма: с одной стороны, без социальной «инженерии» общность не может сложиться. С другой – ее складывание связано с рядом объективных предпосылок, с наличием некоторых региональных интересов, которые и находят свое выражение в идеологии.

Возрождение старых и формирование новых региональных мифов и идеологий отражают процесс актуализации региональной самоидентификации граждан в современной России и представляют собой реакцию на изменения окружающей социально-политической среды. На наш взгляд, ключевым для понимания механизмов формирования региональной идентичности может стать теория структуризации Э. Гидденса. Вводя термин «структуризация», Гидденс стремился подчеркнуть тот факт, что о структурных свойствах социальных систем можно говорить только в динамике и развитии и что социальные взаимоотношения людей обладают рядом свойств, которые

невозможно вывести напрямую ни из характеристики общественных институтов и структур, ни из субъективных устремлений самих людей. С точки зрения Гидденса, производство общества – умелое конструирование, обеспечиваемое и реализуемое людьми. Мы не часто задумываемся над тем, что каждый из нас – творец, конструктор, хотя строим свои конструкции не произвольно: мы конструируем в своей голове определенные гипотезы и теории в зависимости от особенностей нашей биологической и психологической организации, сформированной в процессе эволюции; мы конструируем себя и свою жизнь в зависимости от принятых нами моральных ограничений и объективных обстоятельств; своими социальными практиками мы конструируем общество в зависимости от имеющихся в нем «правил» (структур) и ресурсов. Получается, что ни наша воля, ни сложившиеся свойства социальных систем не обладают приоритетом друг перед другом в изменении общества, но вместе образуют «дуальность структуры» свойства социальных систем являются как средством человеческих практик, так и их результатом.

Британский социолог подчеркивает возрастание роли рефлексивности современных обществ, которая приводит к складыванию в них огромного количества идентичностей – этнических, национальных, политических, региональных, причем сама процедура идентификации субъекта с той или иной группой носит, как правило, характер самоидентификации (самоприписывания).

В этом положении можно увидеть некоторый парадокс: важнейшим фактором динамики современных обществ является глобализация и становление всемирной информационной сети, благодаря чему социальная деятельность «высвобождается» из-под влияния локальных условий и пространственных ограничений. Тем не менее тенденции глобализации отнюдь не отменяют устойчивости местной неформальной экономики, этнического национализма, культурного «почвенничества» в самых разных видах («*grassroots activism*»), т.е. жизненности «локального текста». Еще в конце XX в. человечество столкнулось с проблемой актуализации различий – не только национальных (национальные проблемы сегодня – одни из самых острых и болезненных в мире), но и культурных, гендерных, расовых, религиозных. Несмотря на мощные интегративные тенденции, а возможно, и как реакция на них, для современного человечества особую значимость приобрела проблема сочетания универсальных принципов и ценностей с позитивным (а не просто нейтральным) отношением к различиям (в том числе, региональным).

В сегодняшней России уживаются две страны: одна – современная и даже европейская, другая (включающая обширные сельские районы и провинцию) – сродни тому, что теоретики модернизации именуют

развивающимися странами, или «третьим миром». Возможность сложных переплетений модернизированных и традиционных элементов в рамках одного и того же общества не отрицается в гидденсовской модели «модернити», но современный этап «радикализации» делает комбинацию этих элементов несколько иной: традиция приобретает значение контекста перемен, причем лишь в той мере, в какой она оказывается совпадающей с новым. Таким образом, в эпоху глобализации традиционность оказывается «одеждой» для «модернити», а региональная идентичность служит средством адаптации нового к массовому сознанию.

При анализе региональной идентичности работающим является и ставший уже классическим подход М. Вебера. Его взгляды на проблемы власти, силы и господства легли в основу исследования различных социальных факторов, – от теорий конкуренции за ресурсы до теорий мировой системы и конфликта между центром и периферией. В случае формирования региональной идентичности речь идет о конструировании имиджа и образа региона политическими и интеллектуальными элитами. Именно региональные элиты являются главными «агентами» культивирования региональных идентичностей. При этом необходимо отметить сходство процессов создания наций-государств и регионов. Как и в процессе создания национального государства, региональные деятели конструируют некую пространственно-временную идентичность в соответствии со своими интересами («воображаемое сообщество», если пользоваться терминологией Б. Андерсона⁶). Вебер четко выделил в качестве фундаментальной характеристики любой социальной общности систему верований, идеологию. Исходя из веберовского подхода, «строительство» любого региона (формирование его идентичности) может рассматриваться как целеполагающий политический процесс. Хотя географический и исторический факторы важны, тем не менее «особость» региона становится осознанной лишь в результате политической деятельности, направленной на вычленение старых и создание новых региональных символов и образов, которые внедряются в массовое сознание. В результате – прежде всего через СМИ – формулируются специфические задачи по конструированию регионального политического пространства. Логика подобного социального конструирования заключается в следующем: «групповой интерес элиты концептуализируется до уровня региональной идеологии, которая ассоциируется с наиболее привлекательными для

6. См.: Anderson B. *Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism*. – London, 1983.

населения символами и образами (зачастую взятыми из прошлого) региона»⁷, создается привлекательный региональный идеал.

В региональном идеале находят свое отражение интересы и притязания политических и экономических элит региона. Один из современных отечественных исследователей феномена региональной идентичности В.А. Ачкасов отмечает: «Для достижения глобальной цели – создания/воссоздания устойчивой региональной идентичности – элита вынуждена “сакрализировать”... региональный интерес, т.е. превратить его в “символ веры” местного населения... При этом мифологизации подвергается не все прошлое, а какие-то определенные, наиболее значимые для данной общности исторические события (реальные или “изобретенные”), которые становятся для населения региона “избранной общей травмой” или “избранной общей славой”, при этом набор значимых “эксплуатируемых” в мифотворчестве событий может меняться, таким путем идет процесс “изобретения региональной традиции”»⁸.

С точки зрения управления регионом, региональная идентичность может рассматриваться как важный ресурс, контроль над которым может быть использован региональными элитами в своих интересах, причем эти интересы могут быть обращены как вовнутрь региона, так и вовне⁹. Использование ресурса региональной идентичности может быть востребовано внешними акторами – федеральным правительством, элитами других регионов, международными организациями и т.п. для получения самых различных результатов (от налоговых льгот и инвестиций до политического престижа). В случае же использования внутренними акторами, речь, как правило, идет либо о легитимизации власти (правлящими элитами), либо о подрыве ее легитимности и передаче в другие руки (оппозиционными элитами).

Необходимо затронуть еще один важный момент, связанный с формированием регионального самосознания: соотношение региональной и общегражданской идентичности. Один из современных исследователей региональной идентичности в России Р.Ф. Туровский пишет: «В обществе определились две противоположные тенденции. С одной стороны,

7. Чернышов А.Г. Психология региональной элиты: Мировоззренческие и идеологические стереотипы // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе / Под ред. А. Мельвиля. – М., 1999. – С. 44–45.

8. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве (<http://politex/info>).

9. См.: Гельман В. Стратегии региональной идентичности и роль политических элит (на примере Новгородской области) // Региональные процессы в современной России: Экономика, политика, власть: Сб. статей / Отв. ред. Н.Ю. Лапина. – М., 2003. – С. 35).

постепенно, с большим трудом складывается российская общегражданская идентичность со своим набором консенсусных ценностей. С другой стороны, происходит регионализация общественного сознания, которая стала реакцией на кризис общенациональной идентичности, возникший в результате распада СССР. Одни считают, что региональные ценности, наряду с этнонациональными, замещают в общественном сознании комплекс ценностей советского периода... Регионализация воспринимается ими как временное явление... Другие видят за ней глобальный процесс, поскольку возрождение регионального самосознания активно идет в европейских странах...»¹⁰

Как правило, общегражданская и региональная идентичности мирно сосуществуют (наряду с многими другими идентичностями), не являются конкурирующими, но в некоторых случаях они могут вступать в конфликт друг с другом. В частности, можно говорить о регионах, в которых региональный патриотизм приводит к развитию сепаратистских настроений (такие сепаратистские настроения характерны, например, для Дальнего Востока). Поэтому соотношение региональной и общегражданской идентичности в сознании населения стало предметом ряда исследований. В частности, подобное серьезное исследование было проведено в 2004 г. под руководством

Д.И. Петросяна и И.В. Свинцова¹¹. Респондентам предложили ответить на вопрос, кем они себя ощущают в первую очередь: жителями своего региона, жителями более крупного межрегионального объединения, россиянами или европейцами. Как видно из приведенной ниже таблицы, «россияне» и «регионалы» (те, кто в первую очередь ощущает себя не россиянами, а «вологжанами», «калининградцами» и т.п.) составили две практически равные группы (41% и 38% соответственно). С крупными межрегиональными объединениями себя ассоциируют лишь 12% ответивших на вопрос. К европейцам респонденты причисляют себя и того реже – всего 4,5%.

Разумеется, необходимо иметь в виду, что в данном случае средние значения обманчивы, а региональные отличия очень велики. Например, по данным опроса особенно привлекательна общероссийская идентичность по сравнению с региональной в Калининградской области. «Калининградцами» себя ощущают лишь 28% жителей региона, в то время как «россиянами» –

10. Р.Ф. Туровский. *Региональная идентичность в современной России* (www.regional-science.ru/files/turovsky/4-20.doc).

11. *Российская идентичность в условиях общественной трансформации: Общенациональные черты и региональные особенности. Результаты исследования, проведенного при поддержке Московского представительства Фонда им. Ф. Эберта.* – Владимир, 2004 (www.fesmos.ru/Publicat/21_Identity2004/identity.html).

почти половина (47%). Руководители исследования отмечают, что несколько лет назад в Калининградской области отмечалась противоположная картина – региональная идентичность была более предпочтительной. Очевидно, что перемена в самоощущениях жителей области вызвана политическими факторами – после того как Литва и Польша реально вступили в ЕС, регион, с одной стороны, лишился такого преимущества, как относительно свободный въезд его жителей в Европу, а с другой стороны, Калининград действительно стал более оторванным от остальной России. По-видимому, эти потери потребовали психологической компенсации, которая и выразилась в усилении общероссийской идентичности жителей области.

Проведенное исследование показало, что такие географические зоны, как Сибирь, Русский Север, Дальний Восток, оказались довольно привлекательными в качестве объекта самоидентификации для жителей Алтайского края, вологжан и приморцев, среди которых почти каждый пятый ощущает себя в первую очередь сибиряком, северянином или жителем Дальнего Востока. По сути, это является подтверждением высказанного нами предположения о том, что «естественная», «органическая» региональная идентичность наиболее привлекательна для населения, она в меньшей степени зависит от официального административного деления. Кроме того, сибирская идентичность представляется одной из наиболее укорененных в сознании населения – в том числе, и в силу ее символического характера, недаром Д.И. Петросян и И.В. Свинцов отмечают в своем отчете: «В малых городах Сибири... респонденты чаще предпочитают называть себя сибиряками, а не жителями Алтайского края (34% против 15%)... В других регионах подобная тенденция не отмечена».

КЕМ СЕБЯ ОЩУЩАЮТ РЕСПОНДЕНТЫ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ
(В ПРОЦЕНТАХ ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА ОТВЕТИВШИХ НА ВОПРОС)

	В среднем по выборке	Алтайский край	Республика Башкор- тостан	Волго- градская область	Вологодска я область	Калинин- градская область	Калужская область	Приморски й край
Жителем своей области, края, республи ки	38,5	33,5	52,1	38,1	42,1	28,0	35,5	40,5
Жителем более крупного межрегио	12,3	19,2	2,8	7,0	15,1	12,0	11,7	18,5

нального объедине ния								
Россияни ном	40,6	40,4	43,6	46,5	33,5	47,1	41,9	31,9
Европейц ем	4,3	2,7	2,0	2,5	4,5	12,2	3,6	3,0
Другие идентифи кации	5,4	5,2	1,0	6,0	6,0	3,3	9,1	6,9
Отвечали на вопрос, человек	2795	406	397	402	397	393	394	405

В конечном счете, региональная и общероссийская идентичность занимают сейчас приблизительно равные доли в сознании россиян. Но обострение отношений по линии «центр – провинция» (которое видно не только в различиях в образе и качестве жизни, но и на уровне ценностных систем, что проявляется в типах политического поведения и голосования), «центр – национальные республики» (где региональная идентичность сочетается с этнонациональной), снижение территориальной мобильности населения (из-за высоких транспортных тарифов, института прописки и регистрации и т.п.) может привести к возрастанию значения именно региональной идентичности, ее доминированию над общероссийской.

Подводя итог, можно отметить, что одной из важных и интересных особенностей постсоветского развития России является регионализация сознания населения. Налицо сложившийся полицентризм российского пространства (несмотря на попытки внедрения «вертикального» унитарного властного проекта). Такой полицентризм приводит к развитию горизонтальных межрегиональных связей (прежде всего, экономических) и консолидации региональных элит. Регионализация общественного сознания безусловно влияет на политическое поведение, в частности, на результаты выборов. В ряде регионов избиратели предпочитают голосовать за кандидатов-земляков, поддерживают тех из них, кто отстаивает «региональную идею».

Своеобразным индикатором роста регионального самосознания являются изменения в топонимике. За последние годы изменили свои названия многие города, улицы и даже субъекты федерации. Речь идет о введении в оборот национальных названий (например, Башкортостан, Тыва), возрождении старинных наименований (Санкт-Петербург, Тверь, Сергиев Посад, Екатеринбург и др.), переименовании городов, улиц, районов в соответствии с канонами национальной идеи (так в Дагестане появился Шамильский район). В регионах складывается такой тип политической культуры, который

включает в себя две системы ценностей – региональные ценности (идеология местного патриотизма) и базовые политические ценности (идеология развития). Эти ценности могут дополнять друг друга, существовать параллельно, конфликтовать, их соотношение определяет специфику политической культуры данного региона. Таким образом, региональная идентичность становится важным фактором российского политического процесса.

Д.А. Мисюров

СИМВОЛЫ РОССИЙСКИХ ПЕРЕМЕН: ВАРИАНТЫ
ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
СИМВОЛИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

**Мисюров Дмитрий Александрович – кандидат
политических наук, доцент кафедры философии
и социально-экономических наук Московского
государственного университета геодезии и картографии.**

Общественно-политические перемены, вызревающие в процессе развития человеческого общества и обуславливаемые глубинными (объективными) факторами, правомерно рассматривать как продукт символического моделирования. Конечно, символы, участвуя в формировании политики, сами есть производное от различных условий – уровня развития, внутривнутриполитической и внешнеполитической ситуации, разнообразных противоречий (социальных прежде всего), соотношения сил и т.д. Но верно и то, что уровень развития, внутривнутриполитическая и внешнеполитическая ситуация, разнообразные противоречия, соотношения сил, и т.д. воспринимаются человеком посредством символов. Людям свойственно накапливать и передавать опыт посредством символов, символических образов и смыслов. Символы, отражая действительность, в редуцированном и обобщенном виде помогают создавать абстрактные интеллектуальные модели, которые служат стимулами и ориентирами для преобразования действительности, и истинность которых проверяется на практике. Символическое абстрагирование от действительности, создание формул для разрешения действительных противоречий имманентно человеческому мышлению. Использование знаково-символических математических операций – характерный пример, оно позволяет, оперируя лишь символами, решать сложнейшие задачи, помогающие практике. Мировая политика – арена постоянного символического моделирования. Современный мир, живущий в основном по

символическому девизу герба США «В разнообразии единство», дискутируя о либерализме и демократии, предлагает и другие модели.

Любое сообщество знаково-символически связано с опытом прошлого, и с опытом других сообществ. Технологии символического обмена, социальной «генетической инженерии» совершенствуются в связи с общим междисциплинарным научно-технологическим прогрессом. Если в начале XX в. селекция живых организмов занимала годы, десятилетия, то в конце XX в. генетическая инженерия – операции с генами как носителями информации в живых организмах, позволяет создавать новые организмы с заданными свойствами в краткие сроки. Метафорически символы, используемые в социальной жизни, – это гены, образы и смыслы определенного опыта. Операции с символами в социально-политической сфере способствуют формированию сообществ с новыми заданными качествами, хотя итог такого синтеза иногда бывает непредсказуем.

Попытки разнообразного синтеза опыта человечества предпринимались постоянно. Теоретически такая возможность имела и в России 1917 г., где шло столкновение трех основных сил – сторонников монархической, буржуазно-демократической и леворадикальной, большевистской идей развития. Острота социальных противоречий в условиях мировой войны, а также бескомпромиссность левых и правых радикалов свели эту возможность к нулю. После 1985 г. на новом витке развития, вновь возникла ситуация соединения элементов разных идей и разных социально-политических систем. История России последних двух десятилетий представляется чередой попыток создать синтез «имперского», «советского», «президентского» (буржуазно-демократического) начал с использованием символов, с применением технологий глобального обмена символическим капиталом, включая СМИ и финансовые институты.

Рассмотрим общественно-политические трансформации в России конца XX – начала XXI в. через призму интегральной «имперско-советско-президентской» символической модели как синтез различных сочетаний имперских, советских и президентских символических образов и смыслов, пропорции между которыми на различных отрезках времени были неодинаковыми. В символах Российской империи заключен имперский опыт (обозначим «i»), в символах СССР – советский (назовем «s»), в символах президентства – прежде всего буржуазно-демократический, или либерально-демократический мировой опыт института президентства (в предлагаемых далее формулах – элемент «p»).

При этом вариативность модели определяется символической иерархией в интегральном произведении зачастую бесконечно малых символических

элементов имперского, советского или президентского опыта. Изменения в символических моделях, в частности, отражаются в государственной символике (гербе, флаге, гимне, президенте). Весь массив имперского, советского или президентского символического капитала взаимодействует довольно хаотично и турбулентно, однако упорядочивается в доминантном энергетическом поле той или иной символической модели.

Энергия символического синтеза или распада сравнима с энергией ядерной цепной реакции, человек может научиться использовать эту энергию в мирных целях, определяя символические центры и границы, вовремя сменяя символические модели.

В каждой символической модели, которые сменяли друг друга в России, был заложен потенциал другого варианта раскрытия. Однако прежде всего из-за более масштабных энергетических символических потоков, образов и смыслов мировой политики, появился некий порядок смены имперско-советско-президентских символических моделей в России, обеспечивающий этой модели устойчивость.

Чтобы записать формулы, с помощью которых создавались и отменялись российские сценарии власти, обозначим доминантные имперские, советские и президентские символические элементы модели соответственно как «I», «S», «P», а подчиненные, инструментальные символические конструкции соответственно «i», «s», «p». Тогда получаем восемь возможных формул символических моделей, состоящих из интегрального произведения трех элементов, с учетом вариантов иерархии: iSp, isP, IsP, isp, ISp, ISP, iSP, Isp.

Хронологически в российской истории эти варианты распределились таким образом, включая прогнозные символические модели:

- 1) iSp (1985–1990) имперско-СОВЕТСКО-президентская;
- 2) isP (1990–1993) имперско-советско-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ;
- 3) IsP (1993–1996) ИМПЕРСКО-советско-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ;
- 4) isp (1996–1999) имперско-советско-президентская;
- 5) ISp (2000–2004) ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-президентская;
- 6) ISP (2004–2008) ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ;
- 7) iSP или Isp (2008–?) имперско-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ или ИМПЕРСКО-советско-президентская – ?

Это упрощенный вариант хронологической классификации моделей, не учитывающий многие нюансы символического взаимодействия. При допущении, что модели не будут повторяться до исчерпания всех вариантов иерархии трех элементов, возможно сделать определенный прогноз символического моделирования и соответствующей политики.

1. Модель iSp (1985–1990) или «имперско-СОВЕТСКО-президентская». Это период критики советского социалистического развития и попыток реформ в рамках доминантной советской модели, в которой заново

осмысливается и подается в привлекательном виде ленинское наследие – борьба с бюрократизмом, развитие внутрипартийной демократии, нэп и т.д. В то же время СССР все более включается в глобальный капиталистический обмен товарами и услугами, информацией и идеологией. Все большее значение приобретают заимствования образов западного президентского и похожего досоветского и имперского моделирования, отрицающих советскую власть и социализм, но признающих капитализм. В символическом плане этот период характеризуется началом сноса памятников советской эпохи, переименованием улиц и городов на дореволюционный лад. На демонстрациях и в парламентах все больше досоветской символики, приобретает популярность бело-сине-красный флаг, претендующий на роль национального.

2. Модель isP (1990–1993), или «имперско-советско–ПРЕЗИДЕНТСКАЯ» символическая модель. На Съезде народных депутатов в марте 1990 г. избирается новый глава государства – президент СССР М.С. Горбачёв, а Верховный Совет становится лишь законодательным органом, его глава перестает быть главой советского государства. Это символический предел советской власти и соответствующей доминанты советской символической модели. Предрешен распад Союза Советских Социалистических Республик.

В РСФСР были приняты Декларация о суверенитете, в качестве национального – бело-лазорево-алый флаг (затем он становится государственным, утверждается в Конституции), проходят выборы президента России, утверждается в качестве гимна «Патриотическая песня» М. Глинки, изменяется название государства. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, убрав из названия советскую и социалистическую символику, становится РФ, активизируя идеи идентичности на основе почвы и крови. Как результат проведения шоковых «гайдаровских» реформ в стране наблюдается кризис доверия. «Круг доверия» все более ограничивается узкими рамками – семейными, этническими, конфессиональными, региональными, профессиональными и т.п. Государственные символы теряют свою интегрирующую общегражданскую роль, флаг СССР ночью спускается с Кремля. Система договоров, устанавливающая знаково-символические связи в период конкурентной «войны всех против всех», частично спасает от социального распада. Идет поиск интерпретаций символики «независимости» и «свободы».

Символически, посредством высшей, уже ПРЕЗИДЕНТСКОЙ власти, страна становится полноценным участником глобальных капиталистических взаимосвязей. Падение Берлинской стены, как и распад СССР, символизируют включение в глобальный процесс стран бывшего социалистического лагеря. Различные символические модели, в основном

ретроспективные, создают на пути в глобальный мир новую идентичность. Эти процессы с использованием символики идут до сих пор. «Цветные революции» в странах СНГ можно рассматривать как символическое движение в направлении глобальных связей. Символично, что даже заявляющий о коммунистической идеологии Китай, сейчас лишь часть глобального экономического обмена, в том числе «фабрика» мира с недорогой рабочей силой. Переход к капитализму осуществлялся и осуществляется на основе образного копирования, переноса «витрины капитализма», транзита без углубления в смыслы. Итог такой неосмысленности – финансовые, продовольственные, топливные кризисы, поскольку стремительно расширившийся, в том числе за счет бывших социалистических стран, капиталистический мир не смог оперативно создать институты, дающие возможность контролировать и регулировать глобальный оборот, особенно в связи с отсутствием глобальной социалистической альтернативы, бросавшей ему вызов и подхлестывавшей его. Российская имперско-советско-президентская символическая модель – попытка избежать кризисов перехода к капитализму.

Наибольший обмен символическим капиталом, товарами и услугами происходит между так называемыми развитыми странами с высокой капитализацией. Развитие имперско-советско-президентской модели и включение России в глобальный капиталистический оборот проходило сначала на волне снижения стоимости общественного имущества и его раздела – приватизации в 1990-е годы (в том числе снижение цены за счет тотальной критики России), а затем с 2000 г. на волне фиксации приобретенной собственности и продолжения концентрации капитала, повышения капитализации российского бизнеса (в том числе за счет новых доминант символической модели и антикритики России). Здесь играла свою роль и патриотическая мимикрия, например, когда в наименовании любой организации, в том числе принадлежащей транснациональной компании, можно было использовать наименование «Россия» и производные от него. Появилась масса наименований компаний с использованием слов «русский», «Русь» и т.д., что не влекло финансовых затрат. С 2008 года введены более строгие ограничения на использование в наименованиях этих слов. Идентичность на основе совпадения понятий «русский» и «российский» постоянно дискутируется, особенно с учетом того, что такое совпадение наблюдается в мировом масштабе, где в широком понимании выходцы из всех бывших республик СССР – «русские», в том числе в силу владения русским языком – объединяющим символом.

В период isP-модели (1990–1993) происходит переоценка буржуазно-демократических ценностей (или либерально-демократических), особенно после начала кардинальных экономических реформ. При доминантной

ориентации на символику Запада, при продолжающейся критике советского периода, учащается обращение к отечественному дореволюционному, имперскому опыту, именно он станет вторым доминантным элементом в следующем варианте модели. Советский инструментальный текст, превращающийся в элементы социальных программ, гуманитарной помощи населению и идеи оппозиции, до 2000 г. останется в тени, хотя, к примеру, в середине 1990-х годов практически перестали переименовывать улицы и сносить советские памятники в России.

3. Модель IsP (1993–1996), или «ИМПЕРСКО-советско-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ» способствовала следующему, самому масштабному этапу приватизации, и все большему включению России в пространство глобального капитализма при сохранении целостности ядерной державы на фоне дезинтеграционных процессов. Для этого было необходимо развить не менее важную, чем ПРЕЗИДЕНТСКАЯ, и совпадающую, например, в отношении социального неравенства, символическую модель – традиционную дореволюционную ИМПЕРСКУЮ. В культуре начинает возрастать роль имперского текста, восстанавливаются культовые сооружения, разгораются заново имперские конфликты, например на Кавказе. Конфликт между парламентом и главой государства в 1993 г. решается в имперском стиле (как между императором и государственными думами в начале века) – разгоном парламента. После этого символического события в декабре 1993 г. принимается Конституция России, в которой президенту даются почти самодержавные полномочия, а вместо Верховного Совета появляется традиционная Государственная дума РФ, успешно взаимодействующая с президентами РФ в рамках вариантов символической модели (в 2008 г. состоялось 1000-е заседание). В то же время указами президента Б.Н. Ельцина утверждаются: изначально торговый петровский бело-сине-красный флаг; гимн «Патриотическая песнь» М. Глинки без слов; в качестве герба – двуглавый орел с регалиями (коронами, скипетром, державой), на груди – герб Москвы. Двуглавый орел в 1997 г. отметил 500-летие в качестве российского государственного, большую часть этого времени он был символом монархии. Временное правительство в 1917 г. использовало облик имперского орла без регалий, так же как современный Банк России на денежных знаках РФ. Президенты РФ приносят присягу на специальном экземпляре Конституции РФ, где на обложке – двуглавый орел. Другой атрибут власти президента РФ – штандарт президента, сочетает в себе флаг и герб России, оба элемента из имперских времен. Штандарт президента над куполом Кремля, доминирует в панораме Красной площади, находясь на месте бывшего государственного флага СССР, и в целом символизирует имперско-советско-президентскую модель России, как и вся панорама символического центра России – мавзолей Ленина без смены

караула, советские красные звезды на башнях Кремля и двуглавые орлы на Историческом музее и т.д. Символично, что перестроенная гостиница «Москва» не изменила своего асимметричного вида, утвержденного Сталиным, а поток людей к Могиле неизвестного солдата в РФ не ослабевает, как и в советское время. Россияне во многом мыслят, чувствуют, оценивают мир имперскими и советскими категориями.

Имперский символический текст был востребован, распространение монархической метафоры в СМИ – подтверждение тому. Монарх как символ единения всех слоев населения, стоящий ближе к абсолютным, почти божественным истинам, безусловный авторитет, «защитник» бедных и руководитель высокопоставленных. Сценарий Б.Н. Ельцина был ближе к «царскому», в том числе по психологической манере поведения. Б.Н. Ельцин покинул пост главы государства также «по-царски», передав «трон» преемнику.

4. Модель isp (1996–1999) – «имперско-советско-президентская» модель, без доминант. Раздел общественного имущества достиг своего апогея, и Ельцин чуть не проиграл лидеру КПРФ Г.А. Зюганову. В этот период ни президентский, ни советский, ни имперский тексты не были определяющими, они на равных конкурировали между собой: в выигрыше же был Запад, все ближе ощущавший свое превосходство над ослабленной Россией. Символично и то, что эта эпоха закончилась финансовым кризисом, дефолтом августа 1998 г. Символично, что накануне августовского дефолта, летом 1998 г., произошло торжественное перезахоронение останков императорской семьи Николая II и прислуги, из Екатеринбурга – города Б.Н. Ельцина, в город будущего президента РФ – Санкт-Петербург, в предел Петропавловского собора. Б.Н. Ельцин символично поздравил россиян с Новым годом, извинился и ушел с поста накануне нового тысячелетия.

Второй президент России государственный В.В. Путин в новых послекризисных условиях создал свою модель, которая символически шла вразрез с моделью Б.Н. Ельцина, антикоммунистической, но ослабившей державность страны. Президент РФ В.В. Путин возродил доминанту советского текста политики, возвеличив на новом уровне текст имперский.

5. Модель ISp (2000–2004) или «ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-президентская» модель. Путин, рассматривающийся как «преемник» Ельцина, усилил державную доминанту, создал вертикаль власти, вплоть до отмены прямых выборов руководителей субъектов РФ, повысил роль администрации, создал крупные госкомпании и т.д. Символично, что инаугурация Путина, как впоследствии и Д.А. Медведева, проходила 7 мая. В этот день в 1724 г. Петр Великий провел первую императорскую коронацию в России – он короновал свою жену Екатерину, тем самым символически решая проблему престолонаследия.

Наградная система России, замкнутая на президенте РФ (он награждает или поручает наградить), включает элементы как имперского, так и советского периодов. На здании Государственной думы ФС РФ (бывшего Госплана) остается герб СССР, как и на здании МИД России, и законодатели принимают многолетние бюджетные планы, почти как в СССР, а внешнеполитическая риторика также напоминает советские времена. Однако, строго говоря, РФ ни по территории, ни по населению, ни по другим характеристикам не есть СССР или Российская империя, даже если юридически наследовала ряд обязательств. Модель РФ – это имперско-советско-президентская символическая смесь со сменой доминант элементов, задающая приоритеты развития.

Президентский текст не играл в первый срок правления В.В. Путина в качестве президента России определяющей роли, если не считать формальной процедуры выборов и риторики действия в рамках продолжения либерально-демократических реформ. Чтобы повысить его значимость, Путину пришлось предпринять ряд практических мер, смягчающих «дикую» конкуренцию в России. Заставив работодателей вовремя выплачивать заработные платы работникам, а чиновников – выплачивать социальные пособия, он возвращал в общество доверие, потерянное в беспредельных спекулятивных играх и обмане 1990-х годов. Любое символическое обещание и его выполнение, материализация (даже выполненное обещанное поднять затонувшую подлодку «Курск»), поддерживали политику доверия в новой «ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ» модели, где В.В. Путин стал проводником – гарантом – символом повышения доверия. Он переплавлял социальные противоречия в политическое общение благодаря наличию символического центра – поста президента России, который сам и занимал.

Ключевым в создании новой модели по инициативе президента Путина стало законодательное утверждение федеральными конституционными законами государственных герба, флага, гимна РФ. «Ноу-хау» В.В. Путина состояло в усилении в новой модели советского текста политики до уровня государственной доминантности и уравнивании его имперским началом, использованием имперских символических образов и смыслов. Вторым президент РФ предложил, опираясь на общественное мнение, принять музыку бывшего советского гимна в качестве музыки государственного гимна России. Слова для нового гимна «Россия, священная наша держава...» написал соавтор «Союза нерушимого...» С. Михалков. Государственный герб (имперский двуглавый орел) и бело-сине-красный флаг были взяты из предыдущей модели, отражая ИМПЕРСКО-президентскую составляющую. Символично, что, несмотря на требование Конституции РФ 1993 г., до 2000 г. государственные герб, флаг, гимн России не были утверждены

конституционными законами из-за разногласий в Государственной думе между сторонниками «советской» и «имперской» символики.

Президент РФ в своем телевизионном обращении к народу 4 декабря 2000 г., подчеркнул необходимость одновременного законодательного принятия исторических символов, относящихся к дореволюционному и советскому периоду, сравнив этап утверждения символики с «прекращением ремонта», и призвал к позитивной оценке прошлого, связанного с этими символами. После непродолжительных дискуссий в обществе и Государственной думе ФС РФ, ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-президентская символическая модель была принята на законодательном уровне, с опорой на результаты опроса общественного мнения. Партии СПС и «Яблоко», не признавшие модель, выбыли из большой политики. Продуктом ИМПЕРСКО-СО-

ВЕТСКО-президентского моделирования стала партия «Единая Россия», в отличие от «коммунистов» признающая дореволюционный опыт, в отличие от «демократов» ценящая опыт СССР и потому выигрывающая выборы. Авторитет президентской власти в России вырос с 2000 г. благодаря тому, что «имперско-советский» доминантный текст создал атмосферу относительного согласия и доверия противостоящих общественных мировоззрений. Поэтому с 2004 по 2008 г., когда все составляющие консолидации власти достигли предела, сформировалась ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ модель. Партия «Единая Россия» и все граждане России могли обращаться к мнению президента РФ как к высшему авторитету, подкрепленному имперским и советским опытом. Усиление имперского и советского текстов сказалось на решении проблем единства страны, на общероссийской идентичности (символично, что в период до 2004 г. россияне сменили паспорта СССР на паспорта РФ), повлияло на концентрацию капитала у государства и его компаний, а также на укрепление позиций партии «Единая Россия» – символического аналога как КПСС, так и в определенной степени выборных органов имперского периода или буржуазно-демократических президентских институтов.

Можно вспомнить, что в свое время Б.Н. Ельцин и А.Б. Чубайс были категорически против принятия музыки советского гимна и советской символики вообще. Но в дальнейшем это не помешало Чубайсу, как главе РАО «ЕЭС России» оперировать советским нормативным текстом – сравнивать энергетические реформы РАО «ЕЭС России» с советским планом ГОЭЛРО, грандиозным планом электрификации России 1920-х годов. Символично, что завершившаяся в 2008 г. уже под звуки советского гимна «распродажа» РАО «ЕЭС России» обеспечивала все то же движение по пути включенности в глобальную капиталистическую систему, что и в предыдущих модификациях имперско-советско-президентской модели. Под

звуки советского гимна в начале XXI в. осуществлялась монетизация советских льгот, остановившаяся на полпути. Символический арест олигарха Ходорковского также внес весомый вклад в утверждение ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ модели. Образно говоря, для масс В.В. Путин – это и менеджер, и советский лидер, и имперский правитель, борющийся в меру возможности и способности с разворыванием России и защищающий, опять-таки, в меру возможности и способности, низшие слои от зарвавшейся верхушки. Подобная конструкция «ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-президентской» модели, а затем, в 2004–2008 гг. и «ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТ-СКОЙ», обеспечила не только концентрацию капитала у государственных компаний, но и усиление глобальной роли России, в том числе как «энергетической сверхдержавы». Там, где раньше с глобальным капитализмом имели дело разрозненные и конкурирующие друг с другом российские структуры, на новом этапе стали действовать крупные, поддержанные государством субъекты экономической и политической деятельности.

6. Модель ISP (2004–2008) или ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ модель, это прежде всего модель зарабатывания средств Россией в мире. С увеличением менеджериальной функции российской власти возросла роль президентского текста в новой символической модели; после переизбрания В.В. Путина в 2004 г., все элементы имперско-советско-президент-

ского сценария достигли максимума. Еще в 2000 г., только намечая собственный алгоритм символического моделирования, Путин, призвал уменьшить критику и обращать внимание на позитив России, такая политика помимо прочего способствовала росту акций российских компаний. Концентрация капитала госкомпаниями, в том числе путем выкупа акций, способствовала сокращению конкуренции и увеличению прибыли за счет торговли, прежде всего на внешнем рынке. Капитализация «Газпрома» с 2000 года до 2008 г. выросла почти в 50 раз. Россия рассчиталась с государственными долгами, но в то же время, продолжая включаться в мировой капиталистический оборот, накапливала долги частных компаний и компаний с участием государства. Излишки средств государства хранятся в иностранных ценных бумагах, основу золотовалютных резервов составляет иностранная валюта, растут российские инвестиции вне страны, упрощается движение капитала и т.д. Россия становится одним из мировых лидеров по количеству миллиардеров, в то же время продолжает увеличиваться разрыв между богатыми и бедными. Советский, социальный текст политики выражается в виде роста социальных программ, которые к 2008 г. во многом нивелируются инфляцией, повышением цен на продукты питания и т.д.

Приоритетные национальные проекты в области образования, здравоохранения, жилья и сельского хозяйства, которые начинал вице-премьер, а ныне президент РФ Д.А. Медведев, идут по сути в русле советского текста, ибо в СССР бесплатное здравоохранение, жилье, образование были визитной карточкой. Пока в доминантах ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ модели бесплатная доступность логично заменяется расширением поля действия капиталистических инструментов, путем выдачи ипотечных, сельскохозяйственных и образовательных кредитов, некоторого расширения социальных льгот, акцента на привилегии молодежи и т.д., с активным использованием административного ресурса. Обращение к советскому опыту в XXI в., в отличие от эпохи Б.Н. Ельцина, стало восприниматься как позитив. Переписывание «старых песен о главном» на современный лад заметно также в культуре (показателен римейк знакового советского комедийного фильма «Ирония судьбы, или с легким паром», ставшего элементом новогоднего отечественного ритуала).

Подобно символическим героям художественной литературы и кинематографии, россиянам приходится создавать символические модели и влиять с их помощью на действительность, переживая победы и проигрыши. Поколение, родившееся в России, достигает совершеннолетия, вырастая под символами СССР и Российской империи, зная о достижениях прошлого и сравнивая их с достижениями настоящего. Первый полет человека в космос Ю.А. Гагарина и победа в Великой Отечественной войне – символы единения россиян, но новое поколение, новое время требуют новой идентичности, наполнения старых символов новым содержанием, новыми победами. Тем более, что в законах о госсимволике РФ не указано точное значение элементов флага и герба, а «предками данная мудрость народная», воспеваемая в гимне, не всегда подходит для современности. Пожалуй, девизом России стали слова гимна «Нам силу дает наша верность Отчизне». Однако программы патриотического воспитания, основанные на истории, не заменят символики максимальных общественных побед современности – победы прошлого лишь задают уровень достижений, к которому можно стремиться и превзойти. Это проблема прогресса, ибо смотреть только в прошлое, пытаясь быстро двигаться в будущее, невозможно. В ИМПЕРСКО-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ модели надежды на инновационное будущее во многом связаны с президентом. Определенный максимум развития модели обозначился во время футбольного чемпионата «Евро-2008», когда символический бум, с использованием флагов, музыки и доселе малоизвестных слов гимна охватил страну, победами порождая новую идентичность.

Имперский текст, поддерживающий имперские амбиции во внешней политике и вертикаль власти во внутренней, также претендует на

доминирование в будущем. Парад с военной техникой (впервые в постсоветской истории) на Красной площади, который 9 мая 2008 г. принимал президент РФ Д.А. Медведев, показал иной вектор возможного изменения политики РФ, в направлении «ИМПЕРСКО-советско-президентской» модели.

7. Модели iSP или IsP (2008–?) могут утвердиться в результате выбора между «имперско-СОВЕТСКО-ПРЕЗИДЕНТСКОЙ» и «ИМПЕРСКО-советско-президентской» структурами доминантности, который может сделать новый президент РФ Д.А. Медведев, если будет искать новый оптимальный синтез трех составляющих символического моделирования. Вариант развития, при котором России предрекают лишь усиление буржуазно-демократических или либерально-демократических реформ, основываясь на обращении третьего президента РФ к теме либерализма, маловероятен. Сложно вернуться в 1990-е годы, изменился характер отношений «власть-капитал-общество». Создание iSP и IsP моделей в 1990-е годы было возможно как в связи с наличием дешевых трудовых ресурсов в стране, так и в связи с отсутствием глобального финансового кризиса. Сейчас проблемы нехватки рабочей силы, борьбы с инфляцией и глобальным подорожанием выходят на первое место, и решать их можно также исходя из имперско-советско-президентской модели либо сделав доминантными одновременно советский и президентские тексты, что позволит избежать изоляционизма, излишней концентрации власти, и одновременно усилит социальную направленность политики (iSP-модель), либо подчинив советский и президентские тексты доминанте имперского развития (IsP-модель), что усилит вертикаль власти, еще более замедлит социальную мобильность, и скорее всего усилит импульс к внешней экспансии. Обе модели позволяют продолжить включение России в процессы глобализации. Сейчас Д.А. Медведев и В.В. Путин используют элементы двух этих моделей. Многое зависит от тенденций большой символической игры на мировой арене, а также от соотношения приоритетов прагматичной пользы и истины в политике. Если черное называть белым, и наоборот, руководствуясь лишь прагматикой пользы, в том числе прибылью, кризис неизбежен.

Люди всерьез воспринимают символические модели и объединяются вокруг них, считая их близкими к «своей» личной истине. Абстрактные теоретические конструкции коммунизма, счастья для всех не выдержали конкуренции с наглядными образами капиталистического благополучия, рая на земле для немногих. Дискредитация абстракций, в том числе долгосрочного символического моделирования, привела к «приземленности», «конкретизации», «сырьевизации» общественно-политической жизни, определенному кризису в науке, в целом к дефициту инноваций, что признают власти в России.

В 1985–2008 г. общественно-политическая жизнь в России ориентировалась на имперско-советско-президентскую символическую модель. Эта модель оказывала и оказывает существенное влияние на мировую политику. Игра на трех струнах российской «символической балалайки» символизирует значимый период мировой и российской истории. Представленная классификация символических моделей, вероятно, требует обсуждения, уточнения, особенно в отношении к будущему символического моделирования.

А.Б. Докторович

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО И ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА КАК КЛЮЧЕВАЯ ПРОБЛЕМА
РОССИИ В XXI ВЕКЕ

**Докторович Анатолий Борисович – доктор
экономических наук, профессор Российской
академии государственной службы при Президенте РФ.**

В современных социальных государствах, к сообществу которых принадлежит и Россия, наряду с фундаментальными ценностями демократии и свободы не менее ценны и актуальны такие факторы развития, как социальный, человеческий и инновационный потенциалы. В XXI в. глобальной целью и стратегической перспективой устойчивого и динамичного прогресса государств становится **социально ориентированное инновационное развитие, обеспечивающее расширяющееся воспроизводство социального, человеческого и инновационного потенциалов.**

Опыт высокоразвитых постиндустриальных стран наглядно демонстрирует, что неуклонная устремленность всей системной триады «человек – общество – государство» к достижению данной глобальной цели обеспечивает устойчивый и динамичный прогресс.

Как справедливо отмечалось в Докладе о развитии человека за 2001 год, «подлинное богатство нации составляют люди, и поэтому развитие должно расширять их возможности таким образом, чтобы они могли выбирать оптимальный образ жизни. Таким образом, развитие вовсе не сводится к экономическому росту, который является всего лишь средством расширения возможностей людей»¹. Более точно и конкретно целеполагающая формула социально-экономического развития сформулирована Д.А. Медведевым в его выступлении на Пятом Красноярском экономическом форуме: «Современной

1. См.: Доклад о развитии человека за 2001 год // Издано по заказу ПРООН. – Нью-Йорк, 2001. – С. 9.

экономике должна соответствовать современная политика социального развития. Главным ее объектом должны стать не конкретные отрасли социальной сферы (мы это уже проходили), а каждый гражданин, каждая отдельная семья»².

Процессы гармоничного, сбалансированного развития человека и семьи, государства и общества, экономики и социально-трудовой сферы, нацеленные на расширяющееся воспроизводство социального, человеческого и трудового, экономического и инновационного потенциалов представляют собой **социоинновационное развитие**. Целью социоинновационного развития, как это сформулировано в самом определении, является расширяющееся воспроизводство социального, человеческого и трудового, экономического и инновационного потенциалов. Именно такая цель должна быть признана глобальной в масштабах мировой политики, поскольку неуклонное и настойчивое стремление к ее достижению обеспечивает тот надежный и долговременный фундамент, который необходим для гармонизации социальных, политических и экономических взаимодействий между демократическими государствами и в каждом из них. Указанной цели соответствует доминирование не военных и силовых приоритетов («центров силы»), а приоритеты развития человека и семьи, общества и инновационной экономики. Достижение этой цели возможно не в конфронтации, а путем координации усилий мирового сообщества по решению планетарных и национальных социальных проблем. Согласование глобальных и стратегических национальных целей, соответствующих оперативных задач социально-экономического развития, определение адекватных им приоритетов позволяют вырабатывать и реализовывать стратегии социально ориентированного развития. Указанные цели, приоритеты и задачи актуальны для всех социальных государств, особенно для современной России.

Социоинновационные цели и система приоритетов, соответствующие им стратегия и тактика социально-экономического развития – ключевые проблемы современной России. К сожалению, переживаемый нами этап социально-экономического развития характеризуется тем, что на фоне роста сырьевых секторов экономики и устойчивого увеличения доходов наиболее обеспеченных групп населения существенно обострились проблемы развития социально-трудовой сферы и инновационного потенциала экономики, воспроизводства социального, человеческого и трудового потенциалов. Как

2. Медведев Д.А. *Россия 2020. Главные задачи развития страны* // Выступление на Пятом Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 года. – М., 2008. – С. 50.

справедливо отмечал академик РАН Д.С. Львов, «у новой России появилось как бы два лица: одно – преуспевающее и другое – бедное, несчастное»³.

По данным Росстата, жить россияне стали лучше. В декабре 2006 г. средняя начисленная заработная плата составила 14 263 руб., а в декабре 2007 г. – 18 591 руб., т.е. возросла на 30,3%. Динамика среднемесячной номинальной и реальной начисленной заработной платы представлена в табл. 1.

В то же время, как отмечают исследователи, «серьезной и обидной проблемой, ложкой дегтя в бочке меда, является значительное отставание минимального размера оплаты труда (МРОТ) от прожиточного минимума (ПМ).

В настоящее время эти показатели выглядят соответственно как 2300 и 3800 руб. То есть для тех, кто сегодня входит в разряд бедных и получает заработок в размере МРОТ (а таких немало – это сотни тысяч работников сельского хозяйства, текстильной промышленности, бюджетной сферы, низкой квалификации, но нужных экономике, из других ее отраслей), не хватает 1500 руб. для того, чтобы банально выжить. Ведь главная воспроизводственная функция оплаты труда (наряду со стимулирующей функцией) в том и состоит, что она (зарплата) должна быть достаточной для компенсации тех затрат (физических, физиологических, интеллектуальных и т.п.), которые имеет человек в процессе своей трудовой деятельности и жизни как таковой»⁴.

Российская статистика констатирует, что в 2006 г. в России родилось 1 млн. 476,2 тыс. человек, а умерло 2 млн. 165,7 тыс. человек, т.е. население страны сократилось на 689,5 тыс. человек (0,48%). На начало 2007 г. численность населения России составила 142,2 млн. человек⁵. В целом по стране число умерших превысило число родившихся в 1,47 раза, а в 19 регионах это соотношение составило 2,1–2,8 раза.

Одним из наиболее значимых демографических показателей является показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Результаты сравнительного анализа социального развития различных стран мира по этому показателю представлены в табл. 2. Эти данные, как и показатели, характеризующие ожидаемую продолжительность жизни лиц, находящихся в трудоспособном возрасте, убедительно свидетельствуют о социальном неблагополучии России.

3. Львов Д.С. *Россия: Рамки реальности и контуры будущего*. – М.: РАН, Отделение общественных наук. Секция экономики, 2007. – С. 3.

4. Волгин Н.А. Колонка редактора // Журнал «Социальная политика и социальное партнерство», 2008. № 1. – С. 1.

5. См. *Россия в цифрах. 2007: Краткий стат. сб. / Росстат*. – М., 2007. – С. 80, 83.

Таблица 1

ДИНАМИКА СРЕДНЕМЕСЯЧНОЙ НОМИНАЛЬНОЙ
И РЕАЛЬНОЙ НАЧИСЛЕННОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

	Средне- месячная номинальна я начисленная зароботная плата, руб.	В % к		Реальная начисленная зароботная плата в % к	
		соответств ующему периоду предыдущег о года	предыдущем у периоду	соответствующ ему периоду предыдущего года	предыдущему периоду
2007 г.					
Январь	11 430	127,3	80,9	117,7	79,6
Февраль	11 757	127,8	102,8	118,8	101,7
Март	12 448	126,9	106,0	118,2	105,4
I квартал	11 876	127,3	97,3	118,2	94,1
Апрель	12 494	127,8	100,3	118,8	99,7
Май	12 787	125,4	102,4	116,4	101,8
Июнь	13 712	124,7	107,3	114,9	106,3
II квартал	12 993	125,9	109,3	116,6	107,1
Июль	13 546	125,3	98,9	115,3	98,0
Август	13 270	122,9	98,0	113,2	97,9
Сентябрь	13 677	123,9	103,1	113,3	102,3
III квартал	13 494	124,0	103,9	113,9	101,8
Октябрь	13 986	127,3	102,4	114,9	100,7
Ноябрь	14 656	130,2	104,8	116,8	103,5
Декабрь	18 591	130,2	126,9	116,4	125,5
IV квартал	15 742	129,3	116,7	116,1	112,8
Год	13 593	127,8		117,2	
Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. Краткосрочные экономические показатели Российской Федерации в январе – июне 2008 г.					

(<http://www.gks.ru>).

Таблица 2

ОЖИДАЕМАЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ
ПРИ РОЖДЕНИИ ПО СТРАНАМ МИРА

	Год	Все население	Мужчины	Женщины	Различие показателя по полу
Россия	2006	66,60	60,37	73,23	12,86
Австралия	2004	80,5	77,9	83,0	5,10
Австрия	2005	79,6	76,7	82,3	5,60
Израиль	2004	80,0	77,8	82,0	4,20
Ирландия	2005	79,5	77,3	81,7	4,40
Испания	2005	80,3	77,0	83,7	6,70
Италия	2005	80,5	77,6	83,2	5,60
Канада	2004	80,2	77,6	82,6	5,00
Соединенное Королевство (Великобритания)	2005	79,1	77,1	81,1	4,00
США	2004	77,5	74,8	80,2	5,40
Чили	2004	78,1	75,1	81,1	6,00
Швейцария	2005	81,5	78,7	84,0	5,30
Швеция	2005	80,7	78,5	82,9	4,40
Япония	2004	82,2	78,6	85,6	7,00
<i>Источник: Здравоохранение в России. 2007: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 43–44.</i>					

Современное человечество находится под постоянной угрозой многих социальных рисков. По оценкам экспертов Совета Федерации Российской Федерации и независимых экспертов сегодня в стране от 3 до 4 млн. беспризорных и безнадзорных детей⁶. Значительная часть таких детей не посещает школы и живет вне медицинского контроля. Многие из них постоянно пополняют число попрошайек и преступников. По данным российских правоохранительных органов и официальных источников в России насчитывается 3,48 млн. наркоманов (см. табл. 3). Из них более 60% составляют лица в возрасте от 16 до 30 лет, а 20% – школьники. Средний возраст наркоманов приближается к 15–17 годам. Участились случаи первичного употребления наркотиков детьми в возрасте 11–13 лет.

6. Сколько в России беспризорных? // Комсомольская правда. – 24 января 2002. – С. 9; Комков С. Откуда в России берутся беспризорные дети // Социальная педагогика. – 2005, № 1. – С. 5–8.

Зарегистрированы случаи употребления наркотиков 6–7-летними детьми, прежде всего в семьях родителей-наркоманов. За последние десять лет число женщин-наркоманов выросло в 6,5 раз⁷.

Таблица 3

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ
И РАССТРОЙСТВАМИ ПОВЕДЕНИЯ, СВЯЗАННЫМИ
С УПОТРЕБЛЕНИЕМ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Взято под наблюдение больных с впервые в жизни установленным диагнозом:							
алкоголизм и алкогольные психозы, всего, тыс. человек	188,7	202,0	221,3	228,2	218,4	209,2	192,9
на 100 000 человек населения	129,7	139,4	153,4	159,1	153,1	147,4	135,3
наркомания и токсикомания, всего, тыс. человек	746	646	295	252	232	264	290
на 100 000 человек населения	51,4	44,6	20,4	17,6	16,3	18,6	35,8
Численность больных, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, с диагнозом							
алкоголизм и алкогольные психозы, всего, тыс. человек	2191	2192	2200	2213	2203	2191	2152
на 100 000 человек населения	1508	1516	1529	1547	1548	1547	1513
наркомания и токсикомания, всего, тыс. человек	281,2	329,1	335,6	340,1	339,8	342,5	348,0
на 100 000 человек населения	193,6	227,7	233,3	237,7	238,7	241,9	260,8
<i>Источник:</i> Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб. / Росстат. – М., 2007. – С. 285.							

Характер и особенности экономического роста, социального развития и усиления социальных рисков представляют собой серьезные вызовы и угрозы нормальному воспроизводству социального, человеческого и трудового потенциалов – фундаментальных факторов, формирующих основу

7. Наркомания в России: Угроза нации. Аналитический доклад Совета по внешней и оборонной политике // http://life.ng.ru/problem/2001-05-11/5_narcotism.html

социоинновационного развития. Преодоление таких вызовов и угроз – одна из ключевых проблем современной России.

Вторая группа не менее значимых проблем – *формирование и развитие условий и возможностей реализации потенциала социального развития*.

Условия и возможности, необходимые для реализации человеческого и трудового потенциалов, наряду с другими, обеспечивают два ключевых фактора. Первый из них – здоровье, дающее возможность вести активную и плодотворную деятельность. Второй фактор – доступное, качественное и непрерывное образование, поскольку именно общее и профессиональное образование, знания и новые технологии обеспечивают инновационное развитие, повышение конкурентоспособности предприятий и эффективность современной экономики. Не случайно в XXI в. высокоразвитые постиндустриальные страны наращивают усилия в подготовке и привлечении квалифицированных специалистов.

Анализ государственных расходов на здравоохранение и образование (табл. 4), а также внутренних затрат на научные исследования и промышленные разработки (табл. 5) позволяет утверждать, что Россия пока не переориентировалась на инновационное развитие. Представленные в табл. 4 данные свидетельствуют, что расходы российского бюджета на образование в 1,6–2 раза меньше, чем в высокоразвитых европейских странах, а на здравоохранение – в 1,8–2,3 раза меньше.

Таблица 4

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ ПО СТРАНАМ МИРА
(в % к валовому внутреннему продукту)¹

	Год	Расходы на образование	Год	Расходы на здравоохранение
Россия²	2005	3,7	2005	3,7
Норвегия	2002	7,6	2003	8,6
Швеция	2002	6,6	2003	8,0
Дания	2002	6,8	2003	7,5
Израиль	2002	7,5	2003	6,1
Швейцария	2002	5,8	2003	6,7
Португалия	2002	5,7	2003	6,7
Бельгия	2002	6,0	2003	6,3
США	2002	5,5	2003	6,8
Финляндия	2002	5,9	2003	5,7
Беларусь	2005	6,4	2003	4,7
Япония	2002	3,5	2003	6,4
Эстония	2002	5,7	2003	4,1
Украина	2005	5,7	2003	3,7
¹ Порядок стран, представленных в таблице, соответствует суммарной доле их расходов на образование и здравоохранение.				

² Расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных источников.
Источник: Россия и страны мира. 2006: Стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 292–293.

Таблица 5

ВНУТРЕННИЕ ЗАТРАТЫ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И РАЗРАБОТКИ ПО СТРАНАМ МИРА
(в % к валовому внутреннему продукту)

	2000	2001	2002	2003	2004
Россия	1,05	1,18	1,25	1,28	1,16
Швеция	...	4,25	...	3,95	...
Израиль	4,45	4,75	4,82	4,46	4,42
Финляндия	3,38	3,38	3,43	3,48	3,51
Япония	2,99	3,07	3,12	3,15	3,13
США	2,74	2,76	2,65	2,68	2,68
Исландия	2,73	3,04	3,08	2,92	...
Швейцария	2,57	...	...	...	2,94
Республика Корея	2,39	2,59	2,53	2,63	2,85
Германия	2,45	2,46	2,49	2,52	2,49
Дания	...	2,39	2,51	2,56	2,48
Сингапур	1,89	2,10	2,15	2,13	2,25
Австрия	1,91	2,03	2,12	2,20	2,24
Франция	2,15	2,20	2,23	2,18	2,16
<i>Источник:</i> Россия и страны мира. 2006: Стат. Сб. / Росстат. – М., 2006. – С. 308.					

Руководство страны осознает политическую, социальную и экономическую значимость проблем развития здравоохранения и образования. Важно отметить, что по инициативе бывшего Президента Российской Федерации В.В. Путина, при активном участии действующего Президента России Д.А. Медведева были разработаны, утверждены и в настоящее время активно реализуются приоритетные национальные проекты «Здоровье» и «Образование». Эти приоритетные национальные проекты, наряду с двумя другими, должны обеспечить не только существенное улучшение развития соответствующих отраслей социально-трудовой сферы, но и качественную трансформацию социальной политики – от пассивного «латания дыр» в социальной сфере к научно обоснованному активному воздействию на все основные процессы развития общества.

Анализируя основные особенности современной инновационной экономики, обратим внимание на рост объемов реализуемой наукоёмкой продукции, созданной на основе использования интеллектуальных продуктов и технологий, и возрастание доли интеллектуальных услуг (информационных, консалтинговых, экспертных и аудиторских и т.п.) на всех

рынках высокоразвитых стран (США, Европейского союза, Австралии, Норвегии, Швеции, Японии и др.). По оценкам отечественных экспертов, объем реализуемой на международном рынке наукоемкой продукции, которая создана на основе использования интеллектуальной собственности, достигает до 2,3 трлн. долл. в год. Из них около 700 млрд. долл. приходится на США, около 530 млрд. – на Германию и около 400 млрд. – на Японию. Что касается России, то на ее долю приходится не более 6,9 млрд., т.е. лишь 0,3% этого рынка⁸.

Подчеркнем еще раз, что основными факторами повышения конкурентоспособности и эффективности современной экономики являются социоинновационный потенциал и инновационная деятельность. Ключевую роль в инновационном развитии экономики играют общее и профессиональное образование, знания и прорывные технологии. Поэтому высокоразвитые постиндустриальные страны создают условия, обеспечивающие расширяющееся воспроизводство социоинновационного потенциала, привлекают в свои экономики высококвалифицированных специалистов, наращивают усилия в развитии современной системы образования. В таких странах возрастают затраты на научные исследования, опытно-конструкторские и промышленные разработки (см. табл. 5), приобретение патентов за рубежом.

Осмысливая особенности развития инновационной экономики, нетрудно понять, что в экономике знаний роль интеллектуального труда становится определяющей, а его носитель – субъект интеллектуального труда обретает приоритетную роль и значимость. Поэтому многие экономисты и практически все экономисты-трудовики утверждают, что ключевым фактором современного развития социально-трудовой сферы являются человек, человеческий и трудовой потенциалы, а воспроизводство трудовых ресурсов представляет одну из наиболее приоритетных задач всего общественного воспроизводства⁹. К этому справедливому утверждению добавим, что социально-трудовая сфера является не «падчерицей» матушки-экономики, а ее «старшей сестрой», от потенциала которой во многом зависят характер и особенности развития экономики и общества в целом. В новом тысячелетии необходимо, наконец, признать, что устойчивое развитие

8. Юсов А.Б. Влияние инновационной экономики на трансформацию социально-трудовой сферы // Журнал «Социальная политика и социальное партнерство». – 2008, № 1. – С. 27.

9. См., например, Костин Л.А. Демографический аспект воспроизводства трудовых ресурсов // Проблемы экономики труда. Избранное: В 2-х т. Т. 1. – М., 2005. – С. 55; Слезингер Г.Э. Социальная экономика. – М., 2001. – С. 8.

экономики – лишь необходимое, но не достаточное условие развития человека и семьи, общества и социальной инфраструктуры.

Глобальной стратегической целью социально-экономического развития всей системной триады «человек – общество – государство» становится гармоничное, сбалансированное развитие человека и семьи, человеческого и трудового потенциалов, инновационное развитие общества и экономики. «Развитие человека – это и основная цель, и необходимое условие прогресса современного общества. Это и сегодня, и в долгосрочной перспективе наш абсолютный национальный приоритет»¹⁰. Такое целеполагание и решение задач социоинновационного развития должны быть определены глобальной целью и стратегическим направлением развития современной России. Кроме того, не только в теории, но и в государственном регулировании развития общества и экономики, а также в практике бизнеса пора, наконец, осознать и признать существование глубокой имманентной взаимосвязи между развитием экономики и экономического потенциала, с одной стороны, социального и человеческого потенциалов – с другой. Сбалансированное развитие социального и человеческого потенциалов способно обеспечить социоинновационное развитие экономики и расширенное воспроизводство экономического потенциала. Поэтому научное обоснование современной политики социоинновационного развития должно стать одной из ключевых задач общественных наук России, решение которой будет способствовать и формированию качественно нового – инновационного – характера государственного управления, и бизнес-менеджмента.

10. Выступление Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 г. // «Известия», 11 февраля 2008 г. – С. 5.

Е.Я. Виттенберг

ОТ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ
К СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?
(Трудный путь российского бизнеса)

**Виттенберг Евгений Яковлевич – доктор
исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН, генеральный
директор фирмы «Интелбридж-Плюс».**

В недолгой новейшей истории российского бизнеса было как минимум два этапа формирования его отношения к своей социальной ответственности. Первый этап приходится на период 1991–1998 гг. В эти годы шла приватизация, и бизнес был прежде всего озабочен получением во владение как можно большего куска бывшей государственной собственности. Одновременно бизнес был вынужден (по сути дела в одиночку) бороться с криминалом, который пытался, и порой не безуспешно, подчинить его себе и криминализировать. В эти годы российский бизнес был также тесно связан с государственными органами, от которых зависели вопросы приватизации. В результате именно в этот период сложился союз бюрократии, криминала и бизнеса, стратегической целью которого был захват национальных богатств и отчуждение от них широких слоев общества.

В этих условиях зарождающемуся и становящемуся бизнесу было просто не до социальной ответственности. Более того, слабость власти и ее определенная зависимость от крупного бизнеса, несовершенство законодательства, регламентирующего деятельность бизнеса, привели к тому, что в России пышным цветом расцвела социальная безответственность бизнеса. Она проявлялась в разнообразных формах: в использовании полученной собственности не по назначению, систематическом уходе от налогов, производстве некачественной и контрафактной продукции, нарушении экологических норм, обмане своего производственного коллектива, «кидании» партнеров и инвесторов и т.д. Конечно, это не

означало, что бизнес в данный период был полностью социально безответственным. Вынужденный минимальный уровень ответственности проявился в том, что, спасая себя и пытаясь закрепить за собой праведными и несправедными путями полученную собственность, предприниматели худо-бедно платили зарплату своим работникам, выплачивали хоть какие-то налоги государству. И в условиях, когда государственные предприятия практически перестали работать, когда людям месяцами, а то и годами не платили зарплату, именно зарождающийся бизнес по большому счету спас страну от экономического краха, развала, голода.

Второй этап в становлении социальной ответственности бизнеса начался после дефолта 1998 г. И именно в конце 90-х годов был поднят вопрос о социальной ответственности отечественного бизнеса. Особую актуальность этот вопрос приобрел с начала XXI в., когда в стране наступила относительная стабильность и обозначился экономический подъем. Именно в этот период (в 2003, в 2005 и в 2007–2008 гг.) фирмой «Интелбридж Плюс» был осуществлен информационно-аналитический печатный и электронный русско-англоязычный проект «Кто есть кто в российском бизнесе», посвященный отечественным предпринимателям. Проект получил поддержку Минэкономразвития, а также ведущих объединений бизнеса: РСПП,ТПП РФ, АРБ, МАП и, наконец, ряда региональных организаций предпринимателей. Проект состоял из трех выпусков: «Российские предприниматели: лицом к миру» (2003) (3), «Бизнес и общество» (2005) (4) и «Лидеры бизнеса России» (2008) (5).

Анкеты, разработанные при участии ученых (ИС РАН, ВШЭ, МГУ), представителей крупного бизнеса («Интеррос», АФК «Система») и предпринимательских объединений (РСПП, ТПП РФ, АРБ, МАП) для первого и третьего выпусков проекта, содержали в себе объемные блоки вопросов, посвященные социальной ответственности бизнеса, а в выпуске втором – «Бизнес и общество» – тема социальной ответственности бизнеса была центральной.

Эти анкеты в количестве от 4500 до 5000 рассылались в адреса президентов и генеральных директоров крупных и средних предприятий, банков, страховых компаний. Для первого выпуска проекта было собрано около 600 анкет, для второго – 530 и, наконец, для третьего – 436. При этом около 90% предпринимателей просто проигнорировали предложение участвовать в проекте.

Несколько сотен бизнесменов попытались мотивировать свой отказ принять участие в очевидно нужном проекте. Одним из главных, безусловно, был мотив нежелания «светиться». Эту позицию озвучил один из ведущих отечественных бизнесменов, сказавший автору этих строк в январе 2005 г.

буквально следующее: «Я хочу, чтобы обо мне не говорили ни хорошо, ни плохо. Я хочу, чтобы обо мне не говорили вообще. Помнишь у Высоцкого: “Лечь бы на дно как подводная лодка, чтобы не могли запеленговать”». Подобную позицию этого бизнесмена можно было в то время объяснить всеобщим страхом, охватившим деловые круги страны после ареста М. Ходорковского. Впрочем, это чувство страха сохраняется в бизнес-сообществе по сей день, и оно подкрепляется время от времени происходящими «наездами» власти на бизнес. Здесь достаточно вспомнить недавнее столкновение с властью известного предпринимателя М.С. Гуцериева, в результате которого он потерял свою компанию «РуссНефть», а сам чуть не угодил в тюрьму, Е. Чечваркина, который был вынужден продать компанию «Евросеть» и бежать из страны из-за боязни попасть за решетку.

Нежелание «светиться» или «высовываться» предприниматели в частных разговорах нередко объясняли боязнью привлечь к себе повышенное внимание властей или налоговых органов (эта боязнь особенно распространена у представителей регионального бизнеса). «Высунешься, начнут больше тянуть денег. Мол, если ты такой крутой, то давай плати», – объясняли свой отказ от участия в проекте предприниматели. С другой стороны, бизнесмены опасались быть заваленными просьбами граждан и организаций о помощи. «Мы и сейчас в день получаем сотни писем с просьбами дать денег от благотворительных организаций, церкви, домов инвалидов и престарелых, от многочисленных граждан. А если мы опубликуем информацию о том, что мы кому-то помогаем, то нам жизни совсем не будет. В стране, где все ищет спонсора – участие в твоём проекте будет самоубийством», – объяснял мне свой отказ от участия в проекте один столичный банкир. При этом хочу отметить, что нежелание «светиться» чаще вызывалось боязнью просьб власти, чем просьб общества, ибо вторые можно было проигнорировать, а первые нередко были идентичны приказам, неисполнение которых влекло за собой массу проблем вплоть до потери своего бизнеса, а то и личной свободы. Число таких отказов по трём опросам колебалось от 35 до 46%.

Второе место среди причин отказа участвовать в проекте или отвечать на вопросы, посвященные социальной ответственности бизнеса, занимает мотивация, согласно которой бизнесмены, сделавшие те или другие добрые дела, прежде всего в области благотворительности, не хотят превращать их в предмет общественного восхваления. В этом они опираются на православную традицию. Количество отказов по этой причине варьировалось в пределах 27–32%.

Среди других мотивированных причин отказа от участия в проекте назывались следующие: «у нас осуществляется реструктуризация»,

«меняется руководство», «собственники делят бизнес», «предприятие продается», а также: «проект неинтересный», «проект несвоевременный», «нет времени заполнять ваши анкеты» и т.д., и т.п.

Собранный в результате трех исследований эмпирический материал позволил нам не только получить представление о состоянии дел с социальной ангажированностью отечественного бизнеса в целом, но и в совокупности с другими источниками дал некоторую основу для понимания того, как сам бизнес относится к своей социальной ответственности. В этой связи в статье предпринимается попытка систематизировать отношение бизнеса к своей социальной ответственности и расположить различные группы бизнесменов по шкале от «социальной безответственности» к «социальной ответственности».

В настоящее время в зарубежной и российской науке уже осуществлены несколько попыток дать типологизацию подходов отечественного бизнеса к своей социальной ответственности. Наиболее удачной из них, на мой взгляд, была попытка А.Ю. Чепуренко в коллективной монографии «Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян» (8). Автор разделил российский бизнес по его отношению к социальной ответственности на три категории: «узкие прагматики» (это те, кто сводят свою социальную ответственность к возможному минимуму, а именно к уплате налогов и поддержанию социального мира); «разумные эгоисты», считающие, что помимо решения внутрифирменных социальных вопросов, бизнес должен заботиться и о социальном контексте своей деятельности; «социально ответственные», «не только признающие свои обязательства перед трудовыми коллективами, но и на первый план ставящие общественные обязательства предпринимателей, понимаемые как моральное следствие обладания богатством» (8, с. 359). Однако, как представляется, в настоящее время эта классификация не отражает всего разнообразия и национальной специфики отношения отечественного бизнеса к своей социальной ответственности.

Ныне, на мой взгляд, весь российский бизнес по степени его социальной ответственности можно условно разделить по крайней мере на шесть основных категорий. И если расположить их на шкале социальной ответственности по степени ее возрастания, то картина выглядит следующим образом.

К первой категории – «социально безответственных бизнесменов» – можно отнести представителей нелегального, полунелегального криминального и полукриминального бизнеса, уходящих всеми правдами и неправдами от любых налогов, производящих некачественную и контрафактную продукцию, в нарушение трудового законодательства нещадно эксплуатирующих рабочую силу, варварски относящихся к окружающей среде и т.д. Технологии деятельности таких «бизнесменов» выглядят

примерно следующим образом. Нелегальные, подпольные предприятия обычно создаются в укромных местах, используют нелегальную, как правило зарубежную рабочую силу, а свою продукцию реализуют по поддельным документам или даже без них через мелкую розничную торговлю, рынки и т.д. Нередко подобного рода фирмы работают довольно долго, поскольку находятся «под крышей» либо чиновников, либо правоохранительных органов.

Полулегальный социально безответственный бизнес широко представлен в строительной отрасли (типичными его представителями являются бригады так называемых шабашников), в сфере обслуживания, торговли и т.д. Его представители работают открыто, но при этом не имеют никакого легального статуса, сотрудничают, как правило, с физическими лицами, расчеты осуществляют в наличной форме, никаких налогов не платят, трудовое законодательство не соблюдают, а в случае столкновения с фискальными и правоохранительными органами решают вопросы с ними с помощью взяток.

Среди социально безответственного бизнеса есть и формально легальные предприятия и фирмы. Эти бизнес-структуры регистрируются обычно на подставное лицо, функционируют несколько месяцев, привлекая нелегальную рабочую силу и совершая незаконные операции, а затем исчезают, будучи формально проданными через юридическую фирму какому-либо реальному подставному лицу. При этом за те несколько месяцев, что эти структуры функционируют, они или не сдают никакой отчетности, или сдают отчетность с «нулевыми балансами», не платят налоги, а полученные средства либо обналичивают через липовые договоры, либо по сложным схемам загоняют в офшоры. Налоговые органы их не тревожат, поскольку, разумеется, не знают, чем занимаются подобные фирмы и резонно полагают, что необходимо несколько месяцев для начала активизации бизнеса (получения кредита в банке, набора сотрудников и т.д.). Ну а через несколько месяцев фирма продается, в реестр юридических лиц вносится имя нового владельца, который либо живет в деревенской глуши и даже не знает, что он стал владельцем доходного предприятия, либо не существует в природе. В случае же возникновения форсмажорных обстоятельств, а именно, если такого рода фирмой заинтересуются налоговые органы (это обычно бывает, если о ее деятельности поступил сигнал от граждан или от конкурентов), то ее владельцы пытаются от налоговиков откупиться и, как правило, им это удается.

Очевидно, что полная социальная безответственность может до поры до времени сходиться с рук лишь представителям малого – и реже – среднего бизнеса. Для крупного бизнеса в современных условиях поведение полной социальной безответственности по определению невозможно, поскольку он

находится в фокусе постоянного пристального внимания различного рода контролирующих органов, властных структур, СМИ и т.д.

К категории социально безответственных можно отнести и владельцев тех предприятий, которые разоряются по субъективного свойства причинам как то: ошибки руководства в маркетинговой политике, непрофессионализм менеджеров, отсутствие командного духа в коллективе, недостаток у руководства волевых качеств в достижении поставленных целей, неумение подбирать кадры, нарушение пропорции между ассигнованиями на производство

и потребление и др. Подобные явления не в последнюю очередь связаны с относительно низким предпринимательским потенциалом российского общества, в основе которого лежат привычки десятилетий советской власти, подавлявшей любого рода предпринимательскую активность, ослабление генофонда в результате кровопролитных войн, сталинских репрессий, нескольких волн эмиграции, в результате которых страна потеряла значительную часть активного и амбициозного (в позитивном смысле) населения и т.д. (см. подробнее о предпринимательском потенциале российского общества – 12, с. 19–57; 7, с. 3–13). Но это не меняет очевидного факта, что в итоге нерезультативно работающая компания впустую расходует общественные и природные ресурсы, капитал, потенциал людей. Такой бизнес, независимо от причин его неэффективной деятельности, следует квалифицировать как социально безответственный, несущий нерациональные материальные и общественные расходы.

Из-за нелегального или полунелегального характера деятельности большей части социально безответственного бизнеса ныне трудно установить его подлинные масштабы. Очевидно, что, возникнув в лихие 90-е годы и достигнув наибольших масштабов на закате ельцинской эпохи, в последние годы категория социально безответственного бизнеса сокращается, хотя и весьма медленно. Эта позитивная тенденция связана прежде всего с тем, что время

дикого варварского капитализма в России постепенно проходит и криминальный и полукриминальный бизнес, создав первоначальный капитал, стремится к его легализации. Вместе с тем масштабы социально безответственного бизнеса, прежде всего в малом предпринимательстве, еще весьма значительны. Это косвенно подтверждают и данные о недополученных в бюджет налогах, и масштабы производства контрафактной и некачественной продукции. **Опираясь на эти данные, можно предположить, что сегодня социально безответственный бизнес составляет от четверти до трети бизнеса России.**

С большой долей уверенности можно прогнозировать, что в условиях кризиса категория социально безответственного бизнеса возрастет. Появится

больше теневых предприятий, усилится тенденция к уходу от налогов, увеличится производство некачественной и контрафактной продукции и т.д.

Вторую ступень снизу на лестнице, ведущей от социально безответственного бизнеса к социально ответственному, занимает слой предпринимателей, который условно можно охарактеризовать как **«социально ответственно-безответственный бизнес»** или **«социально безответственно-ответственный бизнес»**. Порядок слов в сочетании «ответственный-безответственный» зависит от того, что превалирует в деятельности бизнесмена, социальная ответственность или социальная безответственность. Подобное странное, на первый взгляд, название как нельзя лучше отражает промежуточное, переходное состояние большей части сегодняшнего предпринимательства. Движение в сторону общепринятых цивилизованных норм является весьма сложным, зигзагообразным процессом и иногда происходит по принципу «шаг вперед два шага назад». Так, например, нарастание социальной безответственности бизнеса в последние годы особенно отчетливо можно наблюдать в таких явлениях, как расширение его участия в коррупционных сделках и в увеличении масштабов недобросовестной конкуренции. Суть этого переходного состояния, как мне представляется, заключается в том, что представители крупного, среднего и малого бизнеса при решении одних вопросов могут выступать с позиции социальной ответственности, а других – демонстрировать социальную безответственность. Так, например, крупный предприниматель может предоставлять весомый социальный пакет своим служащим, заниматься благотворительностью, заботиться о развитии региона своего местонахождения, более того – участвовать в осуществлении общенациональных проектов, но при этом вести незаконными методами конкурентную борьбу, наносить ущерб экологии, с помощью недобросовестной рекламы вводить в заблуждение граждан относительно потребительских свойств своей продукции, участвовать в ценовых сговорах и т.д.

Вот относительно свежий пример подобного рода социально ответственно-безответственного бизнеса. В августе 2008 г. в России разгорелся скандал, связанный с нарушением крупными металлургическими компаниями ст. 10 ФЗ «О защите конкуренции» в части злоупотребления доминирующим положением на рынке коксующегося угля. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) обвинила ООО «Евраз Холдинг», ОАО «Мечел» и ООО «Распадский уголь» в ценовом сговоре и в поддержании на внутреннем рынке монопольно высокой цены на концентрат коксующихся углей. В результате действий ФАС, поддержанных премьер-министром, компании были вынуждены снизить цены на коксующиеся угли на 7% за тонну, а каждая из них была оштрафована на сумму порядка 100 млн. руб.

Подобный факт, безусловно, свидетельствует о социальной безответственности этих компаний. Вместе с тем эти же компании в отношении заботы о своих производственных коллективах, охраны окружающей среды, благотворительности демонстрируют довольно высокий уровень социальной ответственности. Еще один пример. В октябре 2008 г. системообразующие банки (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Россельхозбанк) получили от государства 1,6 трлн. руб. с тем, чтобы они активизировали кредитование реального сектора экономики. Эти банки имели репутацию социально ответственных: участвовали во многих социальных проектах, тратили значительные средства на благотворительные цели, предоставляли своим сотрудникам весомые социальные пакеты. Однако в условиях кризиса они повели себя социально безответственно, используя полученные средства для решения своих проблем, а до предприятий дошло лишь 2% от этих средств.

Подобным образом представители малого и среднего бизнеса могут, с одной стороны, производить качественные товары и услуги, заботиться о росте образовательного и профессионального уровня своих рабочих и служащих, а с другой стороны, с помощью разных схем уходить от уплаты налогов в полном объеме, платить «серые» зарплаты, экономить на безопасности труда и т.д.

К категории безответственно-ответственных можно отнести предпринимателей-временщиков, которые занялись бизнесом только с одной целью, а именно, быстрого обогащения. Их задача – не развитие и модернизация производства, а приобретение бизнеса с целью его перепродажи, т. е. чисто спекулятивная. При таком подходе предприятие или фирма может многократно перепродаваться, быть подвергнуто процедуре банкротства, закрыто, если, скажем, владельцу будет выгоднее продать не само предприятие, а землю, на которой оно расположено, или помещение, в котором оно находится. Как правило, эта категория бизнесменов не связывает свои планы с бизнесом вообще или бизнесом в России и рассматривает страну как место, где можно быстро заработать большие деньги, чтобы потом разместить их выгодно и надежно где-нибудь на Западе.

В этих условиях говорить о социальной ответственности данной категории бизнесменов можно лишь с большой натяжкой, ибо их не интересует ни развитие производственного коллектива, ни развитие территории, на которой расположено предприятие, ни сохранение окружающей среды, а благотворительность и меценатство расцениваются ими как пустая трата денег. Социальная ответственность такого рода бизнесменов проявляется лишь в мероприятиях, способствующих росту или поддержанию капитализации предприятия, например в уплате минимизированных налогов.

Социально ответственно-безответственное поведение демонстрирует не только бизнес, но и государство, а иногда они это делают вместе. Такое поведение можно наблюдать в настоящее время. Для преодоления кризиса государство дает бизнесу деньги и как бы поступает ответственно, поскольку спасает системообразующие компании и банки. В то же время оно поступает социально безответственно, поскольку, во-первых, поддержка оказывается непрозрачно и выборочно, по принципу «свой–чужой», а во-вторых, и это не контролирует, на что и как бизнес расходует полученные средства. В результате в России возникает парадоксальная ситуация, когда свои прибыли бизнес приватизирует, а убытки с помощью государства национализует, перекладывая таким образом тяготы кризиса на население. Государство поступало бы более социально ответственно, если бы эффективней поддерживало малый бизнес, создавало рабочие места, стимулировало потребление, боролось с инфляцией и т.д.

Каковы размеры страты социально ответственно-безответственного бизнеса? На этот вопрос трудно ответить и тем более дать какую-либо точную цифру. Факты своей социальной ответственности предприниматели часто афишируют, а факты безответственности, по понятным причинам, тщательно скрывают. В результате нередко оказывается, что сегодня компания ходит в передовиках социально ответственного бизнеса, а завтра – оказывается злостным неплательщиком налогов или нарушителем законов природопользования. В этих условиях можно лишь с большей или меньшей степенью уверенности предположить, что страта предпринимателей, находящихся между социально ответственным и социально безответственным бизнесом, является самой большой и составляет значительно больше половины отечественного бизнеса. Эта оценка находит свое косвенное подтверждение в том, что, скажем, по данным налоговых органов из почти 1 млн. фирм, действующих в России, более 500 тыс. пытаются в той или иной степени незаконно минимизировать свои налоги. Безусловно также и то, что эта категория предпринимателей составляет значительную часть тех, кто в ходе нашего исследования вообще не ответил на предложение принять участие в проекте, посвященном социальной ответственности отечественного бизнеса.

К третьей категории относятся те отечественные бизнесмены, которые подобно части своих западных коллег считают, что социальная ответственность бизнеса в России, как, впрочем, и во всем мире, должна сводиться к своевременной уплате налогов в полном объеме. А далее государство распределяет бюджетные средства в соответствии с общественными потребностями. Подобная позиция корпоративного эгоизма неоднократно озвучивалась председателем Совета директоров консорциума «Альфа-Групп» М. Фридманом, заместителем генерального директора ГМК

«Норильский никель» О. Голодец и другими представителями бизнеса. Наиболее открыто ее декларировал Президент «Альфа-Банка» П. Авен. Он заявил: «Наше дело – зарабатывать деньги для акционеров и клиентов в рамках закона. Других обязанностей у нас нет. Мы платим налоги и больше ничего не должны никому, кроме Бога и совести» (11, с. 42). Масштабы подобного отношения бизнеса к своей социальной ответственности весьма внушительны. Так, согласно данным социологического исследования, осуществленного Торгово-промышленной палатой РФ в начале 2007 г., треть респондентов-предпринимателей считает, что решение социальных проблем – это сугубо государственная задача, которая для бизнеса является только дополнительным финансовым бременем, сужающим возможности инвестиций в производство (6, с. 4).

А.Ю. Чепуренко назвал эту группу предпринимателей «узкие прагматики». Как мне представляется, более точным было бы название «недальновидные эгоисты». В стране, буквально напичканной гигантскими социальными проблемами, устранение бизнеса от непосредственного участия в их решении чревато ростом социальной напряженности и социальным взрывом, в результате которого новоиспеченный класс буржуазии может потерять буквально все и просто не успеть уехать за границу к вывезенным капиталам и живущим там семьям. Так что с тезисом Чепуренко о том, что эта категория бизнесменов «заботится о поддержании социального мира», трудно согласиться. Наоборот, эти бизнесмены, ограничивая свое участие в социальной жизни уплатой налогов в условиях, когда государство явно не справляется с решением острейших проблем общества, объективно содействуют общественной дестабилизации.

Далее, подобная точка зрения, безусловно, имела бы право на жизнь, если бы не одно важнейшее обстоятельство. Это обстоятельство связано с тем, что, как хорошо известно, российский бизнес в ходе приватизации получил значительную долю национальных богатств по цене значительно ниже рыночной, а то и просто за бесценок. Как отмечал В. Путин: «У нас есть категория людей, которые разбогатели и стали миллиардерами в одночасье. Их государство назначило миллиардерами: просто раздало государственное имущество практически бесплатно. Они так и сами говорили: «меня назначили миллиардером» (цит по: 6, с. 490). И этим российский бизнес весьма существенно отличается от западного, где богатство создавалось трудом и талантом предпринимателей и накапливалось многими поколениями. В этих условиях для того, чтобы каким-либо образом хотя бы частично восстановить социальную справедливость, необходимо либо провести «бархатную» деприватизацию с последующей приватизацией по рыночным ценам, либо бизнес должен добровольно компенсировать

обществу потери от несправедливой приватизации посредством участия в различных социальных проектах. Как мне представляется, российский бизнес просто не имеет морального права ограничивать свою социальную ответственность уплатой налогов.

Можно предположить, что в условиях кризиса эта категория бизнесменов вырастет, поскольку для многих компаний остро стоит проблема выживания и побуждать их к большей социальной ответственности, чем уплата налогов, некоторое время будет просто бесполезно.

Четвертую группу российских предпринимателей, отличающуюся по своему отношению к социальной ответственности от трех вышеназванных, можно назвать «традиционалистской». К ней относятся бизнесмены, видящие свою социальную ответственность, помимо уплаты налогов, в благотворительности и меценатстве. Мотивация этой позиции состоит в стремлении следовать лучшим историческим традициям российского дореволюционного предпринимательства, а также улучшить свой имидж в глазах власти и общества (средством служат соответствующие PR-акции). О живучести стереотипов зауженного, упрощенного понимания предпринимателями своей социальной роли и ответственности свидетельствуют результаты уже упоминавшегося выше социологического исследования, проведенного ТПП РФ. Согласно этому исследованию, более 20% руководителей предприятий, представляющих крупный, средний и малый бизнес, связывают социальную ответственность бизнеса преимущественно с благотворительными акциями (см. 11, с. 4).

Данные, полученные в результате трех исследований, осуществленных компанией «Интелбридж», дают приблизительно аналогичную картину, хотя отрадно отметить, что здесь уже наблюдается устойчивая позитивная динамика. Если в 2003 г. свою социальную ответственность сводили к благотворительности и меценатству 31,5% респондентов-предпринимателей, а в 2005 г. – 29,4%, то в 2007–2008 гг. – 25,8%.

Сегодня очевидно: то, что было хорошо в XVIII, XIX и даже в начале XX в., в XXI в. уже не может рассматриваться как нечто адекватное социальной ответственности бизнеса в его современном понимании. Разумеется, никто не будет возражать против пожертвований бизнеса на приобретение для отечественных музеев шедевров мирового искусства или поддержки предпринимателями отечественного спорта, детей-сирот и инвалидов. Это, безусловно, полезное и благородное дело. Но вызовы XXI в. в России требуют от отечественного бизнеса качественно иного уровня социальной ответственности и участия в решении социальных проблем. Общество ждет от частного сектора экономики серьезных усилий по поддержанию социальной стабильности путем борьбы с бедностью,

смягчения социального неравенства, решения проблем занятости, охраны окружающей среды, борьбы с бюрократией и коррупцией и т.д. Причем помимо специфических национальных проблем социальной ответственности, российский бизнес, стремящийся к интеграции в мировое экономическое сообщество, сталкивается с тем, что процессы глобализации рынков товаров, услуг и капиталов, нарастания конкуренции порождают все новые и новые требования к социальной ответственности бизнеса и прежде всего к корпоративной социальной ответственности.

Судьба этой категории бизнесменов в условиях кризиса очевидна: с сокращением возможностей для осуществления различного рода благотворительных акций она также сократится.

Пятая группа бизнесменов по своему отношению к своей социальной ответственности **может быть условно названа «имитаторы»**. К сожалению, сегодня приходится констатировать, что значительная часть того, что ныне преподносится как социальная ответственность бизнеса, оказывается более или менее хорошим пиаром.

В докризисный период в России тратились большие средства на написание различных этических кодексов, хартий, заказных статей о социальной ответственности того или иного предприятия, глянцевого отчетов о социальной и экологической деятельности компаний. Подобная деятельность призвана содействовать формированию позитивного имиджа компании в глазах деловых кругов, власти и общественности и таким образом содействовать развитию и процветанию самого бизнеса. Однако весьма часто за ней не стоит сколь-нибудь серьезной работы, свидетельствующей, что компания действительно ведет социально ответственный бизнес. В России и за рубежом возникло целое направление в безответственном секторе бизнеса, представители которого могут за умеренную плату объявить предприятие «Лидером социально ответственного бизнеса», провозгласить бизнесмена «Меценатом Года» и вручить ему соответствующую медаль или диплом, даже если он не потратил ни копейки на благотворительные цели. Сейчас очень модно повесить на стене своего кабинета рядом с портретом Президента РФ десяток грамот, свидетельствующих о том, что хозяин кабинета – победитель конкурсов «Золотое сердце», «Добрейший из добрых» и т.д.

Необходимо отметить, что имитацией социальной ответственности занимается не только бизнес, но и нередко власть, а иногда они это делают вместе. Вот два характерных относительно свежих примера совместной имитации властью и бизнесом своей социальной ответственности. Осенью 2006 г. в стране начал резко дорожать бензин. Глава государства пригласил к себе руководителей крупнейших нефтяных компаний и попросил их временно заморозить цены. Они согласились, поскольку цены в этот период

достигли своего пика и, по прогнозам экспертов, должны были пойти на мировых рынках на понижение, что, собственно, и произошло буквально через несколько дней. Однако это соглашение продлилось совсем недолго, и 2007–2008 гг. были отмечены серьезным ростом цен на бензин. Тем не менее государство и бизнес проимитировали заботу о трудящихся, а бизнес получил дополнительные прибыли, которыми, можно предположить, поделился с чиновниками, организовавшими это шоу. При этом у государства есть мощные экономические рычаги для недопущения роста цен. Например, крупнейшая в стране государственная компания «Роснефть» могла бы, понизив цены на своих заправках, заставить конкурентов последовать ее примеру. Здесь также уместно добавить, что незадолго до этого наши политические деятели и бизнесмены справедливо критиковали тогдашнего и нынешнего премьер-министра Украины Ю. Тимошенко, которая нерыночными способами пыталась остановить рост цен на бензин, что незамедлительно привело к его дефициту.

Другой аналогичный пример. В октябре 2007 г. в стране начался бурный рост цен на основные продукты питания. Как всегда, государство не предвидело, а посему не было готово к такому развитию событий, хотя эксперты предсказывали, что отмена или сокращение дотаций производителям сельскохозяйственной продукции в ЕС неминуемо приведет к росту цен не только в странах-производителях, но и в еще большей степени – в странах-импортерах, к которым относится и Россия. Для решения этой болезненной для общества проблемы у государства были как экономические, так и организационные возможности, а именно: повысить экспортные и понизить импортные пошлины соответственно на вывозимое и ввозимое продовольствие, пресечь элементы сговора владельцев крупных торговых сетей, разрушить коррупционную многозвенную сеть посредников и т.д. На словах власть признала необходимость всех этих шагов и даже кое-что в этом плане было сделано. Так, в октябре 2007 г. было принято постановление правительства РФ, согласно которому были снижены импортные пошлины на молоко, сыр и творог с 15 до 5%, ФАС провела ряд проверок в регионах на предмет выявления фактов сговора производителей; под давлением власти было подписано соглашение между российскими производителями и ритейлерами, действующее до 1 января 2008 г., согласно которому розничные цены были зафиксированы на уровне 15 октября 2007 г., а торговая наценка в сетях снижена до 10%. На практике снижение импортных пошлин привело не к подешевлению молочных продуктов, а к еще большему росту доходов импортеров продовольствия, положивших в карман дополнительно 10% от снижения пошлин. Широко разрекламированная гора проверок ФАС породила мышь в виде мизерных штрафов, наложенных на первых попавшихся под руку производителей. Что же касается замораживания цен,

то главы предпринимательских объединений производителей продуктов питания и торговых сетей действительно клятвенно обещали народу и власти цены заморозить. Часть предпринимателей с этим согласилась, поскольку, как и в случае с бензином, цены достигли на этот период возможного максимума. Другая часть на словах также с замораживанием цен согласилась, ибо перечить власти ныне не безопасно, а на деле все эти «договоренности» были ею проигнорированы, поскольку многие бизнесмены не являются членами предпринимательских объединений, участвовавших в переговорах, а если и являются, то, как известно, решения общественных организаций для их членов носят рекомендательный, а не обязательный характер. И, как показало наше исследование в пяти крупнейших торговых сетях Москвы, и в период дискуссий по вопросу о замораживании цен, и после них, цены продолжали расти и особенно быстрыми темпами в 2008 г. При этом наиболее осторожные производители и торговцы, дабы придать росту цен некую законность, поменяли наименования товаров, упаковку и их места на витринах, дабы в случае чего иметь возможность сказать, что это не тот, а совсем другой товар, другого качества и с другими потребительскими свойствами.

В данном случае имитация социальной ответственности позволила власти превратить в канун выборов в Государственную думу и выборов президента страны очевидный провал экономической политики в политический успех, ибо именно президент, правящая партия и правительство очередной раз выступили в роли защитников народа. Но бизнес также набрал очки в глазах общества, поскольку пошел ему навстречу. Одновременно предприниматели увеличили свои доходы, которыми опять-таки, как можно предположить, в той или иной форме поделились с чиновниками. Полагаю, что в условиях кризиса эта категория бизнесменов, по понятным причинам, существенно сократится.

И, наконец, к **шестой группе** можно отнести тех представителей бизнеса, которые ведут или стремятся вести **социально ответственный бизнес**. Здесь сразу хочу отметить, что в России пока очень немного компаний, которые бы вели социально ответственный бизнес в полном объеме и во всех аспектах, как это имеет место у значительного числа бизнес-структур в развитых странах, хотя и там нередко принимаются неоднозначные с точки зрения социальных последствий управленческие решения. Природа бизнеса такова, что экономически верные решения не всегда бывают социально приемлемыми (например, сокращение числа рабочих мест ради спасения компании). В бизнесе, как и в других сферах общественной жизни, практически ничего не бывает в чистом, идеальном виде, поэтому восхождение бизнеса к вершинам своей социальной ответственности может рассматриваться лишь

как движение к некоему идеалу, при котором важны сами шаги, а достижение идеала если и возможно, то не в абсолютном виде.

Что касается отечественной практики, то иногда компании, числившиеся среди эталонов социальной ответственности, оказывались (подчеркну, по официальной версии), эталонами социальной безответственности. Наиболее яркий в этом плане пример – компания ЮКОС, которая долгое время считалась, и на мой взгляд не без оснований, одной из самых «продвинутых» с точки зрения социальной ответственности и корпоративной филантропии. Объемы вложений этой компании в социальную сферу измерялись сотнями миллионов долларов. Однако в ходе следствия по делу ЮКОСа были выявлены факты неуплаты налогов в особо крупных размерах. Более того, помимо основного дела было открыто дополнительное уголовное дело – «ЮКОС-М», расследование по которому показало, что во время благотворительных акций компанией были обналичены через «благополучателей» сотни миллионов рублей.

По сути дела аналогичная история случилась, как известно, и с другими нефтяными компаниями – «РосНефть» и ТНК-ВР, которые, считаясь много лет респектабельными и социально ответственными, оказались, опять-таки по официальной версии, злостными неплательщиками налогов. По решению властей из категории ответственных в категорию социально безответственных переводятся не только нефтедобывающие компании, но и компании связи («Евросеть»), торговли («Эльдорадо») и т.д.

Несмотря на эти печальные примеры, сегодня все-таки можно утверждать, что в вопросах социальной ответственности бизнеса наблюдаются определенные позитивные тенденции. Насколько они сильны? Согласно данным РСПП, российские компании тратят до 17% чистой прибыли на социальные нужды. Однако эта оценка самого бизнеса. Можно ли ей верить? Большинство международных корпораций сегодня тратят на социальные программы, благотворительность и филантропию от 0,5% до 10% чистой прибыли. Выводы делайте сами. С моей точки зрения, в докризисный период в стране, возможно, было несколько десятков компаний, которые действительно тратят значительную часть чистой прибыли на социальные нужды. Но при этом сотни и тысячи стараются эту статью расходов, по возможности, минимизировать. И какова на самом деле средняя доля затрат всего бизнеса на социальные нужды сверх налоговых выплат, никто не знает, поскольку в стране отсутствует официальная статистика «корпоративных социальных расходов».

Что бы ни говорили сами предприниматели, природа бизнеса такова, что компании хотели бы ограничиться уплатой налогов. Но надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, у дальновидных бизнесменов срабатывает инстинкт самосохранения, побуждающий их обеспечивать себя своего рода

страховкой от возможных социальных потрясений. Во-вторых, прагматичный бизнес пытается извлечь из своего социально ответственного поведения максимальную выгоду. Передовые представители социально ответственного бизнеса, подобно их западным коллегам, осознают, что эффективные социальные вложения, если они становятся широко известными, повышают в долгосрочной перспективе прибыльность бизнеса в целом и способствуют его развитию. Опыт передовых стран свидетельствует о том, что покупатели продукции скорее будут приобретать товары и услуги в фирмах, о которых известно, что они учитывают интересы потребителей, выпуская качественные товары и оказывая качественные услуги, ведут разумную и взвешенную ценовую политику, создают рабочие места, заботятся об охране окружающей среды, содействуют развитию региона местонахождения, участвуют в социальных программах, спонсируют любимую гражданами футбольную команду и т.д. Так, исследования ученых Гарвардского университета, проводившиеся на протяжении последних 11 лет в Великобритании, показали, что у социально ориентированных компаний продажи растут в четыре раза быстрее, чем у остальных.

Аналогичным образом потенциальные партнеры и инвесторы скорее будут иметь дело с социально ответственным бизнесом. Это будет для них означать, что если они начнут с ним сотрудничество, то в дальнейшем у них будет меньше шансов столкнуться с проблемами, связанными с тем, что их новый партнер увяз в тяжбах с налоговыми органами, что он не умеет наладить отношения с властью, что его рабочие и служащие забастовали из-за нарушения предпринимателем коллективного договора с профсоюзом и т.д.

Далее, осуществляя социально ответственный бизнес, предприниматель может извлечь выгоду из хороших отношений с властью, которой он помогает решать социальные проблемы даже в том случае, если это происходит не вполне добровольно. Взаимодействие с властью в решении социальных вопросов может помочь предпринимателям, например, при получении государственного заказа, участка под строительство, права на аренду нежилого помещения под магазин или склад; оно может защитить от произвола чиновников и оказаться полезным во многих других ситуациях.

Вот лишь один пример подобного рода взаимовыгодного сотрудничества власти и бизнеса. Британско-российская нефтяная компания ТНК-ВР выделила в 2007 г. 25 млн. долл. в фонд развития Санкт-Петербурга. Губернатор Санкт-Петербурга В. Матвиенко тепло поблагодарила компанию за щедрую благотворительность. Однако дело одной словесной благодарностью не ограничилось, и вскоре в городе на Неве появились заправочные станции ТНК-ВР.

Таким образом, в современных условиях, в идеале, для любого малого, среднего и крупного предприятия социальная ответственность должна представлять собой полноценный многофакторный и неотъемлемый элемент общей стратегии устойчивого развития компании, непосредственно влияющий на ее производственную и маркетинговую эффективность, инвестиционную привлекательность, на эффективность деятельности ее производственного коллектива, на уровень ее взаимоотношений со своими партнерами, общественностью, с профсоюзами, властными структурами и другими составляющими, необходимыми для ведения цивилизованного бизнеса.

Несмотря на всю очевидную выгодность вложений в социальную сферу, многие российские предприниматели не спешат идти на серьезные дополнительные социальные расходы. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что за последние семь лет в национальном реестре корпоративных нефинансовых отчетов РСПП зарегистрировано лишь 93 социальных отчета 48 компаний. Правда, среди российских предприятий, готовящих социальную отчетность, находятся такие крупнейшие компании, как «Газпром», «Интеррос», АФК «Система», ГМК «Норильский никель». Однако на сегодняшний день отечественная система социальной отчетности весьма несовершенна, ибо по сути дела она осуществляется в свободной форме и не дает возможности сравнить социальные отчеты компаний друг с другом.

Россия существенно отстает в этом вопросе от развитых стран, где практика социальных отчетов в развитых странах уже давно получила широкое распространение, а в таких государствах, как Франция, Великобритания, Дания, Швеция, Норвегия, Голландия предоставление социальных отчетов является обязательным. За рубежом уже много лет существуют три базовые взаимодополняющие направления стандартизации социальной отчетности, ее оценки и проверки на достоверность.

– Система AA 1000 (AA 1000 Assurance Framework), разработанная Британским институтом социальной и этической отчетности. Эта система позволяет на базе стандартов корпоративной социальной отчетности измерить социальную составляющую в бизнесе на основании совокупности критериев.

– Руководство по отчетности устойчивого развития (GRI Guidelines), разработанное при содействии ООН в рамках глобальной инициативы по отчетности.

– Международный стандарт подтверждения достоверности 3000 (LASE 3000).

В последнее время российский бизнес в лице ТПП РФ, РСПП, «Деловой России», АРБ и ряда других предпринимательских объединений начал активно заниматься вопросами разработки ключевых показателей социальной

отчетности на основе международных стандартов GRI с учетом сложившейся практики корпоративных отчетов в России. В перечень базовых индикаторов входят показатели экономической отчетности (объема реализованной продукции, работ и услуг, размер выплаченных налогов, затраты на оплату труда, состояние дел с добровольным пенсионным обеспечением); социальные показатели (уровень текучести кадров, уровень травматизма на производстве); экологические критерии (потребление энергии, воды, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы сточных вод, объем отходов, инвестиции в объекты охраны окружающей среды). ТПП РФ разработала «Социальный стандарт» для российских предприятий и организаций на основе названных выше международных документов стандартизации социальной отчетности, а в начале 2007 г. совместно с Центром международного частного предпринимательства (CIPE) при финансовой поддержке Агентства международного развития США (USAID) осуществила апробацию этого стандарта в более чем трехстах предпринимательских структурах.

Усилия ТПП РФ и РСНП безусловно являются определенным шагом в процессе систематизации и унификации социальной отчетности. Вместе с тем эти шаги, к сожалению, не обеспечивают в должной мере развитие социально ответственного бизнеса, поскольку указанные индикаторы не являются обязательными, как и сами социальные отчеты. Можно также указать, что среди них нет важнейшего показателя соблюдения прав человека, что они не в полной мере учитывают национальную специфику. Больше того, апробация «Социального стандарта» ТПП РФ показала, что весьма значительная часть отечественных предпринимателей еще не осознала полезности и выгоды внедрения социальной отчетности и расценивает ее популяризацию как некую очередную дань заграничной моде. Более того, некоторые бизнесмены расценивают социальную отчетность, и не без определенных оснований, как стремление бюрократии навязать им дополнительные расходы, переложить ответственность за решение социальных вопросов с власти на бизнес, усилить свой контроль за бизнесом и финансовыми потоками и т.д. Причем такая позиция характерна не только для рядовых предпринимателей, но и для руководителей предпринимательских объединений. Так, по данным социологической службы «Кассандра», 39% руководителей территориальных палат ТПП РФ считают, что нефинансовая отчетность компаний будет востребована лишь в отдаленной перспективе (см. 6, с. 9).

Существенное отставание отечественного бизнеса от развитых стран проявляется и в том, что в России по сути дела пока не ставятся в практической плоскости вопросы социально ответственного инвестирования – СОИ (socially responsible investing), хотя в развитых странах СОИ активно используется с 70-х годов прошлого века и по данным на 2007 г. социально

ответственные инвестиции составили 2,71 трлн. долл. в США и более 1,5 трлн. долл. в ЕС или примерно 10% от всех активов, размещенных на рынках (см. 8). Согласно концепции СОИ, социально ответственные инвестиции – это вложения в компании, соблюдающие законодательство, заботящиеся об охране окружающей среды, выпускающие безопасную, а тем более полезную для здоровья продукцию и соблюдающие права человека во всех регионах своего присутствия. К сожалению, пока в России инвестиции осуществляются лишь на основании одного критерия – доходности. И пока инвестиции в предприятия, производящие табачную и алкогольную продукцию или наносящие урон окружающей среде, дают наибольший доход, инвесторы будут вкладывать средства именно туда, порой не заботясь о социальных последствиях этих вложений.

Если подвести итоги всему вышесказанному, обобщив имеющийся эмпирический материал, то можно сделать осторожный вывод, что российский бизнес все-таки понемногу продвигается по пути социальной ответственности. В настоящее время в различного рода печатных и электронных изданиях собрана информация о примерно двух тысячах крупных, средних и малых российских предприятиях, *стремящихся* вести социально ответственный бизнес. Эта информация содержится, в частности, в трех изданиях фирмы «Интелбридж», о которых уже шла речь, и в справочниках, подготовленных РСПП (см. 10), ТПП РФ (см. 9).

Мировой опыт подсказывает, что это объективный исторический тренд, и чем большее число предпринимателей осознает его детерминированность потребностями современного социально-экономического развития, тем будет лучше и для общества, и для самого бизнеса.

Осенью 2008 г. в условиях всемирного финансово-экономического кризиса начался третий этап в истории социальной ответственности российского бизнеса. Кризис является серьезным тестом как на зрелость, так и на социальную ответственность отечественных предпринимателей. И от того, насколько успешно бизнес пройдет этот тест, в немалой степени будет зависеть и то, насколько быстро и с какими потерями страна сможет его преодолеть, и то, сохранится ли в России социально-экономическая стабильность или она вступит на путь социальных потрясений.

Литература

1. Антонец О. Совесть «homo economicus» // www.finansmag.ru, 11.08.2008.
2. Зенькович Н.А. Путинская энциклопедия. – М., 2006.
3. Кто есть кто в российском бизнесе, вып. 1: Российские предприниматели: Лицом к миру. – М., 2003.
4. Кто есть кто в российском бизнесе, вып. 2: Бизнес и общество. – М., 2005.
5. Кто есть кто в российском бизнесе, вып. 3: Лидеры бизнеса России. – М., 2008.

6. Обзор по результатам апробации стандарта ТПП РФ «Социальная отчетность предприятий и организаций» и его использовании субъектами малого предпринимательства в России. – М., 2007.
7. Предпринимательский потенциал российского общества: Промежуточный отчет за 2007 г. ГУ-ВШЭ. – М., 2007.
8. Собственность и бизнес в жизни и восприятии россиян. – М., 2006.
9. Социально ответственный бизнес России. Опыт лучших компаний. – Санкт-Петербург, 2007.
10. Социальный портрет бизнеса: Путеводитель по социальным программам российского бизнеса. – М., 2004.
11. «Финансист», N 6, 12–18 февраля 2007.
12. Чепуренко А.Ю. Малое предпринимательство в социальном контексте. – М., 2004.
13. Чепуренко А.Ю. Социология предпринимательства. – М., 2007.

РЕГИОНЫ РОССИИ

М.Е. Николаев

ИННОВАЦИОННАЯ РОССИЯ
НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ НАПРАВЛЕНИИ

**Николаев Михаил Ефимович – заместитель
Председателя Совета Федерации Федерального
Собрания РФ.**

В сентябре 2008 г. Президент России Д.А. Медведев, подводя итоги поездки по регионам Дальневосточного федерального округа, так охарактеризовал ситуацию: «С одной стороны, красота, с другой стороны – убожество. Уникальные природные возможности, с одной стороны, и депрессивная, тяжелая, крайне неразвитая экономическая система – с другой».

Дальневосточный федеральный округ – самый крупный федеральный округ России. Это более 36% территории страны, но живет здесь менее 5% населения Российской Федерации. Это регион с богатейшими запасами леса, природных ресурсов, с уникальной флорой и фауной. Сахалинские шельфы богаты нефтью и газом, море – рыбой.

Геополитическое положение обязывает государство рассматривать Дальний Восток не только как территорию, поставляющую разнообразные природные ресурсы, но и как стратегический плацдарм России в бассейне Тихого океана с благоприятными условиями для жизни людей.

Увы, численность населения Дальнего Востока и Сибири, как и населения нашей страны в целом, сокращается в течение уже 15 с лишним лет. Демографическая ситуация остается одной из самых острых проблем для этих регионов.

В начале 2008 г. на Дальнем Востоке проживало около 6,5 млн. человек. Наиболее существенные потери после 1991 года – 51,5% общего сокращения населения Дальнего Востока (800,9 тыс. человек) – понесли северные территории: Чукотка потеряла 66,3% своих жителей, Магаданская область – 56,9, Сахалин – 27,7, Камчатка – 26,9%.

Сокращение численности населения с точки зрения стратегических и экономических перспектив может привести ко многим негативным последствиям. Во-первых, возрастанию угрозы национальной безопасности России. Во-вторых, разрушение сложившегося трудового потенциала приведет к нехватке рабочих рук для обеспечения страны уникальными природными ресурсами, которые сосредоточены в регионе.

Образование и наука как главные стимулы
привлечения молодежи в регион

Комфортные условия жизни должны стать инструментом привлечения людей в регион. На качество жизни человека и на развитие общества в своем конечном результате воздействуют наука и образование. Поэтому так важен инновационный путь развития, необходимость которого провозгласило руководство страны. Необходимо формировать новую модель национальной экономики, ориентированную на развитие человеческого капитала.

Существующий сегодня на Дальнем Востоке инновационный потенциал реализуется недостаточно эффективно. Здесь нет развитой и хорошо функционирующей инфраструктуры инновационной деятельности. Нет ни одного технопарка, ни одного научного инкубатора и крайне мало опытных производств.

Конечно, весь Дальний Восток не может сразу стать единым центром экономического развития. Все начинается с более узких региональных и отраслевых площадок, где имеется основа для экономического роста за счет производства высокотехнологичной и наукоемкой продукции на базе предприятий и научных организаций Хабаровска, Владивостока, Комсомольска-на-Амуре.

Научно-образовательный комплекс должен развиваться параллельно с производственным комплексом. Но по концентрации научных подразделений Дальний Восток значительно уступает центральной части России.

Кроме того, в Дальневосточном федеральном округе сильно ощущается проблема кадрового обеспечения в решении задач развития. В принципе, данная проблема характерна для всей российской сферы образования и науки.

Старение кадров и нарастающий разрыв между пожилыми учеными и их молодой сменой – острейшая проблема, ибо через 10–15 лет обеспечить преемственность российских фундаментальных и прикладных исследований будет вовсе невозможно. Доля российских научных работников, имеющих возраст от 50 до 70 лет, составляет сейчас более 50%. А вот среднестатистическому зарубежному специалисту – не более 45 лет.

Вследствие этого деградируют или просто исчезают научные школы, представляющие авангардные области науки. Поэтому необходимо обеспечить востребованность интеллектуального потенциала внутри собственной страны (сейчас в России обучается около 6,5 млн. студентов).

Интеллектуальные ресурсы сосредотачиваются там, где создаются условия для их лучшего применения. Сама логика инновационного развития России обуславливает формирование новой модели национальной экономики, ориентированной на развитие человеческого капитала с выходом на рынок научно-технического труда.

Таким образом, образование, наука, дальнейший карьерный рост людей, работающих на Дальнем Востоке, должны стать главными стимулами для привлечения молодежи в регион, важным механизмом восстановления интеллектуального потенциала и создания максимально благоприятных условий для дальнейшего закрепления граждан, живущих на этой территории.

Необходимо создавать новые вузы, ориентированные на новые технологические решения для реализации задач инновационного развития, а также вводить новые специальности в вузах Дальнего Востока и Сибири, которых нет в центральной России. И как возможное средство для дальнейшего закрепления молодых специалистов в регионе – получение ими бесплатного высшего образования с выплатой повышенных стипендий в период обучения.

Молодые ученые головы – это новые оригинальные идеи, теории, эксперименты. А свежая мысль, идея – это самое ценное в науке.

Высшая школа должна быстрее включаться в данный процесс.

Роль университетов в формировании экономики знаний

Высшие учебные заведения Дальневосточного федерального округа обладают серьезным потенциалом для развития инновационных форм деятельности. Сегодняшняя ситуация жесткой конкуренции обязывает к созданию передовых университетов с сильной материальной базой и квалифицированным преподавательским составом.

Во многих странах научные исследования ведутся в университетских центрах и проектных лабораториях, специально созданных для решения задач технологического прорыва. Образование и наука успешно интегрируются. Именно университеты как системные интеграторы создают ткань единого гуманитарного, информационного, научно-образовательного пространства.

Зарубежный опыт показывает, что интенсивное развитие инновационной деятельности стало возможным благодаря созданию практически во всех

университетах офисов коммерциализации технологий, позволяющих обеспечить экономическую заинтересованность всех участников инновационных процессов от авторов до производителей наукоемкой продукции.

Для развития и поддержки инновационного бизнеса и зон научно-технического развития на базе сотрудничества университетов с НИИ создаются университетские технопарки. Университеты становятся инновационными (предпринимательскими) структурами, стратегическими задачами которых должна быть подготовка квалифицированных кадров и введение в хозяйственный оборот результатов научных исследований, способствующих позитивным изменениям в экономике региона.

Научные знания превращаются в товар, конкурентоспособный на мировом рынке. Университет осуществляет перспективные научные проекты с привлечением студенчества, формируя интеллектуальный потенциал развития.

Инновационная деятельность в научно-образовательных организациях региона

Сегодня экономические потребности страны в целом требуют увеличения количества специалистов инженерно-технического профиля. Одним из основателей дальневосточной инженерной школы является *Дальневосточный государственный технический университет (ДВГТУ)*.

В инновационном вузе определяющим показателем становится работа на опережение, когда новые знания создаются за счет интеграции фундаментальной науки, учебного процесса и производства. В ДВГТУ открываются новые специальности, вводятся новые дисциплины с учетом приоритетов региона и требований рынка труда.

Университетские образовательные программы сочетаются с задачами, которые будут решаться в регионе в ближайшие десятилетия. Важные ориентиры в этом направлении дает Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья», приоритеты развития Дальневосточного региона России, заявленные Президентом и Правительством России.

Университет ведет исследования в кооперации с партнерами из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В числе новаторских надо отметить проект по разработке установки для исследования обеспечения холодоснабжения в летний период при использовании снега и льда, который получил грант в Японии. Японская сторона выразила желание совместно осваивать это «ноу-хау».

Также ДВГТУ совместно с Норвежским университетом науки и технологии разработал международную программу по исследованию истирающего влияния льда на морские инженерные сооружения.

В последние годы в университете открыты специальности: «проектирование, сооружение и эксплуатация нефтегазопроводов и нефтехранилищ» и «химическая технология природных энергоносителей и углеродных материалов». Специальности открыты с целью подготовки инженерных кадров для нефтегазового и химического комплексов Дальнего Востока и Приморья.

Дальневосточный государственный университет (ДВГУ) обладает значительным научным потенциалом, обширными международными и региональными связями, готовит современные кадры мирового уровня для деятельности в области передовых научных знаний, высоких технологий и наукоемкого производства.

Спектр научных исследований включает такие направления, как фундаментальные и прикладные исследования морской биоты по трем взаимосвязанным направлениям – биологическому, химическому и биотехнологическому; физика, химия, математика – моделирование системы.

Инновационная программа, представленная ДВГУ, называется «Научно-образовательный ресурсный центр технологий повышения качества жизни на Российском Дальнем Востоке» и нацелена, в первую очередь, на решение задач подготовки кадров по направлениям и специальностям, необходимых для региона.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) – современный инновационный учебно-научно-производственный комплекс, объединяющий 12 институтов, 2 филиала, Восточную гимназию, Приморский краевой учебно-научный центр для одаренных детей, Профессиональный лицей, Академический колледж, 24 представительства в различных регионах страны.

Приморский краевой учебно-научный центр им. Н.Н. Дубинина является инновационным учебно-научным заведением при Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС). Школа-интернат для одаренных детей была создана в 1961 г., и как одно из ведущих инновационных учреждений региона была включена в федеральный перечень организаций, работающих по инновационным комплексным программам по проекту «Одаренные дети». Педагогический состав внедряет инновационные программы, разработанные совместно с профессорско-преподавательским составом ВГУЭС и учитывающие индивидуальные особенности учеников.

Школа-интернат имеет хорошую материально-техническую базу. Это современное учебное заведение, оснащенное новым оборудованием, спортивным и хореографическим залами. Школа располагает

структурированной кабельной системой для вычислительной сети и телефонии, цифровым мультимедийным оборудованием в каждом учебном классе, системой видеонаблюдения и оповещения в случае чрезвычайных ситуаций.

ВГУЭС, являясь предпринимательским инновационным университетом, центром образования международного уровня в сфере бизнеса и сервиса, занимает ведущие позиции в области информационных технологий в образовании, содействует укреплению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2005 г. ВГУЭС оказался единственной площадкой во Владивостоке, отвечающей всем требованиям АТЭС: здесь есть помещения для пленарных заседаний, работы комиссий и комитетов, медицинский центр, гостиница, служба питания и необходимый человеческий потенциал.

ФГУП «ТИНРО-Центр» – крупнейший центр морских биологических и океанографических исследований на Дальнем Востоке. Более 80 лет здесь ведется широкий комплекс исследований в рыбопромышленной сфере, разрабатываются рекомендации по рациональному освоению и использованию сырьевой базы. «ТИНРО-Центр» осуществляет координацию научных исследований, разрабатывает и реализует единую рыбохозяйственную политику в области изучения биоресурсов в Тихоокеанском бассейне. В «ТИНРО-Центре» проводятся исследования сырьевой базы морского и океанического рыболовства, прибрежного рыболовства и технологии переработки гидробионтов.

Исследования «ТИНРО-Центра» охватывают многие научные дисциплины и сопровождаются большим объемом экспедиционных данных о состоянии и динамике морских экосистем, глобальных климатических процессах, антропогенном воздействии на морские биологические ресурсы.

Здесь создаются технологии разведения и выращивания рыб, беспозвоночных, водорослей, разрабатываются новые технологии переработки гидробионтов, изучается пищевая и техническая ценность объектов промысла.

Тихоокеанский институт биоорганической химии занимается фундаментальными научными исследованиями, прикладными разработками, вопросами подготовки специалистов в области морской биологии и смежных наук, а также осуществлением природоохранной деятельности.

В Институте изучают проблемы экологии, флоры и фауны дальневосточных морей и прилежащих акваторий Тихого океана, разрабатываются научные основы охраны, воспроизводства и рационального использования биологических ресурсов шельфа, а также проводят апробацию биомедицинских препаратов и биологически полезных добавок различного типа.

Институт работает на базе государственных морских заказников, расположенных на побережье Японского моря, на Камчатке и Сахалине. Собственная служба Института, занимающаяся подготовкой морских экспедиций во всех дальневосточных морях – от Чукотского полуострова до южной границы Приморья – осуществляет круглогодичный сбор и поставку биологического материала для институтских лабораторий.

В настоящее время Институт работает по целому ряду направлений, связанных с обеспечением экологической безопасности дальневосточных морей России и разработкой биологических добавок, эффективных при лечении и профилактике различных заболеваний. Институт также работает в области обеспечения токсикологической безопасности морей и продуктов морского происхождения. Ведутся новейшие разработки по технологиям культивирования стволовых клеток морских беспозвоночных. Выполняются уникальные исследования в области подводной физиологии человека.

Существенным для инновационной экономики Дальнего Востока являются разработки технологических решений для глубоководного шельфа, на рудные и океанические технологии. Однако в вузовских учебных планах океаническое направление отсутствует как таковое.

Из всех вузов России в настоящее время, в той или иной степени вовлеченных в подготовку специалистов нефтегазового направления, только в двух имеются подразделения, ориентированные на выпуск специалистов по освоению шельфа. Это кафедра освоения морских нефтегазовых месторождений Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина и кафедра механики сплошных сред и морского нефтегазового дела Мурманского государственного технического университета. К этим двум российским вузам недавно присоединился Архангельский государственный технический университет, открывший специализацию «Освоение шельфовых нефтегазовых месторождений», где подготовка специалистов ведется при активном сотрудничестве с норвежскими университетами и компаниями.

Подготовка специалистов для освоения минеральных ресурсов Мирового океана ни в одном из российских университетов не ведется.

Перспективы инновационного
развития Дальнего Востока

Сегодня в Дальневосточном регионе сформирована серьезная база перспективных инновационных проектов, осуществление которых могло бы вывести Дальневосточный федеральный округ на более высокий уровень экономического развития, сделав его одним из лидеров России по степени

наукоемкости промышленности. Для решения этой задачи надо формировать инновационную инфраструктуру регионального масштаба.

Основу инновационного потенциала региона составляют инновации в сфере биотехнологий. Большой интерес представляет проект биотехнопарка по культивации и комплексной переработке морского и растительного сырья. Реализация данного проекта позволит создать новую отрасль промышленности – современное наукоемкое биотехнологическое производство на основе морского возобновляемого биологического сырья.

Не менее перспективным направлением является разработка инновационных проектов в сфере подводных технологий, включая подготовку научных кадров и преподавателей для высшей школы.

Во Владивостоке строится единственный в России Центр по проектированию и эксплуатации подводных роботов. Подводная робототехника незаменима для изучения освоения океанического дна, где сосредоточены огромные залежи полезных ископаемых. На базе этого суперсовременного комплекса ученые Института проблем морских технологий ДВО РАН смогут опробировать свои самые смелые гипотезы и внедрить научные разработки. За последние 15 лет подобная стройка – самая масштабная в Дальневосточном отделении РАН.

Вместе с тем для центра, оснащенного самым современным оборудованием, нужна ни одна сотня робототехников-подводников, работающих с высокими технологиями.

Институт проблем морских технологий начал отбор специалистов не только на Дальнем Востоке, но и по всей России. Две лаборатории открыты в Дальневосточном государственном техническом университете, одна – в Хабаровске. Это дает возможность студентам работать над курсовыми проектами на хорошей технической базе. Также институт планирует посылать в МГУ имени М.В. Ломоносова и МВТУ имени Н.Э. Баумана на учебу по 3–5 человек, отбирая их по конкурсу и оплачивая обучение. Важно отметить, что для будущих сотрудников Центра подводных роботов Институт проблем морских технологий участвует в строительстве комфортного жилья на долевых началах.

Придавая приоритетное значение развитию территорий Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, в 2000 г. Республикой Саха (Якутия) был внесен на рассмотрение проект федерального закона «О восточных территориях Российской Федерации». Закон устанавливает основы государственного регулирования в области экономического, социального, экологического, культурного и национального развития восточных территорий Российской Федерации и направлен на обеспечение геополитических интересов страны.

Дальний Восток – средоточие как геополитических интересов России, так и совокупность наших внутренних проблем – экономических, социальных, экологических, демографических. В основе решения всех этих задач – реализация требований к улучшению качества жизни россиян, ибо в XXI в. богатство страны должно измеряться не природными ресурсами, а человеческим капиталом.

В восточных регионах России живут, учатся, работают наши соотечественники, для которых важнейшим стимулом и высоким смыслом всегда будет обеспеченная и содержательная жизнь, – невозможная без приумножения *дальневосточного* интеллектуального капитала и передовой экономики, основанной на знаниях и творчестве.

Д.Б. Тев

ВЛАСТЬ И НЕДВИЖИМОСТЬ В КАЛИНИНГРАДЕ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЫГОДА*

Тев Денис Борисович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества социологического института РАН (г. Санкт-Петербург).

Политическая активность бизнеса через
призму персональных переплетений
с региональной и городской властями

Исследования структуры власти местных сообществ, проводившиеся на Западе, прежде всего в США, показывают, что в городской и региональной политике особенно активную роль играют определенные сегменты бизнеса и в первую очередь предприниматели, тесно связанные с недвижимостью, инвестирующие солидный капитал в городскую землю и здания (жилые, торговые, офисные). Владельцы и девелоперы¹ недвижимости нередко являются влиятельными участниками местных правящих коалиций².

Прослеживается ли подобная тенденция в нашей стране? В статье предпринята попытка проанализировать этот вопрос на примере

* Статья написана на основе материалов биографической базы данных региональных и местных элит, собранной сектором социологии власти и гражданского общества СИ РАН.

1. Девелопер – специалист по операциям с недвижимостью. Суть работы девелопера заключается в покупке (аренде) земельного участка, строительстве на этом участке объекта и получении прибыли от сдачи в аренду или продажи этой недвижимости. – Прим. ред.

2. См., например: Logan J. R., Molotch H. *Urban fortunes: The political economy of place*. – Berkeley, 1987. – P. 62–65; 70–74; Domhoff G.W. *Power at the local level: Growth coalition theory*. – Режим доступа: <http://sociology.ucsc.edu/whorulesamerica/power/local.html>. – Дата посещения: 17 апреля 2007 г.

Калининграда и Калининградской области. Следует отметить, что анализ носит ограниченный характер, сосредоточиваясь, главным образом, на одной из форм политической активности бизнеса. Бизнесмены могут участвовать в местной (муниципальной и региональной) политике различными способами. Некоторые формы политического участия и влияния в условиях России довольно трудно исследовать вследствие затрудненности доступа к достоверной информации. Это относится, например, к финансированию избирательных кампаний местных политиков или лоббистской деятельности. Мы ограничимся лишь такой, наиболее явной, поэтому сравнительно легко доступной для изучения формой политического участия бизнесменов, как занятие должностей в органах государственной и муниципальной власти. При этом предприниматели в зависимости от требований закона и других обстоятельств могут как переходить (вероятно, чаще всего формально) из бизнеса на политико-административную работу, так и совмещать эти виды деятельности. В любом случае они имеют непосредственный доступ к формированию и реализации политики, к принятию общеобязательных на данной территории (региона, города) решений. Происходит плутократизация политико-административной элиты, растет доля выходцев из бизнеса в составе органов власти (особенно законодательных собраний городов и регионов)³.

Калининград и Калининградская область – не исключение из этой общей тенденции. Если рассматривать политиков и администраторов областного и городского уровней с точки зрения работы, предшествующей их избранию или назначению, то видно, что бизнес является основным социальным резервуаром рекрутирования калининградской элиты. Так, из 40 депутатов областной Думы 22 (55%) на момент своего избрания были руководителями различных предприятий. В городском совете Калининграда из 27 депутатов не менее 20 (почти 75%) – выходцы из бизнеса. Из 13 членов правительства Калининградской области также более половины имеют профессиональные корни в бизнесе. Данные по мэрии Калининграда довольно фрагментарны, но среди заместителей мэра и глав районов есть по крайней мере по одному выходцу из бизнеса. Кроме того, главой города с декабря 2007 г. (после отмены выборов мэра населением) стал председатель городского совета Калининграда, крупный бизнесмен.

Следует отметить, что причина плутократизации политико-административной элиты региона заключается не только в больших возможностях бизнеса (по сравнению с другими элитными группами) контролировать политически значимые ресурсы, в частности финансовые средства, которые

3. См., например: Экспертное интервью Чириковой А.Е. // Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитологи об элитах. – Ростов н/Д., 2007. – С. 112.

можно эффективно использовать (к примеру, в избирательной борьбе). Важен институциональный дизайн калининградских органов власти, а именно горсовета и облдумы, характеризующийся непрофессиональным статусом большинства депутатов. Лишь половина членов думы и три депутата горсовета могут работать на постоянной, профессиональной основе⁴. Для сравнения – в Законодательном собрании Петербурга все депутаты обязаны работать подобным образом и не вправе заниматься другой оплачиваемой работой, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности⁵.

Наличие депутатских мест без заработной платы, возможность и необходимость совмещать законотворческую деятельность с основной работой препятствуют профессионализации законодательного корпуса. Из всех социально-экономических групп общества такое положение выгоднее всего бизнесменам, этим и объясняется их массовый приток в региональный парламент. Во-первых, бизнесмены в отличие от основной массы работников в состоянии, контролируя собственные условия труда, собственное рабочее время, совмещать основную работу с депутатством. Во-вторых, такое совмещение устраняет опасность проигрыша в бизнесе или утраты контроля над собственностью при (формальном) переходе из бизнеса в депутатский корпус.

В общем, в Калининградской области сама форма организации местной власти способствует плутократизации элиты и, напротив, ограничивает возможности политического участия экономически зависимых групп общества. В данном случае проявляется то, что Р. Элфорд и Р. Фридланд назвали «структурной властью», возникающей, когда «определенная организация политической власти (сама результат исторической борьбы между интересами) по-разному воздействует на уровень и эффективность политического участия различных социальных групп»⁶.

Между тем структура калининградских органов власти демонстрирует не только доминирование выходцев из бизнеса, но и высокую политическую

4. См.: Калининградская областная дума. Общие сведения. – Режим доступа: <http://duma.kaliningrad.org/ru/info.htm>. – Дата посещения: 09.02.2007. Со следующего созыва половина депутатов Калининградской областной Думы будет лишена постоянной зарплаты и других привилегий. – Режим доступа: <http://www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=433088>. – Дата посещения: 16.11.2005; Устав муниципального образования «город Калининград». – Режим доступа: <http://www.klgd.ru/ru/legislation/ustav.php#35>. – Дата посещения: 07.04.2007.

5. См.: Устав Санкт-Петербурга (с изменениями на 13 декабря 2007 г.). – Режим доступа: <http://www.gov.spb.ru/law?doc&nd=8308279&nh=0&ssect=0>. – Дата посещения: 09.07.2007.

6. Alford R., Friedland R. Political participation and public policy // *Annual rev. of sociology*. – Palo Alto, 1975. – Vol. 1. – P. 473.

активность определенных отраслевых сегментов местной экономики: торговли, строительства и девелопмента. Так, например, из 22 областных депутатов-бизнесменов девять связаны со строительством, недвижимостью и торговлей, преимущественно строительными материалами; из транспорта и промышленности пришли два депутата, трое представляют сельское хозяйство.

В городском совете Калининграда из 20 депутатов-бизнесменов 11 связаны со строительством и торговлей строительными материалами, трое возглавляли промышленные, двое – транспортные фирмы. В правительстве области три депутата представляют торговлю, включая одну фирму, занимающуюся торговлей строительными материалами и строительством, три – промышленность, один – финансы.

Следует отметить, что в органах политико-административной власти представлен ее высший слой: элита местного строительного, торгового и девелопментского бизнеса, главы крупнейших девелопментской и риэлтерской фирм; ряд крупнейших строительных компаний; четыре из пяти ведущих торгово-строительных сетей, включая ведущую компанию, на которую приходится более 20% регионального рынка торговли строительными и отделочными материалами⁷; две крупнейшие торгово-продовольственные сети («Виктория» и «Вестер»), контролирующие более 60% всего рынка сетевого продовольственного ритейла Калининграда⁸. Вообще, в калининградской политике торговые компании занимают сильные позиции. Во многом это объясняется эксклавностью региона, стимулирующей рост внешнеторговых связей и затрудняющей доступ в регион федеральных торговых сетей. Уровень и концентрация торговли в руках крупнейших сетей, принадлежащих местным собственникам, здесь одни из самых высоких в России. В связи с этим показательно, что шесть из семи миллиардеров региона – торговцы, причем пять из них контролируют фирмы, тесно связанные с правительством Калининградской области.

Пожалуй, главное, что объединяет большинство торговых сетей и строительно-девелопментских фирм, переплетенных с властью, – это крупные инвестиции в недвижимость, по степени развитости рынка которой Калининград стоит на втором после Петербурга месте в СЗФО⁹. В органах

7. См.: Москов П. Школа бизнеса – куда расти успешным компаниям. – Режим доступа: <http://baltstatus.ru/coments/146>. – Дата посещения: 10.05.2007; Рай для DIY // Новый Кенигсберг. Май 2006. – Режим доступа: <http://newkenigsberg.ru/index.php?type=501&newsid=69>. – Дата посещения: 12.05.2007.

8. См.: Воронина К. А как у вас? Российский остров. – Режим доступа: <http://www.tovr.ru/articles/aid/860/>. – Дата посещения: 10.07.2007.

9. См., например: Россия. Федеральные округа. Обзор рынка недвижимости за II квартал 2005 г. – Режим доступа: <http://www.rusipoteka.ru/estate-review/swiss-realty-1.pdf>. – С. 5. – Дата посещения: 10.04.2007.

власти заседают почти все крупнейшие владельцы и девелоперы недвижимости Калининграда. Так, две торговые сети, которые возглавляли нынешние министры областного правительства, являются крупнейшими владельцами торговой недвижимости города. По данным на июнь 2006 г., им принадлежит большая часть (55%) площадей, которыми владеют все продовольственные сети города¹⁰. Председателя горсовета Калининграда (а с декабря 2007 г. и главы города), хозяина крупных фирм в сфере строительства и торговли стройматериалами, в прессе называют «крупнейшим землевладельцем» города.

Таким образом, в Калининграде проявляется тенденция, наблюдаемая в городах США: крупные владельцы и девелоперы недвижимости политически активны и влиятельны. Следует, конечно, оговориться, что речь в данном случае идет не только и даже не столько о профессиональных, «чистых» владельцах и девелоперах недвижимости. Компании, которые специализируются на девелопменте и последующей сдаче в аренду недвижимости, широко представлены в местных органах власти, но в целом этот бизнес в России еще не слишком развит. В качестве крупнейших владельцев и (или) девелоперов недвижимости нередко выступают торговые и строительные фирмы. Торговые сети не только арендуют готовые объекты, но нередко сами покупают земельные участки и занимаются девелопментом недвижимости «для себя», оставаясь затем ее владельцами и даже сдавая излишек площадей в аренду. Строительные фирмы выступают не просто подрядчиками, но берут на себя весь цикл операций – от приобретения земельного участка и разработки проекта до продажи готового объекта недвижимости.

Говоря о политическом участии крупных владельцев и девелоперов недвижимости Калининграда, в том числе из торгового и строительного секторов экономики, нужно также отметить, что оно началось еще до того, когда были сформированы нынешние органы власти, и не ограничивается такой прямой формой, как занятие политико-административных должностей.

Так, упомянутый выше председатель горсовета и представляющий крупный строительный и торговый бизнес, был членом горсовета прошлого созыва, с конца 1990-х являлся внештатным советником по экономике мэра Калининграда и, по данным прессы, спонсировал его избирательные кампании.

10. См.: Воронина К. А как у вас? Российский остров. – Режим доступа: <http://www.tovr.ru/articles/aid/860/>. – Дата посещения: 10.07.2007.

С 2002 г. возглавляет политсовет городской и входит в президиум региональной «Единой России»¹¹.

Владелец крупнейшей девелопментской фирмы Калининградской области не только возглавляет комитет облдумы по развитию инфраструктуры, промышленности, строительству и предпринимательству, но и является членом президиума и председателем координационного совета по экономике при политсовете региональной «Единой России», членом экономического совета при губернаторе и президиумов двух основных бизнес-ассоциаций области¹². Кроме того, можно предположить, что он также косвенно вовлечен в процесс выработки и осуществления местной политики через своего зятя – председателя одной из комиссий и лидера крупнейшей неформальной фракции городского совета Калининграда¹³, а также через бывшего менеджера своей фирмы, ныне главу одного из районов города.

Закономерен вопрос: какие условия и интересы лежат в основе высокой политической активности торговых и строительно-девелопментских компаний, крупных инвесторов недвижимости Калининграда? Переплетенность с органами власти указывает на то, что политическое участие в данном случае, вероятно, обусловлено интересами накопления капитала, а не случайными факторами, например личной склонностью тех или иных бизнесменов к общественно-политической деятельности. Каковы

11. Источники биографической информации: «Семейная военная династия»: Александр Георгиевич Ярошук. – Режим доступа: http://www.srho.ru/programs/patriotic_education_yaroshuk. – Дата посещения: 18.06.2007; Степанова Л. Золотые кудри «блаткоммерцстроя»-2 // Новые Колеса. – Режим доступа: <http://www.knia.ru/digest/164.html>. – Дата посещения: 09.11.2006; Некрасов Н. Золотые кудри горсовета // Новые Колеса. – Режим доступа: <http://www.knia.ru/digest/84.html>. – Дата посещения: 10.08.2006; Савенко Юрий Алексеевич. Политический портрет. – Режим доступа: <http://www.knia.ru/vip/54.html>. – Дата посещения: 10.05.2007.

12. Источники данных: Находкин Юрий Владимирович. – Режим доступа: http://duma.kaliningrad.org/main.asp?n=about_nakhodkin. – Дата посещения: 19.03.2007; Иванкова Е. Совет для губернатора. – Режим доступа: <http://www.knia.ru/digest/42.html>. – Дата посещения: 12.03.2007; Бочарникова Е. Соковыжималка // Дворник. – № 443. – Режим доступа: <http://www.dvornik.ru/issue/articles/8592.php?PHPSESSID=e8dc427e9198b0cc144f6975f49ad16d>. – Дата посещения: 25.03.2007; Достойное будущее построим сами // Калининградская правда. – Калининград, 2005. – 17 февр. – Режим доступа: <http://edinros39.baltnet.ru/story.php?cid=163>. – Дата посещения: 25.03.2007.

13. Об этом см.: Колонка Арсения Махлова // Дворник. – № 532. – Режим доступа: <http://www.dvornik.ru/issue/articles/9712.php?PHPSESSID=1238ee887d8b822cb21f54840f9db6>. – Дата посещения: 12.07.2007.

особенности условий возникновения и приращения крупного бизнеса в регионе?

Во-первых, это высокая степень ресурсной зависимости от городской и областной властей, прежде всего в плане доступа к земле, которую она контролирует как собственник и как орган, регулирующий землепользование. Это касается и строительных фирм, и торговых сетей Калининграда, которые не только имеют в своей структуре девелопментские подразделения, создающие торговые центры, но и пробуют свои силы в сфере жилищного строительства. Стремление обеспечить себе наиболее свободный и выгодный доступ к городской земле и прочей недвижимости стимулирует политическое участие девелоперов, потребность в котором усиливается высокой активностью противостоящих им групп, например противников застройки зеленых зон и «уплотнительной застройки» (активистов экологических движений и простых жителей). Показательно, что многие девелопментские фирмы, связанные с властью, были вовлечены в такие споры, а также в конфликты с регулирующими и правоохранительными органами, порой доходившие до суда.

Во-вторых, участие в политике стимулируется и косвенной зависимостью от городских и областных властей, обусловленной интересами роста местной экономики. Большинство предприятий, не только торговых и строительно-девелопментских, но также и транспортных, компаний сферы услуг и пр., переплетенных с органами власти, ориентированы в существенной мере или даже исключительно (в зависимости от наличия или отсутствия филиалов в других городах), на обслуживание рынка Калининграда в отличие от крупных промышленных фирм, работающих на экспорт за пределами области.

Наконец, зависимость от местной власти и политики усиливается тем, что многим из этих фирм трудно будет избежать последствий ее неблагоприятных решений, если придется уйти из региона в случае ухудшения политико-экономической конъюнктуры. Низкая пространственная мобильность связана прежде всего с крупными инвестициями в недвижимость, но, кроме того, и с местным характером собственности большинства торговых и строительно-девелопментских фирм, а также с высокой степенью закрытости соответствующих региональных рынков в силу большого значения личных связей с чиновничеством для получения земли. Эта «привязанность» к городу, к региону усиливает интерес руководителей компаний к местной политике, стимулируя их политическое участие, включая занятие политико-административных должностей.

Впрочем, следует отметить, что калининградскую власть с владельцами и девелоперами недвижимости сближают не только широко распространенная

личная уния, персональные переплетения, но и ряд структурных факторов, связанных с характером источников дохода местных властей.

Прежде всего, региональная и местная администрация, подобно зависимому от местного рынка бизнесу, имеет существенный институциональный интерес в росте местной экономики в силу структуры источников своих доходов, большая часть которых (например, в бюджете Калининграда 53% – в 2006 г. и 58% – в 2007 г.) обеспечивается за счет налогов с местного бизнеса и населения; финансовая поддержка (дотации) со стороны вышестоящих властей играет второстепенную роль¹⁴.

Кроме того, интересы мэрии города и девелоперов недвижимости связывает и более специфическая материальная зависимость. Девелоперы – основные покупатели прав аренды городской земли. Между тем арендная плата за землю и поступления от продажи права на заключение договоров аренды земельных участков являются существенной и имеющей тенденцию к росту частью доходов местного бюджета. Так, согласно закону о бюджете Калининграда, они составили в 2006 г. – 5,7%, в 2007 г. – 7,4% всех налоговых и неналоговых доходов (исключая дотации); причем в неналоговых доходах их доля в 2006–2007 гг. возросла с 42 до 57%¹⁵.

Наконец, интересы мэрии Калининграда и владельцев недвижимости сближает то, что мэрия сама является крупнейшим арендодателем офисной недвижимости, сдавая около 27 тыс. кв. метров офисных площадей. Следовательно, мэрия заинтересована в максимизации спроса и, соответственно, ставок аренды недвижимости, что тесно связано с ростом местной экономики и притоком капитала в город.

Переплетения элит и другие формы политического участия бизнесменов усиливают и, отчасти, отражают это структурно обусловленное родство интересов властей с интересами владельцев и девелоперов недвижимости.

Политика местных властей в свете интересов
владельцев и девелоперов недвижимости

Каковы политические последствия тесных персональных и структурных связей владельцев и девелоперов недвижимости с калининградской политико-административной элитой; как близость и даже прямое сращивание

14. См.: Официальный сайт мэрии города Калининграда. Бюджет на 2007 год. – Режим доступа: http://www.klgd.ru/ru/city/finance/budget_2007.php. – Дата посещения: 11.06.2007; Бюджет Калининграда на 2006 год. – Режим доступа: http://www.klgd.ru/ru/legislation/texts/pr1_16_458_05.xls. – Дата посещения: 11.06.2007.

15. Там же, также см.: В 2006 г. бюджет Калининграда от сдачи городской земли в аренду получил почти полмиллиарда рублей. – Режим доступа: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/26130>. – Дата посещения: 22.12.2006.

интересов, проявляемые в решениях и действиях властей, в тех выгодах, которые они приносят данному сегменту бизнеса?

Выше отмечалось, что представленные в органах власти девелоперы недвижимости находятся в сильной ресурсной зависимости от нее в плане доступа к городской земле. Ситуация с принятием одного из основных законов, регулирующих землепользование, – Генерального плана Калининграда (типичная, впрочем, для городов России), наглядно демонстрирует единство интересов власти и бизнеса. Генплан был разработан к 2000 г., но принят лишь в 2006 г. только потому, что девелоперы считали его угрозой своим интересам, опасаясь, что закон ограничит возможности использования земли под застройку. Проект, разработанный в конце 1990-х, никак не мог предусмотреть всех возможностей прибыльного использования земли, открывшихся в период бума на рынке недвижимости. Процедура принятия генплана, включающая различные экспертизы, общественные слушания, рассмотрение депутатами делала маловероятным, что закон полностью устроит девелоперов, не наложит на них невыгодных ограничений, например ради сохранения зеленых зон. Кроме того, близкие к местной власти бизнесмены опасались, что генплан, урезав свободу чиновников манипулировать статусом земельных участков, а значит, и доступом к земле в интересах дружественных компаний, ослабит их преимущества перед конкурентами.

В этой ситуации девелоперы недвижимости были заинтересованы в «непринятии решения», в том, чтобы максимально замедлить утверждение генплана, оставляя вопросы землепользования под контролем чиновников. Один из ведущих девелоперов, по совместительству заместитель председателя Калининградской областной Думы, прямо заявлял: «Чем дольше не будет генплана Калининграда, тем лучше. Ведь у нас настоящий строительный бум. Градостроительное законодательство градостроительным законодательством, но жизнь меняется»¹⁶. Городские власти, материально заинтересованные в том же самом, сделали все, чтобы отсрочить принятие документа, манипулируя процедурой, затягивая прохождение экспертиз, продлевая время обсуждений. Как отмечал известный эколог, депутат областной думы, «немногие обратили внимание и на странную готовность городских властей “общественно пообсуждать” (генеральный план. – Т.Д.) еще месяц-другой, а то и полгода. Лишь кое-кто рассмотрел, что от перечисленных в генплане “перспективных зеленых зон” уже сегодня

16. Акимов В. Козлов готов дойти до Путина. – Режим доступа: <http://www.kaliningradka.ru/newshow.php?newsid=10580>. – Дата посещения: 22.02.2007.

остались рожки да ножи»¹⁷. В итоге, когда генплан был принят, практически вся земля в центре города была уже роздана, а многие участки, отводившиеся под зеленые зоны, застроены. Волокита с принятием генплана свидетельствует о политической власти калининградских девелоперов и тесной связи с местным чиновничеством гораздо убедительнее, чем даже сам характер принятого документа, который также, конечно, не был враждебен бизнесу¹⁸.

Однако владельцев и девелоперов недвижимости интересует не только земля, но и бюджет. Им выгодно, чтобы власти вкладывали средства в создание условий для роста стоимости недвижимости и реализации девелоперских проектов, в особенности в реконструкцию и обустройство центральной части города, где сосредоточены активы наиболее влиятельных капиталистов и где прибыльность недвижимости наиболее высока. Это включает развитие инженерной и транспортной инфраструктур, участие в конкретных девелопментских проектах, например в форме государственно-частного партнерства и пр. В Калининграде, исторический центр которого был почти полностью разрушен во время войны и ныне застроен типовыми зданиями, важны также бюджетные вложения в восстановление элементов старого города или создание новых архитектурных доминант, которые повысили бы стоимость соседней недвижимости и привлекли туристов.

С точки зрения этих интересов крупнейшее за последние годы событие в жизни региона – празднование на общегосударственном уровне 750-летия Калининграда, инициированное руководством города и области, было очень выгодным мероприятием, которое позволило привлечь беспрецедентные по объему средства из городского, областного и, главное, федерального бюджетов на реконструкцию центра города. Впервые идея такого праздника была озвучена местным телеканалом, которым владеет советник мэра города¹⁹. Хотя противники приводили различные аргументы из области истории, политики и идеологии, мотивы инициаторов были иные – финансово-экономи-

ческие. Как откровенно заявлял тогдашний мэр Калининграда, у него был

17. Алексеев Ф. Беседы эколога // Жизнь. – М., 2004. – 7 июля. – Режим доступа: <http://www.eco-union.ru/book.php?id=136&pageid=142>

18. Критический анализ Генерального плана см.: Рожков К. Весь покрытый «зеленью», абсолютно весь, город невезения на генплане есть. – Режим доступа: <http://www.vecherka.com/?pt=7&artid=21&lst=0>. – Дата посещения: 12.03.2007; Ленский Е. Никаких аргументов, господин мэр? – Режим доступа: <http://www.mayak-baltiki.ru/columns/fatherland/doc452>. – Дата посещения: 12.03.2007.

19. См.: Телеканал «Премьер». – Режим доступа: http://www.srpo.ru/content/partnership/media_contacts/1/info@premier-tv.ru. – Дата посещения: 10.09.2007.

«корыстный интерес». «Если честно, мы и закрутили юбилей только для того, чтобы привлечь инвестиции»²⁰.

Владельцы и девелоперы недвижимости непосредственно участвовали в лоббировании и организации празднования, в частности, через созданный при мэре общественный совет по празднованию 750-летия Калининграда, координатором которого стал бывший вице-губернатор, владелец компании, реализующей крупнейший проект по созданию делового района в центре города. Общими усилиями удалось решить две важнейшие задачи. Первое – добиться федерального статуса для юбилея, что открывало возможность получения денег. Инициаторы столкнулись с существенным сопротивлением: был момент, когда из Администрации президента пришел отказ, мотивированный отсутствием «необходимых исторических оснований», и предложение отмечать 60-летие области, что не сулило больших денег. Но спустя несколько месяцев указ все же появился. Можно предположить, что важную роль здесь сыграли твердое заявление областных и, особенно, городских властей, что юбилей все равно будет отмечаться, и опасение центра, что отказ в содействии только обострит сепаратистские тенденции в области и усилит реваншистские настроения в ФРГ, покажет миру неуверенность России в правах на эту землю и осложнит отношения с Европой.

Вторая задача состояла в том, чтобы получить как можно большую сумму, и притом на самые выгодные проекты. Здесь тоже пришлось приложить усилия. По словам одного из девелоперов, проект которого получил финансирование, чтобы «пролоббировать выделение федеральных денег... в рамках подготовки к юбилею», он «в прямом смысле слова жил в Москве»²¹. Программа празднования была утверждена только с седьмой попытки, а общая сумма в конечном итоге составила только восьмую часть от первоначально запрошенной – 1,5 млрд. вместо 11 млрд. руб.

Направления использования федеральных, областных и муниципальных средств²² во многом отразили географию инвестиций политически

20. Мэр Калининграда Юрий Савенко: Будем ломать стереотипы! // Россия. – 2005. – 30.06-06.07, № 026. – Режим доступа: <http://www.russianews.ru/archive/pdfs/2005/26/9-26-2005.pdf>. – Дата посещения: 17.09.2007.

21. Федоров: Когда я ушел из областной администрации и принял решение остаться жить и работать в Калининграде. – Режим доступа: http://www.regtime.ru/owa/rt/rt_index.print?a_id=16886. – Дата посещения: 04.06.2007.

22. См.: План основных мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 60-летия образования Калининградской области и 750-летия основания г. Калининграда. – Режим доступа: <http://www.government.ru/government/governmentactivity/rfgovernmentdecisions/archive/2004/12/21/7002833.htm>. – Дата посещения: 03.05.2007.

влиятельных предпринимателей Калининграда. Многие горожане выражали недовольство тем, что почти все деньги были инвестированы в центр города. Среди приоритетных по объему финансирования проектов была реконструкция площади Победы, призванной, по мысли властей, стать новым деловым центром. Как раз здесь размещены функционирующие и строящиеся офисно-гостиничные комплексы, принадлежащие нынешним депутатам и председателям комитетов облдумы. Понятно, что комплексная реконструкция примыкающей к ним территории, включая обновление инженерной инфраструктуры, способствовала росту стоимости недвижимости.

Самую непосредственную поддержку, прямое финансирование получил крупнейший частный девелопментский проект по созданию в центре Калининграда делового квартала в старонемецком стиле, осуществляемый компанией бывшего вице-губернатора области. За счет бюджетов были построены мост, а также система причалов и набережных в месте размещения будущего центра. Причем важный прием девелопера в данном случае состоял в том, что проект был объявлен подарком к юбилею города и включен в официальную программу мероприятий, что придало легитимность выделению государственных и муниципальных средств в помощь инвестору. В реальности к юбилею были освоены только бюджетные деньги, а те объекты, которые предстояло построить на частные средства, даже не начаты; сроки их ввода передвинуты на 2007–2008 гг.²³ Одна из влиятельных оппозиционных газет города писала по этому поводу, что девелопер теперь может просто наживаться на продаже инженерно подготовленных за бюджетный счет и потому существенно подорожавших земельных участков, и даже призывала к частичной национализации девелопментской компании²⁴.

Впрочем, местные бизнесмены выиграли от юбилея и в других отношениях. Благодаря вложению бюджетных средств в реконструкцию города строительные фирмы и поставщики стройматериалов получили заказы. Приток гостей во время и после юбилея стимулировал спрос на гостиничную недвижимость и торговлю. Присутствие в городе руководства страны во время празднования создало уникальные возможности для лоббирования местным бизнесом девелоперских проектов, непосредственно не связанных с юбилеем. Именно тогда было получено «добро» президента

23. См.: Федоров: *Когда я ушел из областной администрации и принял решение остаться жить и работать в Калининграде* – Режим доступа: http://www.regtime.ru/owa/rt/rt_index.print?a_id=16886. – Дата посещения: 04.06.2007.

24. См.: *Кто платит деньги за «Рыбную деревню»? // Новые колеса.* – Режим доступа: <http://www.nkgazeta.ru/printitem.php?newsid=488>. – Дата посещения: 07.09.2005.

на федеральное финансирование проекта «Сердце города», продвигаемого компанией, которой владеет зять теперь уже бывшего губернатора области. Суть его – в воссоздании «Королевского замка» и строительстве вокруг него высотных офисных и гостинично-торговых комплексов. Хотя со времен юбилея и власть в регионе, и сам проект видоизменились, но 1,5 млрд. руб. будут выделены.

Празднование юбилея Калининграда, как и история с принятием генплана, хорошо показывают, что переплетающиеся структурные и персональные связи владельцев и девелоперов недвижимости с местными властями приносят им вполне ощутимые политические выгоды.

Итак, одной из важнейших характеристик, объединяющих большинство торговых сетей и строительно-девелопментских фирм, переплетенных с властью, – крупные инвестиции в недвижимость Калининграда. Фактически в органах власти заседают почти все крупнейшие владельцы и (или) девелоперы торговой и офисной недвижимости города. Этот факт особенно показателен, поскольку согласуется с данными многочисленных исследований структуры власти в городах США и Западной Европы, которые тоже свидетельствуют о повышенной активности такого бизнеса в местной политике.

Особенности условий накопления капитала, среди которых: сильная зависимость от доступа к ресурсам, контролируемым местной властью, прежде всего к городской земле; зависимость от роста экономики Калининграда и области как основного рынка сбыта; низкая степень пространственной мобильности вследствие крупных инвестиций в недвижимость и местного характера собственности – стимулируют политическое участие этих компаний, включая занятие их руководителями политико-административных должностей. Впрочем, следует отметить, что не только личная уния элит, но и ряд структурных факторов, связанных с характером источников доходов областного и городского бюджетов, сближают интересы калининградских властей с интересами владельцев и девелоперов недвижимости.

Тесные структурные и персональные связи бизнесменов с калининградской политико-административной элитой имеют существенные политические последствия, проявляясь в решениях и действиях городских и областных властей, которые приносят ощутимые выгоды владельцам и девелоперам недвижимости.

Н.В. Шинковская

ОПЫТ И СУДЬБА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ (конец XIX ± начало XX в.)

Шинковская Наталия Витальевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Института международных отношений и социальных технологий Владивостокского государственного университета экономики.

Городское самоуправление, учрежденное в последней трети XIX в., разделило участь всех вводимых в России демократических институтов: оно было даровано сверху, с историческим опозданием, при отсутствии необходимых социально-политических условий и демократической традиции; оно не вписывалось в общий строй отношений власти к подданным и вообще в строй всего государства, при котором, как заметил один историк начала прошлого века, «всемогущая опека» со стороны представителей власти «совершенно уничтожила охоту принимать участие в мнимом самоуправлении»¹.

О непригодности местного самоуправления в условиях самодержавия весьма категорично заявил в свое время С.Ю. Витте. Впрочем, в известной Записке «Самодержавие и земство», написанной в 1899 г., он волновался не столько о нежизненности последнего, сколько был озабочен тем, что самоуправление станет угрозой стабильности государства, которое требует однородности системы местного управления с общим политическим строем. В то же время институт самоуправления никогда не имел сколько-нибудь существенной материальной базы. Первые законодательные акты вообще не предусматривали никакого «права самообложения», кроме сбора пожертвований, на которые и следовало мостить улицы и ставить фонари. По

1. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – М., 1993. – С. 292.

Положению 1870 г. городские думы получили такие права, но они были чрезвычайно ограничены.

Городское самоуправление, как и земство, противоречило господствовавшей в России крайне централизованной и всеохватной системе организации власти. Однако нарастание кризисных явлений и невозможность усовершенствовать управление страной в рамках бюрократического самодержавного государства побудили царское правительство к его введению. Это была еще не столько уступка буржуазии, укреплявшей свои позиции в экономике страны и начинавшей все более настойчиво искать возможности реализации собственных интересов, сколько попытка, используя стремление передовых слоев общества участвовать в делах государства хотя бы на уровне местных нужд и потребностей, снизить «гипертонию» бюрократического централизма путем передачи некоторых хозяйственных функций на места.

Местное самоуправление, с самого начала своего существования опутанное системой ограничений, стеснявших его деятельность, поставленное под «надзор» местной администрации, получившей право судить о «законности» акций городских выборных депутатов, не представляло противовеса центральной власти и местным администрациям. Уступая руководство хозяйственными делами на местах, царизм сохранял за собой основные позиции в управлении губерниями и областями. Кроме того, в полном объеме оно вводилось не на всей территории России. В Приморской области, например, «земская реформа» не проводилась; земская управа здесь была создана лишь в декабре 1917 г. Однако в соответствии с Городовым положением от 12 июня 1870 г. в городах области в разное время были образованы городские органы самоуправления – думы и управы, на которые возлагались административно-хозяйственные задачи, вопросы благоустройства города, а также заведование школьным, медицинским, благотворительным делом, торговлей, кредитом, отводом земли под строительство и т.п.

В 1875 г. появились думы во Владивостоке и Николаевске, в 1876 – в Благовещенске, в 1894 – в Хабаровске, в 1911 г. – в Никольск-Уссурийске². Владивостокская городская дума была открыта 30 ноября 1875 г., а 16 декабря военный губернатор области утвердил избрание городского Головы. Городской Голова возглавлял Думу, а гласные, числом от 30 до 40, выбирались на четыре года. Правом голоса при выборах гласных обладали только владельцы недвижимого имущества. Выборы в городскую Думу проходили по трем избирательным съездам: крупных, средних и мелких

2. РГИА ДВ (Российский государственный архив Дальнего Востока). – Ф. 159, оп. 1, д. 1, л. 7.

налогоплательщиков. Каждый из трех разрядов избирателей платил 1/3 городских налогов и выбирал одинаковое число гласных³.

По городскому положению от 11 июня 1892 г., вошедшему в историю как городская контрреформа, избирательные права получили только те жители города, которые имели недвижимое имущество определенной цены. В число избирателей включались владельцы торгово-промышленных заведений города, имевшие гильдейские свидетельства. Мелкие и средние налогоплательщики лишались избирательных прав. В составе Владивостокской думы 80–90-х годов были известные купцы и промышленники: Я.Л. Семенов, М.Г. Шевелёв, В.П. Бабинцев, Н.Ж. Циммерман, В.О. Жариков, Д.М. Бирк, Ю.И. Бринер, В.П. Пьянков, К.Н. Шульгин, О.В. Линдгольм, А.В. Даттан, А.К. Вальден, В.Е. Кирпичников, М.К. Фёдоров, И.А. Ющенков. Это были люди, не только определявшие характер экономического развития города и края, но много делавшие для его изучения – как, например, купец 1 гильдии, меценат, владелец русского пароходства, один из инициаторов создания Общества изучения Амурского края М.Г. Шевелёв.

Азарт и энергия первопроходцев, осваивавших богатства края и осознававших его многообещающие возможности, рождали заинтересованность в его будущем, создавая тем самым удачное сочетание личных интересов с общими интересами всестороннего развития территории; научного освоения и обустройства, роста и благоустройства городов. Но ограниченные правовые и финансовые возможности, организационные трудности и бюрократическая волокита, свойственные российской государственной системе управления, сводили к минимуму результаты усилий городских дум, управ, а также создаваемых ими постоянных и временных комиссий, что порождало в итоге безынициативность органов самоуправления и пассивность заседавших в них гласных.

Нужно заметить, что и задачи, стоявшие перед Владивостокской городской думой, были более сложными и многообразными, нежели в других, уже сложившихся городах Сибири и Центральной России. На проблемы, возникавшие в процессе формирования города, накладывались «особые интересы» военного, морского и иных ведомств. Это с самого начала порождало осложнения во взаимоотношениях. И первой проблемой, многолетний процесс решения которой дает типичную картину административной волокиты, а также противостояния ведомственных интересов интересам города, стало выяснение вопросов, касающихся

3. РГИА ДВ. – Ф. 159, оп. 1, д. 6, л. 9–16.

земельного владения различных ведомств. До образования городского общественного управления распорядителями земель, прилегающих к бухте Золотой Рог, были местные органы морского ведомства, которые заняли по своему усмотрению удобные участки и раздавали их первым поселенцам под застройку. После введения Городового Положения 1870 г. раздача земли в пределах городской территории должна была перейти всецело в ведение городского управления, но властные ведомства (морские и сухопутные), а также военные продолжали захватывать участки, не только не согласовывая этого с городским общественным управлением, но и игнорируя постоянные возражения последнего. В июле 1898 г. была утверждена комиссия по распределению земель во Владивостоке под председательством генерал-лейтенанта Беневого, которая закончила свою работу в марте 1899 г. В апреле 1904 г. были приняты окончательные постановления на всех уровнях, и только к концу первого десятилетия были проведены заключительные съемки и замеры, что, однако, не гарантировало окончательного упорядочивания вопросов землепользования в городе⁴.

Надзор за деятельностью городских дум и управ осуществлялся губернатором и, в соответствии с законодательством, присутствиями, создававшимися из чиновников под председательством губернатора. На утверждение губернатору отправлялись и списки избранных гласных, и сама кандидатура городского головы. В соответствии с циркуляром Министерства внутренних дел № 204 от 12 октября 1866 г. были расширены пределы власти губернатора, который теперь не только осуществлял «местный надзор за всеми находящимися в губернии гражданского ведомства учреждениями и лицами», но и получил право «производить во всякое время общую и внезапную ревизию» хозяйственной деятельности городских «самоуправлений», которая, кроме того, находилась под опекой и, соответственно, контролем возглавляемого губернатором «по городским делам присутствия». Это же присутствие принимало жалобы на деятельность Думы и Управы⁵. Перечень комиссий, образованных думой, отражал круг вопросов, находившихся в ее ведении: оценочная, технико-строительная, больничная, земельная, по образованию, по благоустройству новых частей города, по распродажам лицензий, по призрению бедных, библиотечный комитет, финансовая. Городскому самоуправлению было предоставлено право издания обязательных для жителей постановлений; но, во-первых, область применения этих постановлений была чрезвычайно сужена, во-вторых, в условиях ограниченности средств их претворение в жизнь

4. Систематический сборник постановлений Владивостокской городской Думы за 1901–1912 гг. – Владивосток. – 1913. – С. 181–196.

5. РГИА ДВ. – Ф. 1, оп. 1, д. 566, л. 2–3.

становилось весьма проблематичным. Например, обязательные постановления, составленные Владивостокской городской думой и утвержденные военным губернатором 13 марта 1890 г., состояли из 11 разделов, в которых устанавливались меры предосторожности против пожаров, требования к исправному содержанию крыш, печей и домовых труб, к местам и условиям хранения легковоспламеняющихся предметов, порядку содержания в чистоте зданий, площадей, мостовых, улиц, тротуаров и сточных канав, к устройству и содержанию пристаней, легковому и ломовому извозу, к санитарно-эпидемиологическим мероприятиям, к внутреннему распорядку на ярмарках, рынках и базарах, времени открытия и закрытия торговых заведений в праздничные дни и т.д.

Но издание постановлений было лишь одной стороной дела. Другой и более сложной являлось обеспечение их выполнения. Даже в случаях, когда для этого не требовалось дополнительных материальных затрат, необходимы были средства контроля. Полиция, несмотря на то, что органы самоуправления платили значительные суммы на ее содержание, не считала себя обязанной наблюдать за выполнением их постановлений, о чем свидетельствуют неоднократные обязывающие постановления Владивостокской думы в адрес полиции, которые требовали от нее соответствующих действий. Это, однако, не решало проблемы, поскольку полиция местному самоуправлению не подчинялась. Чтобы усилить обязывающий характер «Обязательных постановлений» в соответствии с Положением 1892 г., подготовленный Думой перечень обязательных общегородских мероприятий должен был подписываться и издаваться губернатором, в непосредственном подчинении которого и находилась полиция.

Другой постоянной проблемой городского самоуправления был недостаток финансовых средств. Источники городского бюджета изначально были четко определены и жестко ограничены в законе. Прежде всего, это был налог на недвижимость, составлявший не более 1% стоимости, определявшейся самими гласными, из которых большинство было заинтересовано в том, чтобы эту стоимость преуменьшить, особенно когда речь шла о крупных зданиях, владельцами которых они сами часто и являлись. Другим источником доходов были торговля и промышленность, т. е. пошлины с документов на право торговли и промыслов, акцизный и процентный сборы. На 1889 г. доходы составляли 80 434 руб. Их едва хватало на нужды городского хозяйства и благоустройства, а потребностей просвещения и медицины не удовлетворяло вовсе. В то же время городское самоуправление должно было содержать не только собственный аппарат, но

и участвовать в расходах на содержание правительственных учреждений и полиции. Расходы эти с 1901 по 1910 г. возросли с 17,5 до 75 тыс. руб.⁶.

Принимаемые Думой решения об изыскании новых источников доходов выходили за рамки объема прав, определенного законом для органов самоуправления, и могли быть осуществлены только на уровне правительства. Так, в течение нескольких лет Владивостокская городская дума обращалась в правительство с ходатайствами, чтобы портовому городу, было дано разрешение «обложения судов, приходящих во Владивосток на якорную стоянку, в тех же размерах, как это установлено в других городах Империи, в пользу города по 1/2 копейки с пуда привозимых и отвозимых за границу морским путем товаров и по 25 копеек с *ласта* водоизмещения судна», с тем чтобы средства шли на строительство коммерческого порта, а также об установлении больничного сбора на строительство и содержание городской больницы. Поступления в бюджет от вышеназванных сборов позволили в 1901 г. только на благоустройство города направить более 100 тыс. руб. и свыше 76 тыс. – на медицинское обслуживание⁷.

Периодические обращения городской Думы к наместнику на Дальнем Востоке с ходатайствами об удовлетворении насущных нужд города в строительстве водопровода, телефонизации, увеличении основного капитала городского общественного банка, о выделении долгосрочных промышленных ссуд, давали определенные результаты: к 1901 г. городской бюджет увеличился до 332 тыс. руб., в 1906 составил 841 тыс., в 1908 – 1 млн. 400, с 1908 по 1912 г. держался на уровне 1 млн. 200 тыс. руб.⁸. Этого, однако, было недостаточно для решения всех городских проблем и, в частности, сооружения трамвайных путей и линий электрического освещения, а также кардинального решения проблемы водоснабжения города. Впервые городская Дума рассмотрела предложения фирмы «Кромптон и Швабе» о постройке трамвая и линий электрического освещения в октябре 1901 г., единственным результатом чего явилось принятое через пять лет – 22 марта 1906 г. – постановление Думы, гласившее: «...Признать необходимым устройство трамвая и освещения и желательность осуществления его на средства города»⁹. В конце 1907 г. Дума объявила конкурс на строительство трамвайных путей и линий электроосвещения. Около десятка фирм проявили заинтересованность в этом предприятии; однако договоренность так и не была достигнута, собранных денег оказалось недостаточно.

6. Систематический сборник постановлений Владивостокской городской Думы за 1901–1912 гг. – Владивосток. – 1913. – С. 171.

7. РГИА ДВ, Ф. 159, оп. 1, д. 1, л. 156–157.

8. Систематический сборник постановлений... – С. 171.

9. Там же. – С. 169.

О безрезультатности десятилетних попыток городского самоуправления осуществить два важнейших для населения города проекта красноречиво свидетельствует интервью, данное в конце 1910 г. газете «Далекая окраина» городским головой В.П. Маргаритовым, констатировавшим, что и перед новым составом городской думы встали традиционные вопросы благоустройства Владивостока; проведение водопровода из речки Седанки, постройка электрической станции и трамвайной линии. Лишь 6 октября 1912 г. «Всеобщая компания электричества» сдала трамваи в эксплуатацию как «концессионное предприятие»¹⁰.

Несмотря на то, что потребности города превышали возможности бюджета, городское хозяйство развивалось: постепенно формировались системы водоснабжения и канализации, открывались школы и училища, расширялись гимназии, создавались общественные библиотеки, разбивались скверы и мостились улицы. И это при отсутствии какого-либо исторического опыта и преемственности, в условиях сосуществования двух взаимоисключающих социально-политических институтов: самодержавия, претендовавшего на концентрацию всей полноты власти в руках государства и подконтрольность всех уровней ее осуществления, и местного самоуправления, неосуществимого без определенного допущения свободы и инициативы действий, пусть даже в узких и строго очерченных границах. В этих условиях владивостокские Управа и Дума стали необходимой частью системы местного государственного управления, взявшими на себя расширявшийся с каждым годом круг муниципальных проблем.

После Февральской революции 1917 г. на основе всеобщего избирательного права в Приморской области, как и на всем Дальнем Востоке, разворачивается кампания по выборам в местные земские органы различного уровня: волостные и уездные управы, бравшие на себя функции управления соответствующими административно-хозяйственными единицами. Революция отменила цензовый принцип формирования городских дум. Впервые избирались «демократические думы», к выборам в которые было призвано все население, в результате чего подавляющее большинство в них составили представители «левых партий».

Выборы во Владивостокскую городскую думу, проходившие в августе 1917 г. по 16 спискам, принесли победу списку № 13 – от блока социалистов.

10. Крушанов А.И. – *Некоторые вопросы социально-экономической истории Владивостока (1860–1916). – Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. – Владивосток. – С. 32–33.*

Впервые по этому списку в состав Думы были избраны 7 женщин¹¹. Эсер А.Ф. Агаров стал городским головой – председателем городской Управы; К.С. Токунов – председателем Думы.

Характерная особенность послереволюционных дум – их политизация, следствием чего стало формирование фракций как по политическому, так и по национальному признаку. Социалисты, шедшие на выборы по общему списку, в Думе разделились на фракции социалистов-революционеров и социал-демократов. Из немногочисленных представителей партии конституционных демократов и сочувствующих ей образовалась фракция Народной свободы, сразу же ставшая в активную оппозицию руководящему социалистическому большинству. Единственным объединяющим фактором для всего состава Думы на момент ее создания была идея превращения дум в органы власти и управления на местах. Кадеты видели будущее этой системы в единстве областного, городского и земского управления, надеясь сохранить и впоследствии укрепить в ней свои позиции. Эсеры предполагали соединить на местах административную государственную власть и местное самоуправление в одном органе, ставя задачу возможно большего расширения области компетенции городского самоуправления за счет центрального государственного управления. Муниципальная программа социал-демократов тоже требовала «всей полноты власти на местах органам местного самоуправления»¹².

Необходимо отметить, что, являясь более прогрессивной по социальным взглядам и политическим убеждениям, новая революционная Дума существенно уступала прежней по опыту управления хозяйственными делами и общей компетентности в вопросах городского хозяйства. Первой проблемой стало обеспечение города водой ввиду грозящего «водяного голода». Вопрос был передан для проработки в Управу и решен в соответствии с одним из проектов, рассматривавшихся дореволюционной Думой.

Другой острой проблемой, доставшейся революционной Думе по наследству, был дефицит электричества, связанный с отсутствием запасного котла на электростанции. Решение ее было прервано начавшейся Первой мировой войной, сорвавшей поставки оборудования для электростанции и подорвавшей городской бюджет. В октябре 1917 г. городская Дума обращалась в Министерство финансов, торговли и промышленности, а также в другие инстанции с ходатайством о выделении валюты в сумме 119 900 йен для оплаты услуг японской фирмы, предлагавшей поставить котел, и 9800 иен «Британскому инженерному обществу» за поставку стальных

11. РИА ДВ. – Ф. 28, оп. 1, д. 746, л. 53–56.

12. Там же, л. 94–96.

водогрейных труб¹³. Одним из наиболее значимых мероприятий, осуществленных новым городским самоуправлением, стала передача в собственность города трамвайного предприятия. После продолжительных переговоров городской Управы с концессионерами Циммерманом и Громадским трамвай был выкуплен городом за 150 000 руб. и 31 октября 1917 г. передан в городское хозяйство¹⁴. Основная работа по управлению городским хозяйством проводилась в комиссиях (финансовой, жилищно-коммунальной, по народному образованию), решавших, наряду с обычными проблемами города, экстренные задачи, которые ставило время – такие, как открытие детского приюта на о. Русском зимой 1917–1918 гг.

В создавшихся политических и экономических условиях решение многих, в том числе хозяйственных, вопросов выходило за пределы возможностей и компетенции городской Управы и Думы, в связи с чем создавались различные межведомственные комитеты и комиссии, в составе которых работали представители Думы. Таковыми были Продовольственный областной комитет и Комиссия контроля над производством. В сентябре 1917 г. создается совместная комиссия по обеспечению города Владивосток и края углем, которая также занималась снабжением необходимыми материалами и продовольствием служащих и рабочих рудников. Было достигнуто также соглашение с КВЖД о предоставлении вагонов, а с Морским ведомством, всегда имевшим большие запасы топлива, – о поставках в случае крайней необходимости¹⁵.

Закрытие Пекином своих границ, как на западе, так и на востоке, поставило перед Приморской областью проблему обеспечения продовольствием, поскольку целый ряд продуктов в значительной степени, а хлеб – главным образом, доставлялись из Маньчжурии. В результате совместных действий областной продовольственной Управы, городской Управы, представителей городского Совета депутатов и Областного крестьянского бюро было получено разрешение пропускать через границу продовольственные грузы для населения¹⁶.

Совместными усилиями городской Управы, Объединенного исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также Центрального бюро профсоюзов предпринимаются действия по снижению остроты социальных проблем в городе: трудоустройству и обеспечению жильем неимущих. К концу 1917 г. положение усугубилось тем, что во Владивосток прибыли большие группы

13. РИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 793, л. 11–12.

14. Там же, д. 720, л. 10.

15. Там же, д. 793, л. 11.

16. Там же, д. 832, л. 15.

людей из других районов страны, обманутых слухами о высоких заработках на Дальнем Востоке. Созданная 5 ноября 1917 г. временная комиссия из представителей городской Управы, военной комиссии, Совета рабочих и военных депутатов, Бюро профсоюзов занималась поиском и распределением жилья, созданием ночлежных домов. Стремясь нормализовать общую ситуацию в городе, снизить его криминальность, Владивостокская городская дума 30 ноября 1917 г. приняла постановление «По борьбе с пьянством в г. Владивостоке», запрещавшее «продажу спиртных напитков в ресторанах, трактирных заведениях, шашлычных, залах общих собраний, театрах, кофейнях и других заведениях, открытых для посещения публики»¹⁷.

Однако, взаимодействуя по наиболее злободневным проблемам, Советы, руководимые большевиками, и составлявшие большинство местных органов самоуправления представители демократического крыла все больше расходились в отношении принципиальных вопросов организации власти и управления. Нарастание политического кризиса в ходе расширявшейся революции, все больше превращало Думу в арену политических боев и дискуссий. Первое столкновение произошло уже 1 сентября 1917 г. в ходе обсуждения резолюции о корниловском мятеже, в которую большевики предложили формулировку «Владивостокская городская Дума признает Объединенный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как единственный орган власти во Владивостоке». Эта формулировка вызвала сопротивление со стороны не только фракции Народной свободы, но и представителей социалистических партий. На заседании городской Думы 5 декабря 1917 г. по инициативе фракции эсеров был поставлен на обсуждение вопрос о незаконности репрессий против членов Учредительного собрания. Речь городского головы Агарева носила явно антибольшевистскую направленность: «Быть может, большевики искренне думали, что вся страна на их стороне, но после выборов в Учредительное собрание не подлежит сомнению, что они будут в меньшинстве. Политика террора и насилия – единственное средство всякого меньшинства, стремящегося удержать власть». Сорока двумя голосами против семи и семи воздержавшихся была принята резолюция, предложенная фракцией эсеров, осуждавшая репрессии и призывавшая встать на защиту Учредительного собрания как единственной законной власти¹⁸.

Процесс поляризации политических интересов и консолидации противоборствующих сил приближался к завершению. С одной стороны, шло

17. Там же, д. 793, л. 189–193.

18. Там же, д. 746, л. 102–105.

интенсивное формирование единой системы управления на основе земств и городского самоуправления, с другой – укрепление параллельных структур в виде Советов, тоже позиционировавших себя в качестве органов власти и управления. На первом этапе Советы, возникая бессистемно по классовому (крестьянских и рабочих депутатов) или профессиональному (солдатских, рабочих порта, железнодорожников и т.д.) признакам, не претендовали, казалось, на политическую власть. Но путем выборов, кооптации или же, пользуясь в ряде случаев правом силы, входя в состав органов городского и земского самоуправления, они последовательно проводили линию на концентрацию управленческих функций в Советах. В декабре 1917 г. было осуществлено организационное оформление центральных органов обеих структур, хотя на местах процесс был еще не завершен. 16 декабря, первое чрезвычайное земское собрание избрало Приморскую областную земскую управу, объявившую себя центральным органом власти и управления Приморской области, которая состояла тогда из четырех уездов: Хабаровского, Иманского, Никольск-Уссурийского и Ольгинского¹⁹.

20 декабря 1917 г. III Дальневосточный краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов избрал, по существу, первый краевой орган Советской власти на Дальнем Востоке. Однако на том этапе большевики не могли еще не считаться как с политической популярностью представительной демократии в лице городского самоуправления и земств, так и с той ролью, которую те играли в управлении и хозяйственной жизни городов и областей и которую Советы взять на себя пока в полном объеме не могли, а потому они были вынуждены пойти на коалицию. На декабрьской сессии 1917 г. Первое земское собрание высказалось за образование объединенного органа краевой власти при участии земства и Советов, где земству была предоставлена 1/6 часть мест, которые были отданы наиболее «левым» его представителям, проводившим политику борьбы с самоуправлением. На заседании краевого комитета, состоявшемся 5 января 1918 г., была утверждена его структура и принято постановление о названии – Краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений. Созданы отделы: продовольственный, труда, военный, просвещения, финансов, транспорта и земледелия. Канцелярия бывшего генерал-губернатора была ликвидирована, чиновники уволены, их функции были переданы соответствующим отделам Комитета. Вскоре он объявил себя единственной законной властью на Дальнем Востоке. Таким образом, коалиции не получилось и продолжали существовать две претендовавшие на власть структуры, которые, допуская

19. РГИА. – Ф. 1, оп. 1, д. 206, л. 2.

объективную необходимость сосуществования как временного тактического явления, не прекращали между собой борьбы.

В январе 1918 г. прежний состав Хабаровской городской думы был отстранен местным Советом рабочих и солдатских депутатов, пославшим в Думу 100% своих гласных, которые образовали так называемый «городской коллектив», (председатель Попов), избравший в свою очередь трех своих гласных в Областное земское собрание. Тогда же были произведены изменения в организации Хабаровского уездного земства. Из его состава были выведены все «классово враждебные элементы» и введены представители наиболее «левой» части крестьянства. Само земство было преобразовано в комитет Совета крестьянских депутатов²⁰.

Владивостокский городской Совет также начал наступление на органы городского самоуправления. Было заменено управление таможней, торговым портом, функции милиции взяла на себя организация Красной гвардии. На промышленные предприятия и в торговые организации были назначены комиссары, что, в силу различного рода причин, вызывало протесты вплоть до неподчинения новой власти. Советы ответили на это арестами, в результате чего предприятия прекратили свою работу.

Об осуществлении демократических чаяний революционной буржуазной демократии – свободы личности, неприкосновенности жилища, восстановлении суда с введением института присяжных, с полной самостоятельностью земства и городского самоуправления в рамках установленных законом – уже не упоминалось. Аресты проводились по усмотрению комиссаров, городской Совет принял резолюцию об отстранении городской Управы от вопросов управления. На местах была начата кампания по замене земств Советами, Ольгинская земская управа предложила, не прерывая процесса выборов земств, переименовывать их в Советы, одновременно освобождаясь от нежелательных членов²¹.

Состоявшееся в марте 1918 г. Второе чрезвычайное областное земское собрание попыталось «спасти демократию», предложив большевикам разделить сферы влияния. Это позиция была сформулирована в выступлении председателя земской управы А.С. Медведева, «Советы, должны были защищать революцию и углублять ее, создавать народные организации, вести разъяснительную работу и т.д.», но они «увлеклись властью и торчат во всех предприятиях в качестве комиссаров... Мы говорим им: “Товарищи, эту кропотливую работу мы возьмем на себя, а вы только смотрите за нами и за

20. Второе чрезвычайное Приморское областное земское собрание. – Владивосток. – 1918. Ч. 1. С. 4.

21. Второе чрезвычайное Приморское областное земское собрание... – Ч. 2. – С. 2.

теми, кто ждет удобного момента для захвата власти»²². Большевики не согласились с предлагаемой ролью, понимая, что это прямой путь к сворачиванию революции и утрате власти. Однако усиление власти Советов усугублялось нараставшим разрушением экономики и системы управления. Некомпетентность рабочих и крестьян в вопросах управления при одновременном саботаже чиновников усиливали нервозность иностранных предпринимателей. Все это, в конечном итоге, спровоцировало интервенцию империалистических держав. Консульский корпус отказался взаимодействовать с Советами, что, несмотря на создание критической ситуации, грозившей потерей Дальнего Востока, создавало благоприятный момент для возвращения земству утраченной роли. Земство поддержали представители объединения меньшевиков (от РСДРП), заявившие, что «единственной правомочной властью, несущей функции государственной власти, должны являться земства и города». Советы рабочих и солдатских депутатов должны сохранить свое существование как органы, созданные революцией для защиты ее завоеваний, освободившись от функций власти и управления.

За сохранение земства как института управления высказался III крестьянский съезд и реорганизованное после него Приморское областное бюро Совета крестьянских депутатов. Съезд настаивал на установлении контроля со стороны Советов крестьянских депутатов над земством и возможности отзыва гласных. Для основной массы крестьян земства были их собственными крестьянскими органами управления, в отличие от Советов: волостное земство избиралось всеми селами входившими в волость, Совет же обычно выбирало одно село или даже поселок не крестьянского типа, поэтому туда попадали «разные разночинцы и чиновники и даже бывшие крестьянские начальники, не могущие выражать волю народа». «Земские и волостные управы, – как объяснил один из выступавших на съезде, – ...образованы свободно самим народом, и теперь у нас представители волостных управ отражают завоевания революции не меньше, чем Советы депутатов. Они также в деревнях ловили «гусей-корниловцев» и выпроваживали их, как Советы в городах. И при всем том, земские управы вели свое хозяйское дело, как надо»²³.

Что касается леворадикальных групп, то они понимали, что рабочие и крестьяне не смогут занимать в земствах доминирующего положения, а Советы не смогут конкурировать с земствами и городскими думами и управами, за которыми стояли опыт и профессиональные навыки управления;

22. Там же. – С. 27.

23. Там же. – Ч. I. – С. 36.

«хозяйничать будет буржуазия и чиновники, на что Советы никогда не пойдут и своей позиции, своей власти они никогда не уступят».

Все понимали, что вопрос о власти был напрямую связан с характером будущего общества: демократический путь формирования власти обеспечивал установление буржуазного общества. Поэтому альтернатива – Советы или земство – имела для каждой из сторон принципиальное значение. Как резюмировал председатель Хабаровского комитета Совета крестьянских депутатов Г. Медведев, «у нас параллельно идут две организации – Советы и земство, у которых ни в коем случае соглашения быть не может. А нам нужна одна власть – власть трудового народа»²⁴.

Голосование 8 марта 1918 г. по вопросу о том кому должно быть отдано управление областью, дало следующую картину. В президиуме Объединенного исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов за передачу власти земству высказались 10 человек, против – 20, за коалицию – 13, против – 15, воздержались – четверо, за передачу власти Советам – 16, против – 16. При этом социал-демократы (меньшевики) определенно поддерживали передачу власти земским и городским самоуправлениям и обещали отозвать своих представителей из Советов, если те не пойдут на это. Эсеры тоже выступили за земское собрание, в том числе левые – за равноправную коалицию. Проходившее параллельно съезду совещание земских уездных и волостных управ подавляющим большинством голосов (22 против двух и двух воздержавшихся) поддержало земство. В результате дискуссий большинство голосов собрали две резолюции, которые объединяла только оценка международной политической ситуации как угрожающей и требующей единения всех сил. Первая объявляла земство и городское самоуправление учреждениями от существующей центральной власти самостоятельными, обращалась к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов встать на защиту «общенародного земства и его работы по осуществлению народоуправства на местах и проведения земельной реформы».

Вторая (от группы левых гласных) предлагала вопрос о власти вынести на всенародное голосование – провести в области референдум. При голосовании большинством голосов прошла первая резолюция.

Однако вскоре большевики объявили о роспуске земств. IV Краевой съезд Советов принял решение о переименовании краевого Совета рабочих, солдатских, крестьянских депутатов и самоуправлений в Дальневосточный Совет народных комиссаров – Дальсовнарком. Областная земская управа

24. Там же. – Ч. 2. – С. 17.

прекратила свое существование. Но в уездах и волостях единой системы органов власти не было. Власть так часто менялась, что перевыборы на местах проводиться не успевали. В зависимости от характера переворота восстанавливались то Советы, то земства, или же, как в 1920 г., сосуществовали и те, и другие одновременно.

Областная управа была восстановлена 23 июля 1918 г. Временным правительством автономной Сибири и действовала в период колчаковщины – с ноября 1918 г. по январь 1920 г. В условиях иностранной интервенции 1 февраля 1920 г. Дальневосточный комитет РСДРП предложил Областной управе сформировать Временное правительство Приморья в составе эсеров, меньшевиков и большевиков, которое сложило с себя полномочия 12 декабря 1920 г. решением Приморского народного собрания и передало функции местной власти Приморскому областному управлению ДВР.

Что касается городского самоуправления, его судьба, как и судьба земств, была предрешена установлением Советской власти. Правда, 29 декабря 1918 г. колчаковское правительство провело выборы в думы, получившие название «государственно-мыслящих». После ликвидации колчаковского режима и установления Советской власти в Приморье в марте 1920 г. выборы в думы проходили одновременно с выборами в советы. Ни буржуазные, ни «полубуржуазные» партии в них не участвовали, список социалистов правого толка голосов практически не собрал. «Как и следовало ожидать, – сообщает газета “Голос Родины”, – 85% голосов было отдано списку 1. Полная победа коммунистической партии отдает в ее руки не только судьбу городского хозяйства, а и городское самоуправление вообще. На первом же заседании новая Дума может вынести резолюцию о своем упразднении по передаче городского хозяйства Совету рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Но будет ли Дума переименована в городской Совет народного хозяйства, или останется с прежним названием, ни на характере ее, ни на составе это не отразится»²⁵.

В свете уроков Гражданской войны и интервенции выбор народа был закономерен. В конечном счете думы и земства остались в его сознании институтами того общества, с которым они боролись и уничтожили вместе с белогвардейскими режимами и интервентами. Другое дело, что опыт ДВР и подчинение Приморья безальтернативно большевистской центральной власти несет в себе свои собственные уроки для граждан и политических сил, воодушевляемых идеями демократии.

25. «Голос Родины». Владивосток. 1920. 1 апреля.

С учетом этого позволительно завершить статью параллелью с текущей ситуацией на Дальнем Востоке. Очередная попытка сформировать институт самоуправления в России, предпринятая федеральной властью в ходе реформирования общественно-политической системы в 90-е годы прошлого столетия, дала минимальные результаты. Разработка в последующее время федеральных и региональных законов, определивших уровни компетенции и «зоны ответственности» органов управления, привела к созданию бюрократизированной унифицированной системы местной власти с функцией простого инструмента реализации политики Центра. Чтобы действительно стать демократическим институтом политической деятельности граждан, местная власть должна быть не только управляемой,

ЭЛИТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А. В. Дука

«ЭЛИТЫ» И ЭЛИТА: ПОНЯТИЕ
И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Дука Александр Владимирович – кандидат
политических наук, заведующий сектором
социологического института РАН (Санкт-Петербург).

Исследователи в России и за ее пределами регулярно задаются вопросом, насколько люди «на верху» соответствуют высоким критериям элитности¹. Весьма примечательна прежде всего по своему эмоциональному

1. Койчужев Т. Элита постсоциалистического общества. Кого к ней относить? // Общество и экономика. – 2007. – № 5–6.

накалу статья Т. Койчуева в журнале «Экономика и общество»*. Несколько лет назад в «Социсе» на ту же тему писал Ж. Тощенко². Представители различных наук из разных стран – наследниц Советского Союза озабочены одним – качеством властных групп в своих странах. Можно добавить, что такая тревожность вместе с сомнением относительно того, элиты ли на самом деле находятся на вершине государственной и общественной жизни постсоветских стран, существует и на Украине³. Болгарский исследователь С. Николов, анализируя элиту своей страны середины 1990-х годов, называет ее «квази-элитой»⁴. Часть исследователей более радикальна, усматривая в «проблеме элиты» скорее специфическую форму легитимации властных групп и обслуживающих их политехнологов, а также суррогатную концепцию объяснения структуры трансформирующегося общества, использующую слово-фикцию: ««элита» – понятие со слабым дескриптивным потенциалом. Оно неинструментально и малоинформативно, зато обладает значительным благодаря своей неопределенности идеологическим бэкграундом и ценностными импликациями, широкими возможностями манипулировать различными неконтролируемыми смыслами»⁵. По всей видимости, данное обстоятельство говорит о существовании некоторой проблемы, и не только когнитивной, хотя то, что Г. Лассуэлл с коллегами называли «галозэффектом» научных понятий в социальных науках, безусловно здесь присутствует⁶.

Термин в общественных науках часто имеет свойство отдаляться от первоначального значения того слова, которое он графически повторяет. Тем не менее имеет смысл обратиться к слову «элита» и его истории, что может помочь прояснить специфику бытования термина «элита» в научном языке и сообществе. Несмотря на достаточную освещенность этого вопроса в литературе, я коротко на нем остановлюсь, в чем-то повторяя написанное, в

* Данная статья написана в Институте Кеннана в рамках гранта Фонда Фулбрайта «Институционализация властных элит в посткоммунистических странах» (№ 68431314).

2. Тощенко Ж.Т. Элита? Клань? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // Социологические исследования. – 1999. – № 11.

3. См., напр.: Танчер В.В. Теории неолитизма в свете демократической трансформации и украинские реалии // Социологические исследования. – 1999, № 10. – С. 21; Полищук Н. Руководит ли Украиной элита? // День. – Киев, 2007. – № 51. 24 марта.

4. Nikolov S.E. Bulgaria: A quasi-elite // Postcommunist elites and democracy in Eastern Europe / Ed. by J. Higley, J. Pakulski and W. Wesolowski. – Basingstoke, 1998.

5. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. – М., 2007. – С. 34.

6. Lasswell H.D., Lerner D., Rothwell E.C. The comparative study of elites. An introduction and bibliography. – Stanford, Calif., 1952. – P. 6.

том числе и мною. Ряд словарей и энциклопедий начинают разъяснение значения с историко-этимологического анализа и показывают, что данное слово происходит от латинского *eligere*, затем трансформировавшегося во французское слово *elite* – лучшее, отборное, избранное. В старо-французском языке первоначальное написание было «eslite» (XII в.) и только с XVI столетия это слово приобрело нынешний вид. Использование в близком к современному смысле зафиксировано с 1360 г.⁷ В самом начале своей классической книги «Элиты и общество» Том Боттомор приводит первоначальное употребление этого слова в XVII в. – для обозначения товаров высшего качества, а затем, с XIX в. для обозначения персон и групп, находящихся на верху социальной иерархии⁸. Французский словарь 1771 г. охватывает все эти значения⁹. Более поздний словарь, «Ларусс» следующим образом раскрывает значение слова, давая примеры словоупотребления: «Лучшая, выдающаяся (изысканная) элита парижского общества... Элитный, чрезвычайно изысканный, выдающийся, предпочтительный. Изысканный мужчина, изысканная женщина, порода»¹⁰. Первоначальное французское осмысление данного слова можно найти и во французско-немецком словаре: «Избранный, избранник; ядро; выбор, подбор; избранные души; отборные, лучшие товары; цвет дворянства; отборные войска»¹¹.

В средневековый английский язык (XIV в.) «elite» проникло из старо-французского и существовало как глагол в значении «отбирать» и «выбирать на должность» и как отглагольное существительное – «избранный» и «выбранный»¹². Первоначально этот термин появился и использовался по преимуществу в отношении церковной иерархии (избрание епископа, папы), имплицитно утверждая принципиальную связь между избранием и избранностью. Однако в данном смысле термин не был долговечен, уже к

7. *Grand Larousse de la langue française en six volumes / Sous la direction de L. Guilbert, R. Lagane, G. Niobey, avec le concours de H. Bonnard, L. Casati, A. Lerond. T. 2. – Paris, 1972. – P. 1529.*

8. *Bottomore T.B. Elites and society. – Harmondsworth, 1976. – P. 7; см. также: Политология: Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост.: Ю.И. Аверьянов. – М., 1993. – С. 402–403.*

9. См.: *Sereno R. The Anti-Aristotelianism of Gaetano Mosca and its fate // Ethics. – 1938. – Vol. 48, № 4. – P. 515.*

10. *Grand Dictionnaire Universel du XIXe siècle / Par Pierre Larousse. T. 7. – Paris, 1865. – P. 364.*

11. *Langenscheidts Grosswörterbuch französisch. Teil 1. Französisch-Deutsch / Begründet von Karl Sachs und Césaire Villatte. 45. Auflage. – Berlin; München; Zürich, 1971. – S. 340.*

12. *Ibid.*

XIX столетию это слово считалось устаревшим и вышедшим из употребления.

В современном значении его появление в английском языке фиксируется словарями в 1823 г.¹³. В ноябре этого года Джордж Гордон Байрон опубликовал двенадцатую песню своей поэмы «Дон Жуан», где использовал слово «элита»¹⁴. Спустя совсем немного времени, оно уже встречается в путевых заметках для обозначения «верхушки» немецкого населения Филадельфии, европейского «лучшего общества» («best society»), высшего света предместья Сен-Жермен¹⁵. Подполковник Арчибальд Максвелл, путешествовавший по Америке в 1840 г., использует следующие словосочетания: «элита этой столицы» (описания приема в Бостоне, на котором присутствовал губернатор штата Массачусетс, ректор Гарвардского университета и т.п.); «элита на водах». Любопытно, как автор «раскрывает» элиту: «Вся элита Союза собралась здесь в этот сезон – наиболее выдающиеся мужчины и самые красивые женщины»¹⁶. Слово «distinguished», употребленное здесь, одновременно означает «выдающийся», «знаменитый», «известный», «высокопоставленный», «изысканный», «утонченный», «безукоризненный», «безупречный». Таким образом, одно слово «элита» содержит и статусные характеристики персон, и личностные качественные, а также репутационные. В этом отношении примечательна книга Дэвида Невина о выдающихся пенсильванцах. В ней рассказывается об известных, примечательных и важных лицах штата Пенсильвания 70-х годов XIX столетия – генералах, предпринимателях, политиков, артистов. Однако слово «элита» употребляется всего четыре раза, и оно относится к совокупности лиц: «элита города» – социальные верхи, которые руководят и патронируют;

13. *The Century Dictionary. The Oxford English Dictionary: A Dictionary of American English on historical principles*. Vol. 2. – Chicago, 1959. – P. 876.

14. Byron. *Don Juan*, XIII, 80 // *The Works of Lord Byron. A new, revised and enlarged edition* / Ed. by Ernest Hartley Coleridge. Vol. 6. – London; New York, 1903. – P. 505. Примечательно, что в переводах поэмы на европейские языки, как правило, «élite» сохраняется, тем более, что в этом же стихе Байроном используется еще одно французское слово. Очевидно, что для автора «élite» – заимствование из другого языка. В русских же переводах отсутствует даже намек на «эли́ту». См., напр.: Байрон. *Дон-Жуан* / Пер. с англ. П. Козлова // Байрон. *Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. С.А. Венгеровой*. Т. 3. – СПб.: Изд-во «Брокгауз – Ефрон», 1905. – С. 386; Байрон Дж.Г. *Избранное: В 2 т. – Т. 2: Дон Жуан: Поэма* / Пер. с англ. Т. Гнедич; коммент. С. Сучкова. – М., 1998. – С. 400.

15. *Aristocracy in America. From the sketch-book of a German nobleman.* / Ed. by Francis Joseph Grund. In 2 vols. Vol. 1. – London, 1839. – P. 62, 294, 300.

16. Maxwell A.M. *A Run through the United States, during the Autumn of 1840*. In 2 vols. Vol. 1. – London:, 1841. – P. 40, 186, 190.

лица свободных профессий в элиту не входят¹⁷. Как представляется, это – доминирующее представление и использование данного слова в англоязычных текстах XIX в.

В немецком языке слово «элита» появилось в конце XVIII – начале XIX в. (Goethezeit – время Гёте, как указывает «Брокгауз»)¹⁸. И уже в XIX столетии стало частью повседневной речи. Активно использовался термин «элита» в консервативной политической публицистике Веймарской Германии¹⁹. В научный же язык «элита» активно вошла лишь после Второй мировой войны, вытесняя старые термины – «господа», «лидеры», «руководство» (Führerschaft)²⁰.

Можно сказать, что вплоть до конца XIX в. термин «элита» широко не употреблялся в европейской (континентальной) политической, общественной или научной литературе. В Великобританию и США он проник благодаря социологической теории элит Вильфредо Парето. Таким образом, только с 1930-х годов можно говорить о *начале* широкого использования слова «элита». Весьма показательно, что в американской «Энциклопедии социальных наук» 1931 г. статьи по элитам нет²¹. Она появляется в аналогичной энциклопедии только в 1968 г.²². Но уже сейчас такое влиятельное в нормативном отношении издание как «Вебстеровская энциклопедия», подводя некоторым образом итог эволюции понятия, дает следующее определение элиты: «малая группа, обладающая властью, имеющая привилегии и статус выше других. Элита может быть культурной, образовательной, религиозной, политической (также называемой «истэблшментом» или «правлящими кругами») или социальной. Социологический интерес концентрируется на том, как такие меньшинства получают, используют и удерживают власть, а также на том, что отличает элиты от остального общества»²³. Последнее суждение имеет важное

17. Nevin D.R.B. *Continental sketches of distinguished Pennsylvanians*. – Philadelphia, 1875. – P. 52, 160, 192, 224.

18. *Der Neue Brockhaus. Allbuch in fünf Bänden und einem Atlas. Dritte völlig neubearbeitete Auflage. 2. Band*. – Wiesbaden, 1965. – S. 58.

19. Struve W. *Hans Zehrer as a Neoconservative elite theorist* // *The American historical review*. – 1965, Vol. 70. – N 4.

20. Kaufman F.-X. *Elite* // *Staats Lexikon. Recht, Wirtschaft, Gesellschaft. In 5 Bänden. Herausgegeben von der Goerres-Gesellschaft. 7., voellig neu bearbeitete Auflage. Freiburg; Basel; Wien: Verlag Herder, 1986. 2. Band. S. 218.*

21. *Encyclopaedia of the social sciences*. Vol. 5. – New York, 1959. (13th printing.)

22. Keller S. *Elites* // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D.L. Shils. Vol. 5. – New York, 1968.

23. *Webster's new world encyclopedia: College Edition* / Ed. by S.P. Elliott, M. Goldstein, M. Upshall. – New York; London, 1993. – P. 353.

значение, поскольку фиксирует прежде всего научность данного термина и помещает его в определенную систему общественных наук.

В русский язык слово «элита» вошло только в XX в. В XIX в. весьма распространенным было выражение «дирижирующие классы»²⁴, являющееся калькой с французского «classe dirigeante» (правлящий, господствующий класс)²⁵. О маргинальном положении слова говорит соответствующая статья в словаре Д.Н. Ушакова (1940): «ЭЛИ'ТА, ы, мн. нет, ж. [фр. élite]. 1. Избранное общество (книжн. редко). 2. *собир.* Лучшие, отборные экземпляры каких-н. растений или животных, отличающиеся такими качествами, к-рые обеспечивают богатое воспроизводство (с.-х.). *Отбор элиты.* 3. Самый отбор таких растений или животных (с.-х.). *Метод элиты*»²⁶. В словаре А.П. Евгеньевой слово рассматривается только как сельскохозяйственный термин²⁷. В 17-томном академическом словаре литературного русского языка вновь встречается значение «избранное общество; лучшая часть общества». В качестве примера словоупотребления приводится отрывок из текста Марягина, и это достаточно примечательно: «Стал мысленно перебирать тех людей на фабрике, для которых коммунизм – собственное дело. Их немало, и особенно среди них выделяется... Маркина. Она мне кажется типичной для той элиты рабочего класса, что вынесла на своих плечах и лишения, и тяготы»²⁸. Схожее употребление можно было найти и в текстах ученых. Так, в обзоре VII Международного конгресса историков в Варшаве в 1933 г. П. Преображенский называет собравшихся ученых «исторической элитой»²⁹.

Именно в данном смысле – «лучшая и замечательная часть общества» – этот термин появляется и в современных публикациях. Систематическое появление в русскоязычных научных текстах «элиты» как особой научной

24. Напр.: «Даже люди культуры, как-то: предводители дворянства, члены земских управ и вообще представители так называемых дирижирующих классов, – и те как-то нерешительно и до чрезвычайности разнообразно отвечают на вопрос: что такое государство?» (Салтыков-Щедрин М.Е. В погоню за идеалами // Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 10 т. Т. 5. – М., 1988. – С. 480). (Написано в 1876 г.).

25. Именно это выражение используют также Г. Моска и В. Парето (ит. – classe dirigente).

26. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 4. Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1940. – Стб. 1417–1418.

27. Словарь русского языка в 4-х томах / Пред. ред. колл. А.П. Евгеньева; АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 4. С.-Я. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 1039.

28. Словарь современного русского литературного языка / Пред. ред. колл. Ф.П. Филин; АН СССР. Ин-т русского языка. Т. 17. – М.; Л., 1965. – Стб. 1841.

29. Преображенский П. История международных отношений на Варшавском конгрессе // Борьба классов. – 1933, № 10. – С. 17.

категории связано с работами Г.К. Ашина³⁰. Первоначально в них с критических позиций рассматривалось это понятие и связанные с ним теории. Спорадически, в связи с критическим разбором иностранных текстов «элита» появлялась на страницах научных изданий еще в 1930-х годах и, как правило, в завуалированном виде³¹. Однако, разбора самого понятия, концепции до ашинских работ не было. Показательно, например, что в обзорах 1920–1930-х годов зарубежных исторических журналов, где достаточно места уделено современной тому времени социологической литературе и упоминаются Р. Михельс и В. Парето, а также в обзорах социологических журналов не встречается концепция элиты³². Теоретическая и идеологическая чуждость идеи элиты, появившейся как противовес марксистскому анализу общества и классов, существенно сдерживало и само использование термина в отечественной науке и публицистике.

В европейских языках (в том числе и в русском) к сегодняшнему дню сложилась ситуация двойственного бытования термина «элита» – обыденного и специализированного. Как отмечал в «Канадской энциклопедии» Уоллес Клемент: «**Элиты**, в повседневном употреблении, имеют отношение к тем, кто является лучшим в какой-нибудь данной деятельности, например, ведущие спортсмены, артисты или солдаты. Более точно, элиты – это те, кто обладает господствующими позициями в принятии решений во властной активности, организованной в определенных иерархиях; те, кто занимает эти позиции, обладают властью благодаря преимуществу позиций, которыми они обладают, а не потому, что они “лучшие”»³³.

В американском повседневном и массмедийном дискурсе, как правило, именно иерархичность, а не «лучшесть» фиксируется в термине «элитизм», с

30. Первая специализированная брошюра на русском языке: Ашин Г.К. Миф об элите. М.: Знание, 1964.

31. См., напр.: Сергеев В. Эдуард Мейер (1855–1930) // Историк-марксист. – 1931, № 21. – С. 114; Милицына Т. ROBERT DAVID, La Troisieme Republique [Рецензия на: David R. La Troisieme Republique. Paris: Librairie Plon, 1934. 600 p.] // Историк-марксист. – 1935, № 5. – С. 187; Зильберфарб И. Фашистские фальсификаторы истории Французской революции // Историк-марксист. – 1939, № 3. – С. 77–78, 78–79; Кабакчиев Хр. Главные этапы и особенности развития фашизма в Болгарии // Историк-марксист. – 1936, № 6. – С. 56.

32. Васютинский А. Обзор немецких исторических журналов // Историк-марксист. – 1927, № 6; Фридлянд Ц. Марксизм и западно-европейская историография // Историк-марксист. – 1929, № 14. С. 13–35; Сергеев В. Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма // Историк-марксист. – 1929, № 12. – С. 238–268; Кан С. Французские исторические журналы в 1932 г. // Историк-марксист. – 1933, № 5. – С. 137–144.

33. Clement W. Elites // The Canadian Encyclopedia. Vol. 1. – Edmonton, 1985. – P. 562.

порицанием самоощущения превосходства, свойственного некоторым представителям власти и социальных верхов. Так, во время предвыборной президентской кампании 2008 г. один из кандидатов, Барак Обама, был обвинен своими конкурентами (Дж. Маккэйном и Х. Клинтон) и прессой в элитизме после высказывания в отношении жителей малых городов Пенсильвании (депрессивного региона): «Не удивительно, что они становятся ожесточенными, цепляются за оружие или религию или проявляют антипатию в отношении людей, непохожих на них, или имеют анти-иммигрантские настроения, или анти-профсоюзный настрой как способ объяснения их неудач». Данное высказывание было интерпретировано как высокомерие в отношении простых американцев. Так, Х. Клинтон заявила: «Пенсильванцы не нуждаются в президенте, смотрящем на них свысока»³⁴. В передовице «Нью-Йорк таймс» обозреватель М. Доуд писала: «За закрытыми дверями в Сан-Франциско, эпицентре элитизма, Барак Обама показал свой элитизм, определяя эмоциональные, духовные и культурные ценности рабочего класса, пенсильванцев с небольшим достатком, испытывающими материальные трудности»³⁵. Как отмечали комментаторы, такая чувствительность к проявлению социальной иерархии и нарушению принципа социально-политического равенства уходит корнями в антимонархические республиканские традиции США³⁶.

Следует отметить, что более склонны обвинять своих противников в элитизме правые политики и публицисты, играя на социальных чувствах небогатых слоев населения. В июне 2008 г. в борьбе за место в сенате от штата Вирджиния республиканец Дж. Гилмор, рекламируя себя как друга «трудящихся мужчин и женщин», назвал своего соперника демократа М. Уорнера «элитным лимузинным либералом» («elite limousine liberal») ³⁷.

34. См., напр.: Kapp B. Obama draws fire for comments on small-town America // Website «FOX News» April 11, 2008. (<http://elections.foxnews.com/2008/04/11/obama-draws-fire-for-comments-on-small-town-america>); Doyle L. Pennsylvania takes dim view of Obama's 'elitism' // Website «Independent.co.uk.» – April 15, 2008. (<http://www.independent.co.uk/news/world/americas/pennsylvania-takes-dim-view-of-obamas-elitism-808981.html>, available: April 19, 2008).

35. Dowd M. Eggheads and cheese balls // The New York Times. April 16, 2008. (http://www.nytimes.com/2008/04/16/opinion/16dowd.html?_r=1&scp=&oref=slogin, available: April 29, 2008).

36. Katayama F. Obama's «elitism» is old politics // Website «Reuters.» May 19, 2008. (<http://www.reuters.com/news/video?videoId=82718&feedType=VideoRSS&feedName=TopNews&rpc=23&sp=true>, available: May 19, 2008).

37. Craig T. Gilmore starts senate race with tax vow // The Washington Post. – June 11, 2008. – P. B01.

Это при том, что оба кандидата – бывшие губернаторы штата и миллионеры. Одновременно данное клеймо используется для далеких от «истинных национальных интересов» «умников» из высших кругов. Президент Ричард Никсон в 1970 г. предписывал вице-президенту Спиро Агню «задать этим элитистам» – руководящим центрами власти, наиболее критичным к его администрации. Имелись в виду большая пресса, академические круги наиболее влиятельных университетов и либеральные фонды³⁸.

Недавнее появление в европейском общественном дискурсе термина «элита» в отношении определенных социальных групп связано с двумя основными обстоятельствами. Во-первых, научное самопознание общества до второй половины XIX в. не требовало специальных понятий такого обобщения. Во-вторых, само описываемое явление возникло сравнительно недавно. Для описания его специальными терминами не было особой необходимости. Использовались другие слова для обозначения тех, кто стоит на вершине пирамиды власти. Это далеко неслучайно. Как видно из приведенных выше примеров, слово «элита» соединяет в себе одновременно значения «выбранности», «избранности» и «лучшего». А коннотации играют далеко не последнюю роль в возникновении и закреплении понятий в науке. Иерархия добуржуазного, доиндустриального общества основано было, скорее, на наследовании, сословности, традиции, а не на отборе и выборе. Членом руководящих слоев становились, в основном, в результате рождения, завоевания и монаршей воли (каприза), реже – счастливого случая. Выборы, если и происходили, то среди равных – внутри сословий, цехов, курий, корпораций. Кроме того, находящиеся на вершине общества индивиды уже в силу своего положения рассматривались как лучшие и избранные. Русское слово «благородные» в этом смысле очень характерно. Схожие мотивы можно найти и в других языках.

Группа, занимавшая высшее положение в традиционных обществах, как раз и выделялась по своему происхождению, рождению, благородству. Внутри господствующего сословия – дворянства – существовал довольно узкий слой *аристократов*. Именно они и представляли собой людей, по праву рождения властвовавших над традиционным обществом. Но здесь нужно оговориться, что сам термин «аристократия» для обозначения особой социальной группы Средневековья (в отличие от аристотелевского понимания – для характеристики режима, образа политического правления) появился в европейских языках в XVII–XVIII вв. Стал же он

38. Safire W. *Safire's political dictionary: Updated and expanded edition*. – Oxford; New York, 2008. – P. 213–214.

общеупотребительным в XIX в.³⁹. В этом смысле «аристократия» и «элита» – однопорядковые термины и понятия. Об этом в научной литературе уже неоднократно говорилось⁴⁰. В ранних элитологических текстах (В. Парето) эти два слова используются как синонимы (впрочем, как и «правлящий класс», «господствующий класс»). «За исключением коротких периодов времени народы всегда управлялись элитой, – писал Парето. – Я использую слово элита (ит. *aristocrazia*) в его этимологическом смысле, означая наиболее сильных, энергичных и способных – как к добру, так и к злу»⁴¹. Употребление упомянутых двух слов как взаимозаменяющих вполне объяснимо в силу, во-первых, только начавшегося перехода традиционного общества в индустриальное; во-вторых, их генетически-этимологической близости. В-третьих, как отмечается в литературе, принципиально консервативные и антидемократические представления, легшие в основу ранних теорий элит (помимо В. Парето к ним относят Г. Моска и

Р. Михельса)⁴², естественным образом тяготели к традиционным социальным номинациям.

Однако Гаэтано Моска предпочитал наряду с «правлящим классом» и «управляющим меньшинством» употреблять термин «политический класс»,

39. Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия (1603–1629). – СПб., 2005. – С. 36–37.

40. См., напр.: Keller S. *Beyond the ruling class: Strategic elites in modern society*. New York, 1968; Keller S. *Elites* // *International encyclopedia of the social sciences* / Ed. by D.L. Sills. Vol. 5. – New York, 1968; Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. Изд. 2-е, доп. – М., 2000; Дука А.В. Перспективы социологического анализа властных элит // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2000. № 1; Дука А.В. Властные элиты: социологический анализ // *Элитизм в России: «за» и «против»: Сб. матер. интернет-конференции, февраль-май 2002 г.* / Под общ. ред. В.П. Мохова. – Пермь, 2002.

41. Pareto V. *The rise and fall of the elites: An application of theoretical sociology*. – New Brunswick; London, 1991. – P. 36.

42. См.: Nye R.A. *The anti-democratic sources of elite theory: Pareto, Mosca, Michels*. – London; Beverly Hills, 1977; Blondel J.; Müller-Rommel F. *Political Elites* // *The Oxford handbook of political behavior* / Ed. by Russell J. Dalton and Hans-Dieter Klingemann. – Oxford; New York, 2007. – P. 820–821. Выразительно название статьи Джеймса Александера: «Вильфредо Парето: Карл Маркс фашизма» (Alexander J. Vilfredo Pareto: *The Karl Marx of fascism* // *Journal of historical review*. – 1994, Vol. 14. – № 5).

рассматривая его эквивалентом «элиты»⁴³. Последнее понятие он считал неточным и слишком оценочным. Кстати, следует отметить, что, как отмечал С. Файнер вслед за Джованни Сартори, паретовское «*classe governante*» («правлящий класс») лучше переводить как «ведущее меньшинство» («*leading minorities*» – «*minoranze guidatrice*»)⁴⁴, приближая, тем самым, это понятие к такому важному смысловому оттенку «элиты» как немногочисленность данного слоя / группы.

В социалистических обществах в силу идейного монизма потребности в использовании понятия «элита» не было. После начавшейся общественной трансформации и плюрализации обществоведения с восприятием западных концепций элитологический анализ стал одним из инструментов научного анализа российского общества. Доминирующим стало определение элиты в структурно-функциональном ключе, хотя разрабатываются и иные подходы. Стоит подчеркнуть, что для отечественного мейнстрима в исследовании элит безусловно превалирует представление, что *они есть*, но могут обладать разными характеристиками, подчас не очень привлекательными и далеко не «лучшими». Однако это не ставит под сомнение само наличие данных социальных групп в России и других постсоциалистических странах.

Тем не менее так ли уж наивно-обыденным является употребление термина «элита» для обозначения «лучших»? Тем более, что и часть политологических словарей трактует элиту в оценочном ключе: «наиболее видные представители части общества, слоя, группы, политического движения и т.д., обладающие высокими профессиональными и деловыми качествами, глубоким интеллектом, что выделяет их из окружающей среды»⁴⁵. Проблема, скорее, не в непонимании и неверном употреблении научного термина, а в ощущении, что наверху *должны* быть лучшие и «что-то здесь не так с нашей элитой». Ответ может быть связан с особенностями структурирования современного общества, которое бюрократизировано в большей степени, чем доиндустриальное. Роль формальных публичных институтов чрезвычайно высока. Более того, они пытаются формировать, регулировать, нормировать все большее число сторон общественной жизни (иногда, как это ни парадоксально, вместе с ростом демократии). Очевидно,

43. Mosca G. *A short history of political philosophy*. – New York, 1972. – P. 248. См. также письмо Моска Р. Серено от 5 июля 1938 г.: Sereno R. *Note on Gaetano Mosca* // *The American political science review*. – 1952, Vol. 46, № 2.

44. Finer S.E. *Pareto and pluto-democracy: The retreat to Galapagos* // *The American political science Review*. – 1968 – Vol. 62, No. 2. – P. 446.

45. *Политологический словарь: Учеб. пособие* / Под ред. В.Ф. Халипова. – М., 1995. – С. 169–170; *Введение в политологию: Словарь-справочник* / Сост. Г.Л. Купряшин, Т.П. Лебедева, Г.И. Марченко и др. Под ред. В.П. Пугачева. – М., 1996. – С. 254.

что это делают не сами институты, а персоны, занимающие в них важнейшие позиции. Складывается ситуация приобщения начальствующих лиц к тем видам деятельности, которые они возглавляют, контролируют и которым задают формальные основания их существования. Сама институционализация обуславливает деятельности задает такое положение вещей.

Можно предположить, что существует две параллельных (иногда совпадающих) элиты в любом институциональном порядке. Под последним понимается система институтов внутри социальной структуры общества, имеющих близкие или одинаковые цели и результаты своей деятельности и объективно выполняющих схожие функции⁴⁶. Это связано с тем, что одновременно сосуществуют, как минимум, две вертикали, на вершине которых находятся элиты. Каждая представляет собой особый институциональный субпорядок, требующий собственного анализа. Первый тип (вид) элиты интегрирует и структурно стабилизирует социальную активность в рамках данной сферы деятельности⁴⁷. Условно ее можно назвать «институциональной элитой», поскольку она интегрирована в формальные социальные институты. Элиты второго типа задают образцы поведения, действий, мысли, стиля, образа жизни – то, что связано с производством и воспроизводством культуры группы, слоя, общества⁴⁸. Отсюда ее возможное определение как «культурной элиты», нацеленной на инновацию и трансмиссию лучших достижений. Особенно это отличие очевидно в «творческих» видах деятельности – искусстве, журналистике, науке, спорте и т.п.⁴⁹ В этом отношении вполне правомерно говорить об элите достижений –

46. См.: Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. – New York, 1964. – P. 25.

47. См. об этой функции элит: Манхейм К. *Человек и общество в эпоху преобразования* // Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. – М., 1994; Тоффлер Э. *Третья волна*. – М., 1999; Keller S. *Beyond the ruling class: Strategic elites in modern society*. – New York, 1968 и др.

48. О формировании, поддержании и воспроизводстве культуры высших страт см.: Веблен Т. *Теория праздного класса*. – М., 1984; Уорнер У. *Живые и мертвые*. – М.; СПб., 2000; Warner W.L. and Associates. *Democracy in Jonesville: A study in quality and inequality*. – New York, 1964 и др.

49. О специфическом виде элиты – знаменитостях / см.: Keller S. *Celebrities as a national elite* // *Political elites and social change: Studies of elite roles and attitudes* / Ed. by Moshe M. Czudnowski. De Kalb, 1983.

совершенно в духе хрестоматийного определения элиты В. Парето⁵⁰ или описания меритократии М. Янга⁵¹.

Отмеченная дихотомия элит порождает противоречие между формальным (институциональным) и неформальным (достижительным) принципами отнесения тех или иных лиц к элите. Так, например, известного ученого Д.И. Менделеева не избрали в Императорскую Санкт-Петербургскую Академию Наук. Но одновременно ее президентом мог быть, к примеру, Великий князь Константин Константинович, человек, конечно, талантливый, но не более. Бюрократическая (управленческая) и собственно научная деятельность, их признание (научное, общественное и государственное) могут существенно расходиться. Аналогичное положение достаточно обычно и в других творческих сферах. Современный пример – назначение в Санкт-Петербурге директором филармонии человека, не имеющего отношения к профессиональному музицированию, но связанному с властными группами⁵² и т.п.

Обычно в отечественной публицистической и части научной литературы данное противоречивое сосуществование рассматриваемых здесь институциональных субпорядков и соответствующих им элит описывается достаточно образно, но упрощенно как противостояние интеллигенции и бюрократии: «В качестве элитарного фактора русская интеллигенция представляла себя антиподом чиновничества по всем ориентирам (служение – служба, творчество – исполнение, свобода – послушание, мир символов – иерархия начальников, исторический «отбор» – назначение власть имущими и т.д. ...)»⁵³. Первая элита занимает позицию и организует деятельность в масштабах группы, общества. Она зачастую формально определена и закреплена. Это статусные начальники, достижения которых в иерархических структурах более характеризуют саму социальную структуру и принципы ее существования, чем человека, в ней функционирующего. Вторая элита являет, прежде всего, индивидуальные, личностные достижения и занимается организацией *своей* и, иногда, своих учеников и последователей деятельности. И тем самым, поскольку эти достижения признаются всем

50. Парето В. *Трактат по общей социологии [Выдержки]* // Осипова Е.В. *Социология Вильфредо Парето: Политический аспект*. – СПб., 2004. – С. 131–132. [§ 2027].

51. Young M.D. *The rise of the meritocracy 1870–2033. The new elite of our social revolution*. – New York, 1959.

52. См., напр.: Славкина М. *Кто копает под Сучилкину?* // Сайт «АПН Северо-Запад». 17.07.2007 (<http://www.apn-spb.ru/publications/print1318.htm>, доступно 17.07.2007).

53. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. *Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования*. – М., 2007. – С. 8.

обществом или его наиболее влиятельной частью, она задает нормы деятельности, ориентационные практики поведения формально далеко не всегда закрепленные.

Но есть и нечто принципиально общее у данных двух типов элит – *фиксация и определение социальных границ*. Это то, что конституирует данную группу как элиту, поскольку именно право и возможность фиксировать других и себя в системе социальных координат определяет истинное руководство. Номинация и демаркация могут возникать и стихийно, но конечные решения⁵⁴ и квалификации здесь наиболее существенны. Однако способы, инструменты, ресурсы и легитимация различны. Отсюда различны системы и принципы стратификации, что и фиксируется исследователями как рассогласованность эмпирической реальности и теоретической ее интерпретации. Так, еще В. Парето отмечал: «...правящая элита носит ярлык, соответствующий высоким политическим постам: министров, сенаторов, депутатов, вершителей правосудия, генералов, полковников и так далее. Соответственно исключение надо сделать для тех, кто попал в эту высокопоставленную компанию, не обладая качествами, соответствующими тем ярлыкам, которые они носят»⁵⁵. Вместе с тем, надо отметить, что часто внешние наблюдатели не принимают во внимание, что как раз «соответствующие качества» и помогли тем или иным персонам попасть на верх социальной лестницы, хотя они могут таковыми и не казаться. Помимо этого, на ученого (шире – на читающую публику) влияют и функционирующие в обществе базовые нормативные представления идеально-типического свойства. (Здесь достаточно сослаться на насыщенность информационного пространства современного общества рекламой и упоминанием «элитной мебели», «элитного кофе», «элитных парикмахерских» и проч.) Следует сказать, что позиции властных элит в значительной степени включают необходимость совмещения «культурной» и «институциональной» определенности в силу тотальности власти в современном обществе и господства бюрократии⁵⁶. Поэтому стиль поведения и образ жизни представителей властной элиты могут выступать как образец для подражания и рассматриваться публикой как именно «элитные».

54. Шмитт К. Политическая теология. – М., 2000. – С. 26.

55. Парето В. Трактат по общей социологии [Выдержки] // Осипова Е.В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. – СПб., 2004. – С. 133. [§ 2035].

56. Nisbet R.A. The Sociological tradition. – New York, 1966 – Ch. 4; Aberbach J.D., Putnam R.D., Rockman B.A. Bureaucrats and Politicians in Western Democracies. – Cambridge; London, 1981. – P. 1–23.

Современная Россия едва ли не в массовом порядке явила миру такой феномен как стремление представителей властных элит «обозначить» свою причастность к науке и обрести статус ученых посредством защиты кандидатских и докторских диссертаций⁵⁷. Здесь одновременно задействуются два механизма: создание дистанции между простыми гражданами и элитой⁵⁸, а также придание членам властных групп большей легитимности. Последнее близко к описанию Дэвидом Истоном идеологической легитимности власти: «Моральная убежденность в законности занятия должностей лицами, осуществляющими властные полномочия»⁵⁹. Действительно, соединение в одном лице «эксперта» и «властителя», человека принимающего решения подчеркивает неслучайность занятия позиции (власть знатока⁶⁰). Человек становится начальником «по праву», соединяя в одном лице принадлежность к культурной элите знания и институциональной элите руководства. Причем показательно, что темы диссертаций по большей части связаны с непосредственной деятельностью соискателя, подчеркивая его квалификацию знающего лидера, одновременно являющегося экспертом по проблемам региона и его управлению. Несколько примеров по субъектам Российской Федерации, начинающимся на букву «А». Докторская диссертация президента Адыгеи А.А. Джаримова (1992–2002) написана на тему «Механизм включения экономики республики в единое рыночное пространство России» (1995). Работа архангельского губернатора А.А. Ефремова (1996–2004) защищена с заголовком «Повышение роли государства в управлении промышленностью региона» (1999); астраханского губернатора А.А. Жилкина (с 2004 г.) – «Сохранение видового разнообразия и восстановления природно-хозяйственных комплексов Северного Прикаспия» (2005). В последнем случае кандидатская

57. Периодически в прессе появляются публикации на сей счет. См., напр.: Левичева В. Товарищ, вы - большой ученый // Российская газета. – 2002, 15 мая; Фисун А. Возведение в ложную степень // Там же; Меликова Н. Большие докторов наук, хороших и разных: Чиновники и бизнесмены активно защищают докторские диссертации // Независимая газета. – 2007, 23 апреля. К сожалению, научной рефлексии по этому поводу не очень много. Любопытное исследование отношения ученой публики к данному процессу см.: Юревич А. Остепененные чужаки // Независимая газета. – 2006, 25 января.

58. О проблеме дистанцирования см.: Дука А.В. Институционализация и социальное дистанцирование властных элит // Власть, государство и элиты в современном обществе: Сборник материалов второго всероссийского научного семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» (16–18 октября 2003 года, Санкт-Петербург) / Под ред. А.В. Дуки и В.П. Мохова. – Пермь, 2005.

59. Easton D. A Systems analysis of political life. – New York; London, 1965. – P. 287.

60. См.: Хеккхаузен Х. Мотивация и деятельность. – М., 1986. – С. 309.

диссертация человеком элиты была защищена в бытность им первым заместителем главы администрации Астраханской области (1996), а базовое его образование было весьма далеким от выбранной темы (закончил физико-математический факультет Астраханского педагогического института). Схожая ситуация фиксируется и на федеральном уровне.

Еще одним важным инструментом поднятия престижа представителей элитных групп как экспертов является членство во всевозможных академиях⁶¹, получение звания почетного профессора университетов. В отличие от брежневских времен, когда партийные и советские руководители проявляли повышенный интерес к званиям и титулам, роль данных механизмов повышения символического капитала властной элиты в постсоветское время не ограничивается сферой престижного потребления. Эти механизмы функциональны в отношении процесса институционализации новых властных групп. Они еще не стали «умом, честью и совестью нашего времени» и нашего общества и должны демонстрировать свой «ум» (особенно в условиях кризисного существования), предъявляя всевозможные сертификаты.

Имеет смысл особо остановиться на случае появления новых институтов, не признаваемых официально и частично отвергаемых (в основном в моральном отношении) всем обществом. Параллельные иерархические системы в условиях позднего государственного социализма в литературе (в том числе мемуарной) достаточно описаны. Возникающий капитализм первоначально существовал как (полу)криминальная сфера деятельности, хотя и основанная на «лучших» характеристиках активных в ней индивидов, поскольку эти характеристики позволяли достигать им успеха. Д. Лэйн и К. Росс писали о двух вертикалях: «Планирующая и административная система, контролируемая политическим классом, и квази-рыночная система с зарождающимся классом, обладающим интеллектуальными качествами и навыками». Отсюда два критерия стратификации: контроль над физическими активами и товарность деловых качеств, их пригодность для продажи⁶². Рассмотренная с точки зрения социальных групп, структурирующих данные системы и доминирующих в них, такого рода ситуация может быть описана

61. В отношении РАН см.: Покровский В., Ваганов А., Гомзикова С., Миненко С. Вскрыть Академию // Независимая газета. – 2006, 14 апреля; Таратута Ю. Работа по соискательству // Коммерсантъ. – 2008. 18 февраля; Группа чиновников метит в академики // Сайт «Грани.ру». 18.02.2008 (<http://grani.ru/Society/Science/p.133640.html/>).

62. Lane D., Ross C. *The Russian political elites, 1991–95: Recruitment and renewal // Postcommunist elites and democracy in Eastern Europe / Ed. by J. Higley, J. Pakulski and W. Wesołowski. – Basingstoke, 1998. – P. 57.*

сквозь призму противоборства элит и контр-элит. Исторически мы знаем, что победу одержали последние. Причем, в число новых «хозяев» частично вошли и прежние «слуги народа». Это вхождение и организация новой деятельности сопровождались приватизацией общественных институтов и ресурсов. Качества, необходимые для эффективного разрушения и присвоения, естественно, отличаются от тех, которые потребны для сохранения и созидания. Но схожим образом обстояло дело с персонами, достигавшими больших результатов в политике и административной деятельности. Для успеха в новых обстоятельствах требовалось, прежде всего, отринуть нормы и ценности старого мира, ориентированные на стабильность существовавшего «старого порядка» и связанные с определенными этическими представлениями устойчиво функционирующего общества. Социетальные изменения, принципиальная реинституционализация основных сфер общественной жизни создают релятивизм оценок, подвижность правил, «нестандартное» поведение не только у «простых» граждан, но и у «отборных». Отсюда естественность оценок доминирующих групп как «ненастоящая элита», «клики» и т.п. и их эмоциональное неприятие.

Любопытный пример рассогласования представлений о «высоком» и «низком», разрушения прежних иерархий в условиях общественных трансформаций дает в своих дневниках Михаил Пришвин. Его арестовали в начале 1918 г. вместе с другими «бывшими». Писатель отмечает:

«И про меня кто-то сказал:

- Это известный писатель!

Арестующий комиссар ответил:

- С 25-го числа это не признается»⁶³.

Формулировка комиссара универсальна для всех эпох перемен. Вместе с тем общество может тоже не признавать «комиссаров» в нравственном, эстетическом или каком-либо ином отношении. Однако научный анализ по необходимости требует минимизации оценочных суждений, способствующих релятивизму оснований и выводов научного исследования.

В заключение несколько слов об отечественной властной элите. Обращусь к важному с методологической точки зрения марксову различению класса-в-себе и класса-для-себя. Первое понятие связано с наличием объективных характеристик, позволяющих говорить о сформированности определенной социальной группы в данной социальной системе. Второе – с

63. Пришвин М.М. Дневники 1918–1919. Кн. 2. – М., 1994. – С. 6.

субъективным представлением и осознанностью данной группой (или ее наиболее активной части) своих интересов и своей социальной «миссии».

Можно сказать, что объективно существует социальная группа, выполняющая функции общего управления и стабилизации социальной системы. Как она это делает – другой вопрос. Данная группа вырабатывает и транслирует базовые принципы символического универсума, включая правила для всего общества и для своих членов, стремится их поддерживать, осуществляя различного рода санкции. Она также контролирует основные общественные ресурсы, распределяя их в интересах как общества, так и «своих». Именно такую группу принято в науке называть властной элитой. И она в России существует.

Субъективно эта группа может по разным причинам не воспринимать себя как элита и отказываться от такого наименования. В начале 1990-х годов многие исследования показывали, что новая российская властвующая группа скорее идентифицировала себя со «средним классом»⁶⁴. Начиная с 2000-х ее самоощущение и его экспликация значительно меняются⁶⁵. Весьма показательны интервью Д. Медведева «Эксперту» в 2005 г.⁶⁶. Тогдашний руководитель администрации президента В. Путина и нынешний президент России говорит об элитах как о вполне естественном явлении. Значительная часть интервью посвящена федеральным и региональным элитам. Это текст человека элиты о своей группе и проблемах общества с точки зрения ее представителя. Несколько раньше В. Черкесов, директор Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, опубликовал статью в «Комсомольской правде», посвященную в основном тем, «кто занимается сейчас проблемами государственного управления на разных уровнях законодательной и исполнительной власти страны» и представляет собой «сообщество наше – профессиональное, сословное, духовное, социально-культурное»⁶⁷. Здесь важно, что достаточно четко проводится демаркация между «опорным государственным сословием» и остальным населением. Очевидно, что это взгляд именно элитарный. Причем, демаркация достаточно ясная: «Необходимо постоянное самоочищение как недопущение в свою среду антигосударственных и антиобщественных вирусов, которыми

64. Даже в 1998 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области лишь 5% опрошенных представителей региональной элиты отнесли себя к ней, а 93% – к среднему классу. См.: Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб., 2001.

65. См., напр.: Эпштейн Д. Совхоз «Элита» // Отечественные записки. – 2005. № 5.

66. Медведев Д. Сохранить эффективное государство в существующих границах // Эксперт. – 2005, № 13.

67. Мода на КГБ? // Комсомольская правда. – 2004. 28 декабря.

поражено наше общество». «Миссия» властной группы очевидна – сохранение государства и общества, сплочение элиты. То же и у Медведева. Но есть важный нюанс, связанный с рассмотрением последним правящей группы как формирующейся на основе многих групп элиты: «Программные цели значительной части политических сил невяжны, их идеология смазана, у них нет собственного лица. Политическая элита у нас не структурирована». Отсюда возникают специфические идеологические и политические задачи. Такая самоидентификация через общую направленность деятельности, воспринимаемую как служение, характерна не только для отечественной элиты. Она связана с разделяемыми базовыми ценностями⁶⁸. Это и задает ее специфическое отношение к остальному населению и возможных способах действия.

Еще один важный аспект – становление российской элиты как социального слоя. Появляются журналы для элиты и об элите: «Элита», «Элита Татарстана», «Regional elite» (издается в Тюмени) и др. Возникают закрытые элитные клубы. Элита начинает селиться в особых зонах, отдаляя себя от не-элиты. Можно сказать, что «для себя» российская властная элита состоялась. Более того, она начинает упорно позиционировать и пропагандировать себя именно как элита, а образ своей жизни как элитный. Взять хотя бы множество глянцевого журналов, описывающих «гламурную» жизнь. И, видимо, представителям властвующих групп это в определенной степени необходимо, чтобы, как они полагают, читатели дали утвердительный ответ на вопрос Т. Койчуева: «Можно ли считать элитой, т.е. избранными, выдающимися, лучшими тех, кто занимает определенные должности, известен, популярен, безотносительно к его идеологическим ориентирам и личностным качествам?»⁶⁹.

68. Данная характеристика подчеркивалась многими исследователями, начиная с классиков элитологии.

69. Койчнев Т. Указ. соч. – С. 3.

А.Е. Чирикова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

**Чирикова Алла Евгеньевна – доктор
социологических наук, ведущий научный
сотрудник Института социологии РАН.**

Сложные и противоречивые политические процессы, направленные на унификацию политического российского пространства, предпринятую федеральным Центром, ставят перед исследователями целый ряд важных вопросов. Насколько в реальности удастся достичь «политического выравнивания» в практике политической жизни, учитывая региональное многообразие и множественность экономических и политических интересов региональных политических игроков? Исходя из каких теоретических оснований следует подходить к анализу элиты вообще и региональной элиты, в частности, чтобы последствия предпринятых решений были видны наиболее отчетливо, а размышления о проблеме качества элиты не оправдывали бы неэффективности общих стратегических подходов? Как влияют на региональные политические процессы новые политические правила – так называемое укрепление вертикали власти и связанные с ней институциональные изменения в формировании губернаторского корпуса? Как предпринятые шаги отражаются на характере политического действия и мотивации основных политических и экономических игроков регионального уровня?

Ответы на поставленные вопросы могут быть получены на основе анализа ситуации на местах, в конкретных российских регионах. Без исследования региональной элиты, ее мотивации и готовности действовать в том или ином направлении, невозможно сегодня представить общую картину власти в России, ее проблемы и противоречия. И это не случайно. В годы перемен региональные элиты превратились в значимый ресурс российской политики. Даже сегодня, несмотря на выстроенную вертикаль, региональная

властная

элита

сохраняет большой ресурсный потенциал, продолжает контролировать внутрирегиональные процессы, вынуждая московских политиков, прямо или косвенно, считаться со своим влиянием.

Региональная проекция позволяет осознать неоднозначность и многомерность политических, институциональных и социально-экономических сдвигов, которые произошли на российском политическом пространстве за время президентства Владимира Путина.

Цель настоящей статьи, опираясь на теоретический и эмпирический анализ, проанализировать изменения, происходящие в региональном политическом сообществе, вскрыть мотивацию и характер политического реагирования региональных элит на изменение «политических правил», привести оценку предпринятых изменений со стороны федерального Центра самими региональными элитами.

Эмпирическая база работы – вторичный анализ данных социологических опросов элит, в том числе региональных, полученных Центром Ю. Левады в 2006 г.)¹, материалы собственных исследований, проведенных автором в 2004 г. (совместно с Н. Лапиной)) и 2006–2007 гг. (совместно с Л. Дробижевой). Исследования проводились с использованием техники глубинных интервью в среде региональных элит в пяти российских регионах. Всего было проведено 102 интервью с представителями региональных элит, 22 интервью с региональными экспертами.

Переход к эмпирическому анализу региональных элит целесообразно предварить некоторыми теоретическими размышлениями относительно того, кого собственно сегодня можно относить к элите. Какие теоретические предпосылки дают наибольшие возможности для эмпирического анализа политического поведения российских элит? Можно ли выйти из тупика определений категории элиты? Какой из теоретических подходов при эмпирическом изучении элит дает для этого наибольшие возможности?

Понятие элиты: Есть ли выход из тупика определений?

Дискуссии о содержании понятия «элита» в российской политологии и социологии не прекращаются уже более 15 лет. В последнее время они звучат

1. Вторичный анализ осуществляется на основе эмпирических данных, полученных в ходе трех волн экспертного опроса, проведенного сотрудниками Аналитического центра Юрия Левады по заказу Фонда «Либеральная миссия» в 2005–2006 гг., результаты которых опубликованы в монографии Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Ю.А. Левады «Проблема “элиты в сегодняшней России”» (М., 2007).

все более актуально. В этих дискуссиях вновь всплывает вопрос о том, кого следует относить к элите и существует ли в России элита как таковая.

Некоторые из авторов занимают весьма радикальную позицию в ведущихся спорах, предлагая различать настоящую элиту и псевдоэлиту, которая в современной России находится у власти. Настоящая элита, в противовес псевдоэлите, – «это группа, указывающая обществу путь к совершенствованию, путь в лучшее будущее, приближающая его своей деятельностью. Это патриоты Отечества и одновременно – граждане мира»².

Главными критериями принадлежности к элитному слою выступают не занимаемые позиции во власти, не сила влияния и даже не размер богатства, а направленность общественной деятельности, ее моральная сторона, авторитетность и инновационность в глазах общества, включенность элитных субъектов в воспроизводство высоких нравственных норм, принятых в данном обществе.

Ценностный критерий отнесенности к элите, как основной, при определении ее границ, однако, обозначают далеко не все российские элитологи, хотя определенной части исследователей элит эта точка зрения достаточно близка. Например, А.Г. Чернышов на вопрос: «Не являются ли современные российские элиты квазиэлитами?», отвечает определенно: «Да, являются»³.

В целом разделяет данную позицию и Г. Ашин., который убежден, что, «выполняя элитные обязанности, российская элита, по существу, является «исполняющей обязанности» элиты»⁴.

Однако большинство элитологов в ходе экспертного опроса, проведенного Северо-Кавказской академией государственной службы, в 2007 г. склонны были трактовать элиту более широко, выделяя не только ценностные, но и функциональные критерии ее определения⁵. Так, О.В. Гаман-Голутвина на вопрос о критериях отнесения к элите, приводит следующие основания: «Ответ на вопрос об отнесении к элите зависит от используемого критерия.

С точки зрения функционального критерия (элита как сообщество лиц, принимающих решение) в любом обществе существует элита. Российское

2. Койчуев Т. *Элита постсоциалистического общества: Кого к ней относить?* // *Общество и экономика* 2007. № 5–6. С. 4.

3. Понеделков А.В. Старостин А.М. *Элитологи об элитах. Ростов на Дону* 2007. С. 105

4. Там же. С. 39.

5. Там же. С. 7.

общество не исключение. Другое дело, что с точки зрения меритократического критерия, российская элита оставляет желать лучшего»⁶.

Отказаться от нормативного подхода к определению элиты предлагает и другой известный исследователь российской власти В. Ледаев: «Я предпочитаю не использовать термины типа «квазиэлита», подразумевающие нормативные элементы в содержании понятия «элита». Элита – это группа людей, обладающая политической властью»⁷.

К наивному социально-нормативному взгляду на элиту А. Дука относит подход, согласно которому элиты выступают синонимом «хороших, лучших, замечательных людей»⁸. По его мнению, в социологии и политологии предпочтительней функциональный подход, исходя из которого в России элита все-таки есть; другое дело, что отечественную можно скорее отнести к номенклатуре.

Если обобщить многообразие сложившихся подходов к определению элиты, то можно вполне обоснованно констатировать – *данная научная категория представляет собой понятие, разрабатываемое в рамках различных научных школ, поэтому ее многообразие есть закономерный результат вариативности концептуальных схем, которые нельзя даже при всем желании свести только к ценностному, структурно-функциональному или позиционному подходу. Выход из тупика определений – не в ценностном взгляде на проблему, а в попытке выделить в критериях отнесения к элите те из них, которые являются несущими и интегрируют в себе характеристики, ключевые с точки зрения реального политического действия.*

Именно поэтому реконструкция понятия элиты, на мой взгляд, должна производиться с позиции субъектно-деятельностного подхода. В рамках названного подхода элита предстает как *действующий субъект, оказывающий прямое или косвенное влияние на принятие важнейших решений, за счет чего она занимает соответствующее положение в обществе.* Данное определение предполагает соединение институциональных и поведенческих (субъектных) направлений в изучении элиты, которое, как представляется, и может вывести исследователей элит из «ловушки» многообразия определений.

Подобный подход существенно расширяет привычные рамки изучения элит в российской социологии и политологии, не изменяя и не искажая при этом ее базового вектора.

6. Там же. С. 44.

7. Там же. С. 29.

8. Там же. С. 49.

Как правило, российские исследования элит находятся в русле аналитического подхода. Как и в зарубежной научной литературе, у российских исследователей нет однозначного толкования категории элиты, хотя можно утверждать, что дисперсия этих определений значительно ниже по сравнению с западными трактовками хотя бы потому, что российские исследовате-

ли изучают проблему элиты сравнительно недолго, избегая давления каких-либо идеологических установок⁹.

Несмотря на многообразие определений, некоторые российские социологи предлагают выделить три группы определений категории элит:

1. Элита – это верхние слои общества, группы, занимающие в нем высшие или ведущие позиции (властные, экономические, профессиональные и пр.).

2. Элита – это совокупность относительно замкнутых групп, доступ в которые ограничен и регулируется механизмом достаточно жесткого отбора.

3. Элита – это группы, обладающие особыми культурными ориентациями и менталитетом, образом жизни и действия, которые отделяют их от прочего населения, поддерживая с ним ощутимую социальную дистанцию. Элитные нормы для населения высокопривлекательны, но при этом малодоступны.

Первое определение фиксирует элиту как номинальную статистическую группу. Второе – высвечивает институциональные рамки в виде корпоративной организации, регулирующей процессы социальной мобильности. Третье – предполагает определенное «единство» норм как основу сходного поведения. Здесь также содержится указание на регулируемую роль элиты в обществе¹⁰.

Весьма характерной для российских исследований является стремление рассматривать элиту с позиций репутационного или функционального подхода. Данная тенденция остается доминирующей для исследований последних лет. Особенно это характерно для эмпирического изучения региональной элиты¹¹.

9. См., например: Гельман В. «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // *Политические исследования*. – 1991. № 1. – С. 29. Дробижева Л.М. 110 интервью с элитой Леокадии Дробижевой. – М., 1997. – С. 12. Барзилов С. Чернышов А. Провинция: Элита, номенклатура, интеллигенция // *Свободная мысль*. 1996. № 1. – С. 34. Гаман О. *Политические элиты: Эволюция теоретических концепций*. – М., 1996. – С. 4.

10. Радаев В.В. Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. – М., 1995. – С. 167.

11. *Региональная элита современной России* / Отв. ред. Я. Фрухтман. М. Фонд «Либеральная миссия». 2005. Соколова Т. Феномен губернаторской власти в России:

Чаще всего базовыми признаками в определении элиты у российских исследователей являются, с одной стороны, ее властный потенциал, способность принимать или влиять на принятие важных стратегических решений, а с другой – деятельностный масштаб, близость к центрам принятия решений, способность совершать конкретные политические действия по управлению обществом, государством, регионом.

«Функциональный подход к определению элит явно и вполне оправданно преобладает среди российских исследователей. Некоторые авторы напрямую заимствуют операциональные определения, например, “властвующей элиты”, по Миллсу, или критерии выделения элит по принципу участия в принятии решений, по Хигли», – замечают в одной из работ санкт-петербургские политологи¹².

Ряд ведущих российских социологов закономерно расширяют границы функционального подхода, правомерно полагая, что «причастность к элите подразумевает два важнейших качества: лояльность власти или оппозиция ей, а также способность влиять на общественное мнение, обладание некоторым потенциалом для массовой мобилизации»¹³.

В свою очередь, «статичные» характеристики элиты меритократического плана, социальные качества элит практически не берутся в расчет исследователями, за исключением ряда авторов¹⁴. Достаточно вспомнить работу Ю. Левады, который различает в своих работах публичную и социальную элиты, показывая тем самым необходимость различать действительные группы элит от тех, кто стремится продемонстрировать свою мнимую влияние в глазах общественного мнения¹⁵.

Смещение понятия «элита» в современной российской социологии и политологии к термину, базовым содержанием которого становится именно *деятельностный аспект, в котором решающее место отводится субъекту и результативности его деятельности*, представляется весьма важным и

Модели политического лидерства. – Пермь, 2006. – С. 21. Сельцер Д. Взлеты и падения номенклатуры. – Тамбов, 2007. – С. 21.

12. Гельман Г., Тарусина И. Изучение политических элит в России: Проблемы и альтернативы // *Элитизм в России: За и против*. – Пермь, 2002. – С. 15.

13. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Ю.А. Левада. Проблема «элиты» в сегодняшней России». – М., Фонд Либеральная миссия. – 2007. – С. 33.

14. См. Тощенко Ж. Элита? Клан? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правит нами? // *Социологические исследования*. – 1999. №11. – С. 124. Койчуев Т. Элита постсоциалистического общества: Кого к ней относить? // *Общество и экономика*. – 2007. № 5–6. – С. 12.

15. Левада Ю. Еще раз о проблеме социальной элиты // *От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000*. – М., 2000. – С. 54.

принципиальным¹⁶. И это вполне закономерно для России. Длительное время политического бездействия и политического подчинения сформулировало особый запрос на социальное действие и приподняло над остальными тех, кто способен их осуществлять.

Не менее важен и другой аспект. Запрос на особые социальные качества элиты в России если и появится, то несколько позднее. В настоящее время можно говорить о том, что субъекты, занимающие ведущие позиции во власти или бизнесе, вышли из советских семей. Это означает, что они не обладали серьезными различиями в образовательном или профессиональном ресурсах, поэтому их превращение в элиту происходило не «до», а «после» того, как они заняли эти ведущие позиции. *«Догоняющая элитарность»*, таким образом, является естественной характеристикой российской элиты хотя бы потому, что изначально стартовые возможности претендентов на занятие элитных позиций не сильно отличались друг от друга. Даже если они и имелись, то касались капитала социальных связей, номенклатурного и партийного опыта, а отнюдь не личностного или иного потенциала.

Одновременно обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на не снижающийся запрос исследователей на необходимость системного подхода к изучению элиты, предлагаемые определения по существу не содержат системных характеристик. Они остаются практически нечувствительными к множественности элитных групп, к их поведенческим и личностным качествам. Ориентируясь преимущественно на потенциал власти и характер влияния на принимаемые решения, предлагаемые определения не устанавливают параметры этого влияния, не отделяют результативные влияния от нерезультативных.

Именно поэтому следующий шаг, который может быть сделан в определении понятия «элита», адекватного современной ситуации в России, – более детальная проработка базовых категорий субъектно-деятельностного подхода с учетом поведенческих характеристик. В предлагаемом мною варианте деятельность политической элиты не отрывается от конкретного субъекта и начинает зависеть не только от позиции, занимаемой в иерархии власти, но и от индивидуальных акторов, их социальных стратегий, политических предпочтений. Субъект при этом обретает свою социально-психологическую определенность и становится персонифицированным. В этом случае мотивация его деятельности, готовность действовать в одном, а не в другом направлении, становятся определяющими при анализе деятельности современных элит.

16. Более подробное обоснование выделенной тенденции дается в работе: Чирикова А.Е. О теориях элит // *Общество и экономика*. – 2008. № 3–4. – С. 144–174.

Субъектно-деятельностный подход позволяет выделить в качестве предмета изучения элиты характер взаимодействия социальных субъектов, рассматривать политический процесс как *творение* самих субъектов, поведение которых вместе с тем определяется не только внутренними мотивами и политическими ресурсами, но и свойствами социально-политической системы. В этом случае элита предстает как объективно постигаемая социальная категория, в которой ценностная и поведенческая характеристики образуют нечто целостное и не противопоставляются друг другу.

Субъектно-деятельностный подход, в котором учитывается мотивационный аспект политического поведения, обусловленный в том числе состоянием политических институтов, характером неформальных правил, действующих в той или иной политической ситуации, позволяет наиболее полно описать конкретные практики политического поведения элиты, без изучения которых вряд ли можно обоснованно судить о характере политических процессов, происходящих сегодня в России.

Наиболее адекватную эмпирическую базу для проведения подобной работы предоставляет, на мой взгляд, анализ политических практик региональных элит. Данные практики отличаются вариативностью, связанной с социально-экономическими, социально-политическими и социально-культурными различиями регионов. Немаловажную роль в вариативности политических практик региональных элит продолжает играть тот факт, что сегодня они вынуждены действовать в рамках серьезных ограничительных коридоров, обусловленных унифицированным характером политики федерального Центра. Именно поэтому на разницу экономического, политического и культурного потенциала регионов накладываются различия в персональных стратегиях политического поведения игроков, которые стремятся адаптировать предпринимаемые Центром шаги к условиям своего региона. Немаловажное значение в этой связи приобретает собственно политическая мотивация региональных элит.

Можно предположить, что в условиях вертикали власти возможны как минимум три сценария поведения элит с соответствующей им мотивацией, имеющей, как правило, сложную структуру.

Первый сценарий «Безусловное подчинение» – адаптация к требованиям Центра, проведение требуемой политической линии без видимого сопротивления. Это не означает, что без ведома Центра региональные элиты на местах не предпринимают шагов, которые не совпадают с требованиями Кремля. Но делают они это, не афишируя ситуацию и сохраняя публичную лояльность. В основе такого поведения лежит мотивация достижения блага для региона, потребность расширить ресурсную базу региона за счет дополнительных федеральных вливаний. Мотивация блага существенно

корректируется действием другого мотивационного стимула, не менее существенного – стимула сохранения себя во власти. Модель назначения делает подобную мотивацию фактически определяющей. Данная модель поведения сегодня наиболее распространена и втягивает в свою орбиту со временем все большее число сторонников. Среди ее безусловных последователей – слабые в экономическом смысле регионы со слабой властью.

Второй сценарий «Модель торга» – формулировка собственных важных для региона требований в обмен на политическое послушание и проведение необходимых мер тактического характера. В основе подобного поведения – мотивация достижения тактических целей в ущерб стратегическим, избегания постановки долгосрочных целей. Последствия подобной стратегии вполне очевидны. Именно они приводят к прагматизации отношений между Центром и регионами на фоне сниженной модернизационной активности стратегической направленности. Стратегия в таких случаях просматривается на бумаге, но отсутствует в реальности. Данный тип поведения характерен для регионов с диверсифицированной экономикой и стабильной властью. Политические игроки регионов понимают, что они находятся с федеральной властью «в одной лодке», а следовательно, ее не стоит сильно раскачивать, чтобы не потерять собственную устойчивость. В обмен они требуют от центра преференций и, как правило, их получают.

Третий сценарий «Инерция и консерватизм» исходит из доминирования консервативных стратегий в поведении элит. В их основе желание получить как можно больше денег от Центра в виде траншей, имитируя бурную преобразовательную активность, избегая при этом существенных изменений в расстановке политических фигур, в политическом режиме, в ресурсной базе власти, что, естественно, способствует консервации политической ситуации и не дает стимулов для ее развития. Адаптационные стратегии и здесь являются доминирующими. В основе подобного поведения – вновь мотивация сохранения власти, страх перемен даже при понимании того, что без них не обойтись. Именно такая мотивация снижает скорость проведения реформ, позволяет множить число их противников, рождает уверенность в том, что в регионе слишком много ограничений для преобразований, с которыми в сложившейся ситуации трудно бороться. По оценкам экспертов, около 60% региональных элит живут и действуют в подобном режиме.

В ходе дальнейшего эмпирического анализа попытаемся проследить, какие из перечисленных сценариев политического поведения элит являются сегодня определяющими по оценкам региональных экспертов, и сопоставим полученные суждения с оценками представителей самих региональных элит.

Политические стратегии и институциональные
изменения в оценках региональных игроков

Попытка исследовать региональную элиту с позиций субъектно-деятельностного подхода предполагает анализ того, как они сами воспринимают те институциональные изменения, которые существенным образом влияют на характер их политического поведения, как им удается адаптировать политическую линию, предлагаемую Центром, к реальной ситуации на местах, сохраняя при этом политическую стабильность.

В качестве материала для анализа выделим вертикаль власти, выстроенную путинской командой, так как именно эта политическая новация является сегодня наиболее обсуждаемой и в среде политиков, и в кругу заинтересованных экспертов. И те, и другие, указывают на ее неоднозначное влияние как на характер политических процессов, происходящих в регионах, так и на политические стратегии региональных элит.

Анализ материалов глубинных интервью, проведенных нами в 2004 и 2006 гг., позволяет убедиться в том, что негативные оценки региональной элиты выстроенной вертикали по истечении времени постепенно сменяются на позитивные¹⁷.

Оставаясь частично удовлетворенными достигнутыми результатами, большинство представителей региональных элит (свыше 70%) в 2006 г. видели в выстроенной вертикали гарантию стабильности, повышение безопасности регионов, возможность получить от Центра дополнительные ресурсы.

В 2004 г. идею вертикали и ее позитивное влияние на политическую ситуацию признавали лишь около 40% представителей региональных элит.

Оценки, полученные в ходе глубинных интервью, подтверждаются данными социологического опроса, проведенного сотрудниками Центра Юрия Левады (см. табл. 1).

Весьма симптоматично в контексте выстроенной вертикали восприятие региональными элитами модели назначения, пришедшей на смену прямым выборам и существенно изменившей каналы попадания политических игроков в исполнительную власть региона как базовой составляющей вертикали власти.

Таблица 1

ОЦЕНКИ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫБОРОВ
ГУБЕРНАТОРОВ РУКОВОДИТЕЛЯМИ РЕГИОНОВ (В %)

17. Более подробный анализ изменения характера оценок региональными элитами вертикали власти можно найти в работе: Чирикова А.Е. Вертикаль власти в оценках региональных элит: Два президентских срока В. Путина // Два президентских срока В. Путина. – М.: ИНИОН РАН, 2008.

Характер оценки	Вице- губернаторы	Высокопоставленные чиновники исполнительной власти	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители и крупных госпредприятий	Высокопоставленные сотрудники и судебных органов и прокуратуры
Скорее позитивная	57	58	41	67	62	77
Скорее негативная	27	23	41	25	31	15
По-настоящему изменения еще не проводились	16	19	18	8	7	8

Источник: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема элиты в современной России. – М., 2007. – С. 327.

Полученные результаты социологического опроса фиксируют относительно высокий уровень удовлетворенности всех групп элит новой моделью назначения губернаторского корпуса. Наименее позитивно предпринятые шаги воспринимают представители законодательных органов, наиболее – представители судебных органов и прокуратуры. Обращает на себя внимание относительно большая доля тех представителей региональной исполнительной и законодательной властей, которые убеждены, что система назначения губернаторов еще не заработала в полную силу и лишь провозглашена, но не реализуется полностью. Одна из возможных причин, объясняющих данную позицию, – относительно высокая доля переназначенных губернаторов, что обусловлено серьезным кадровым дефицитом¹⁸.

Одновременно региональные акторы, как показывают данные глубинных интервью, признают, что построение вертикали власти имеет как краткосрочные, так и долгосрочные проявления. Причем, если в краткосрочной перспективе респонденты отмечают во многом позитивное влияние вертикали на региональную ситуацию, то в долгосрочной перспективе ее сохранение, по их мнению, может утратить положительный эффект.

Доминирование позитивных оценок, по мнению региональных экспертов, может объясняться возросшей прагматизацией отношений «Центр – регионы». Не исключено, по мнению экспертов, что в основе нарастающей

18. Титков А. Кризис назначений // Pro et Contra. – 2007, № 4–5 (июль–октябрь). – С. 90–103.

удовлетворенности – в одночасье наступившее осознание того факта, что быть лояльным к Центру выгоднее, чем находиться с ним в состоянии непрекращающейся войны. Однако поддержка вертикали может объясняться не только новыми возможностями, появившимися у региональных элит в условиях вертикали власти, но и убежденностью в том, что именно вертикаль власти и модель назначения губернаторов привела и к стабилизации политической ситуации в России.

Как показывают данные опросов, полученные этими же авторами, региональные элиты в подавляющем большинстве (вице-губернаторы – 69%; высокопоставленные чиновники исполнительной власти – 74; представители законодательной власти – 67; руководители крупного и среднего частного бизнеса – 69; руководители крупных госпредприятий – 76%) убеждены, что принятие законов о назначении губернаторов, изменение закона о выборах в Государственную думу и региональные законодательные собрания ведут к стабилизации ситуации в России. Более того, именно региональные элиты убеждены в том, что усиление роли федерального центра оказалось более значимым стабилизирующим фактором, чем высокие показатели экономического развития, рейтинг и авторитет Путина, рост цен на нефть, поддержка власти населением. Так считают около трети вице-губернаторов и высокопоставленных чиновников.

В то же время региональные элиты дают весьма осторожные оценки влияния выстроенной вертикали на эффективность управления, на состояние демократических институтов, на сокращение размеров коррупции и произвола местных властей. Лишь половина из опрошенных (56%) вице-губернаторов согласны с тем, что укрепление вертикали способствовало повышению эффективности власти, наведению порядка в бюджетных отношениях, в то время как другие говорят о том, что эти цели по существу достигнуты не были. Более осторожно оценивают предпринятые изменения представители законодательной власти. Лишь 35% из них признают позитивные перемены, тогда как не согласны с подобным влиянием свыше 60% опрошенных. Близкие оценки высказывают представители крупного бизнеса.

Близкая картина складывается относительно влияния предпринятых изменений на основной бич российской власти – коррумпированность и масштабы произвола чиновников.

С утверждением, что новая вертикаль власти сократила масштабы коррупции и произвол чиновников – полностью согласны 10% вице-губернаторов, 11 – высокопоставленных чиновников, 8 – представителей законодательной власти, 10 – руководителей крупного и среднего частного бизнеса, 12% руководителей государственных предприятий. Скорее согласны

44% вице-губернаторов, 39 – высокопоставленных чиновников, 31 – представителей законодательной власти, 31 – руководителей крупного и среднего частного бизнеса, 33% руководителей государственных предприятий. До половины опрошенных и более не соглашались с тем, что это повлияло на коррумпированность и произвол чиновников.

В целом около половины и более респондентов всех групп опрошенных не отмечают заметного влияния предпринятых шагов на выделенные негативные явления. Много это или мало – половина опрошенных? Что это означает в контексте мотивации политической деятельности влиятельных субъектов власти и бизнеса?

Можно предположить, что именно эта часть несогласной региональной элиты способна выйти за рамки адаптационных стратегий и модели торга в отношениях между Центром и регионами. Именно она способна сегодня предложить Центру собственные стратегии исправления сложившейся ситуации, с которыми тот просто не умеет работать. Недоверие к региональным политическим игрокам, нежелание делегировать им право на проведение собственной региональной политики приводят к тому, что власть Центра монополизирована, а ситуация от этого не делается более прозрачной, правила политической игры остаются неясными для действующих лиц регионального уровня. Не случайно, что сегодня со стороны региональных элит все более формируется запрос на *формализацию правил политического взаимодействия* между центром и регионами. Подобный вывод косвенным образом подтверждается и данными социологического опроса Аналитического центра Юрия Левады.

Большинство представителей опрошенных региональных элит не сомневаются в том, что сегодня именно неформальные политические правила определяют действенность рычагов и инструментов влияния на проведение нужных решений, идет ли речь о федеральном центре или о ситуации на местах (см. табл. 2).

Таблица 2

РЫЧАГИ И ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ
НУЖНЫХ РЕШЕНИЙ ПО МНЕНИЮ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РАЗНЫХ ЭЛИТ (В %)

<i>Рычаги и инструменты влияния</i>	<i>Вице-губернаторы</i>	<i>Высокопоставленные чиновники исполнительной власти</i>	<i>Представители законодательной власти</i>	<i>Руководители крупного и среднего частного бизнеса</i>	<i>Руководители крупных госпредприятий</i>
Близость к президенту и администрации	65	70	69	76	57

и					
Работа командой разных ветвей власти	35	26	18	16	21
Интриги, закулисные ходы	33	32	39	35	43
Финансы, крупный капитал	31	42	47	45	41
Административно-бюрократический ресурс	40	46	35	43	55
Понимание необходимости реформ, умение их реализовывать	13	12	10	2	10

Источник: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема элиты в современной России. – М., 2007. – С. 327.

Данные, приведенные в табл. 2, убедительно показывают, что региональные элиты далеки от идеализации сложившейся политической системы. До сих пор близость к администрации президента, административно-бюрократические ресурсы, интриги, финансовый капитал во многом определяют те или иные политические решения на всех уровнях власти. В то же время такие факторы, как умение работать командой, понимание необходимости реформ и умение их реализовывать, занимают весьма скромное место в этом ряду у большинства респондентов. Лишь вице-губернаторы отводят умению работать командой роль, сопоставимую с интригами и крупным капиталом. Остальные представители элитных групп относятся к этому еще более критично, что наиболее отчетливо проявляется в оценках крупного бизнеса.

Полученные результаты говорят о весьма противоречивом восприятии элитами выстроенной вертикали власти, однако, по их оценкам, преимуществ у этого политического шага больше, нежели издержек. По крайней мере, для одних представителей региональной власти вертикаль продлила жизнь в политике; для вторых – существенно упростила ее, ибо исполнять приказы сверху всегда легче; для третьих – позволила не зависеть от населения, выведя элиты из накала выборной борьбы.

Как сказался предпринятый шаг на характере деятельности элит, на их мотивационном потенциале? Повлияло ли подобное нововведение на

готовность высокопоставленных чиновников искать и находить новые ресурсы и новые возможности для развития своих территорий?

Стратегии региональных элит в оценках
региональных экспертов

Эксперты выделяют как минимум три процесса, которые определяют сегодня базовые стратегии элит и приводят к их существенной трансформации:

- *Потеря политической составляющей в стратегиях региональных элит*
- *Возврат к патернализму при взаимодействии с федеральным Центром*
- *Доминирование коротких целей над долгосрочными в политическом поведении элит*

Наибольшую тревогу у экспертов вызывает стремление Центра вывести региональную элиту из «политического поля». Следствие такого шага – нарастание моноцентризма, обретение Центром неоправданно больших полномочий, возрастание контроля, который, тем не менее практически не снижает уровня коррупции.

Эффект деполитизации стратегий региональных элит, которую отмечают региональные эксперты в своих глубинных интервью, не воспринимается, однако, схожим образом самими политическими игроками, которые в большинстве своем (свыше 50%) убеждены в том, что символические ресурсы для проведения региональной политики у них все же остаются, причем весьма значительные. Эту позицию не разделяют эксперты. По их мнению, властные функционеры явно преувеличивают имеющийся в их распоряжении символический капитал.

Важно, что Центр сегодня, по мнению экспертов, реализует задачу устранения региональных элит не только с федерального, но и регионального политического пространства с помощью партийного ресурса. Не избегает Центр и другой возможности – политические ресурсы губернатора просто обмениваются на дополнительные ресурсы в виде траншей. Фактически лояльность региональных элит выкупается Центром. Региональные элиты, получив преференции, отныне демонстрируют полную подчиненность Центру, причем делают это инициативно: *«У вертикальных чиновников все меньше остается политики. Они потеряли и властные, и символические ресурсы. У них нет другого выхода – иначе бы их взяли на заметку и отстранили. В этой ситуации регионалы проиграли. Можно говорить о том, что Центр за прошедший год просто переписал федеральный договор в свою пользу»* (екатеринбургский эксперт Виктор Мартянов).

Но попытки выкупить лояльность региональных элит с помощью преференций могут иметь опасные последствия для самих региональных элит, если они не смогут создать внутренние стимулы для развития региона: *«Губернатора, который заботится о том, чтобы его регион развивался, не могут устроить подачки Центра. Они должны на самом деле его пугать. Он не может не встраиваться в эту вертикаль, но одновременно, он должен создавать стимулы для роста своей территории»* (Константин Киселев, заместитель директора Института философии и права УРО РАН).

В свою очередь, сами представители региональной элиты продолжают оставаться в убеждении, что их политический ресурс, степень влияния на общественно-политическое и экономическое развитие страны, на определение ее курса продолжают оставаться относительно высокими, хотя и не определяющими (см. табл. 3).

Как видно из приводимой таблицы, около половины вице-губернаторов (47%) убеждены в том, что влияние региональных элит на ситуацию в стране продолжает оставаться или очень значительным, или довольно значительным. И столько же (47%) вице-губернаторов, а также 49% представителей законодательной власти считают его не слишком значительным. Обращает на себя внимание тот факт, что именно представительная власть, в большей мере, чем другие группы, фиксирует падение влияния региональных элит, в то время как представители бизнеса по существу синхронно с региональными политиками определяют роль региональных элит в политическом и экономическом развитии России относительно высоко.

Таблица 3

СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ (%)

Оценки степени влияния	Вице-губернаторы	Высокопоставленные чиновники исполнительной власти	Представители законодательной власти	Руководители крупного и среднего частного бизнеса	Руководители крупных предприятий
Очень значительное	3	8	10	8	7
Довольно значительное	44	43	25	37	45
Не слишком значительное	47	39	49	49	38
Совершенно	5	10	14	4	10

о не значительн ое					
Затрудняюс ь ответить	1	–	2	2	–

Источник: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема элиты в современной России. – М., 2007. – С. 324.

Более того, подавляющая часть региональных элит (около 2/3) убеждена в том, что интересы региональных элит имеют значение для проведения реальной и эффективной политики (см. табл. 4).

Как видно из приводимой таблицы, 67% опрошенных вице-губернаторов признают очень важной или довольно важной роль региональных элит в проведении политики реформ. Столь же высокие оценки характерны и для высокопоставленных чиновников. Лишь руководители крупных госпредприятий настроены менее оптимистично.

Вера в свою влияние и подчеркнутый прагматизм обуславливают, как показывают материалы глубинных интервью, резкое возрастание ярко выраженных адаптационных схем поведения региональных элит. Адаптация к требованиям Центра, сиюминутная выгода становятся важнее всего остального: «В изменившихся отношениях федерального Центра и власти на местах другие приоритеты выходят на первый план. Теперь региональной власти необходимо подачку от Центра схватить и быстро освоить, а что дальше будет, не важно... Так из политики исчезают политические стратегии... ради сиюминутных интересов», – убежден Алексей Глазырин, екатеринбургский эксперт.

Таблица 4

РОЛЬ ВЛИЯНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ НА ПРОВЕДЕНИЕ
РЕАЛЬНОЙ И ЭФФЕКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕФОРМ

Оценки степени влияния	Вице- губернато ры	Высокопос тавленные чиновники исполните льной власти	Представи тели законодате льной власти	Руководит ели крупного и среднего частного бизнеса	Руководители крупных госпредприят ий
Очень важная роль	7	12	14	12	12
Довольно важная роль	60	60	47	53	43
Незначительна я роль	30	27	31	31	43

Никакая роль	4	1	4	4	2
Затрудняюсь ответить	—	—	4	—	—

Источник: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема элиты в современной России. – М., 2007. – С. 340.

Но дело не только в этом. Резко возрастают патерналистские ожидания самих элит, что не может не вызывать опасений, так как серьезно перестраивает психологию самого политического лидерства и вызывает другие, не менее опасные последствия для регионов ввиду усилившейся миграции в мегаполисы наиболее образованной и активной части населения: *«Благодаря действиям Центра, патерналистская психология теперь культивируется и у элиты, которая сегодня становится предельно патерналистски настроенной. Это не стимулирует собственное развитие – “Нам дадут”. Не мы заработаем себе, хотя мы и не хотим отдавать заработанное в Центр, а нам дадут миллиард туда, миллиард сюда».*

Именно на этом фоне развивается феномен коротких целей, как у федеральной, так и у региональной власти, но подобная краткосрочность может привести к непредсказуемым результатам в перспективе.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает выдвинутое ранее предположение, что монополизация политики Центром приводит к активизации адаптационных стратегий, к укреплению модели торга в отношениях Центра и регионов, на фоне частично сохраняющейся убежденности региональных элит в своих силах и своем влиянии. Являются ли подобные суждения явной переоценкой своих возможностей, или они отражают существующий потенциал неформального, скрытого, влияния на политическую ситуацию в регионе, однозначно заключить сложно. Вероятнее всего, присутствует и то, и другое.

Результаты исследования дают основания говорить о том, что новая вертикаль власти со временем сделала политические процессы в регионы более предсказуемыми, чем раньше, и менее вариативными. Хрупкость их при этом не снизилась. В деятельности политических региональных фигур сегодня все меньше присутствует политика, по крайней мере, публичная. Центр в этой ситуации превращается в «Большого Папу» для регионов.

Регионы и его элиты, прожив 15 лет в рынке, легко возвратились в лоно патернализма, ведь там, на первый взгляд, более безопасно. Это позволяет на некоторое время гасить разговоры среди элит на тему: «Сколько мы Вам даем денег в виде налогов, а сколько денег на самом деле возвращаются из Центра?» Однако проблемы в отношениях Центра и регионов продолжают накапливаться. Далеко не все из них можно решить за счет денег Центра,

которые зарабатываются реально на местах. Федеративные отношения в России нуждаются в стратегических решениях, а не в сиюминутных договоренностях.

Заключение: Тактический выигрыш
versus стратегический проигрыш?

Сопоставление результатов, полученных в ходе глубинного интервью с региональными элитами и региональными экспертами, с одной стороны, и данные социологического опроса, проведенного аналитическим Центром Юрия Левады, ясно показывает, что отношения между Центром и регионами в условиях выстроенной вертикали явно теряют свою остроту, превращаясь в отношения иерархического соподчинения.

Вытеснение губернаторов из политического пространства не вызывает явного политического протеста у региональных элит. Причина – компенсация в виде траншей Центра на первоочередные региональные нужды.

Губернаторы по мере строительства вертикали власти все более превращаются в координаторов, отвечающих за реализацию указаний сверху. Модель назначения, которая так пугала политические элиты регионов еще четыре года назад, на деле оказалась для многих из них спасением и позволила сохранить свою власть на третий и большие сроки. Скамейка запасных у Кремля оказалась не столь длинной, а рисковать политической стабильностью в регионах федеральные элиты не рискнули.

Наращение позитивности оценок региональных элит по мере построения вертикали власти свидетельствует о том, что для них сегодня «экономическая подпитка» со стороны Центра важнее, чем сохранение политических ресурсов. Как долго будет сохраняться подобная ситуация, определить сложно. Но перевес адаптивных стратегий региональных элит над любыми другими служит тревожным сигналом того, что модернизационный прорыв в регионах может быть осуществлен только по приказу сверху. Зависимость регионального развития от приказов из Кремля увеличивается, а, следовательно, опора на собственные ресурсы становится все менее выгодной для местных элит. В лучших лидерах в невидимом рейтинге оказываются те, кому удастся привлечь наибольшее количество средств из Центра, а не те, кто их наилучшим образом зарабатывает.

Наступившее политическое однообразие, сворачивание политической конкуренции между партиями на самом деле способствуют тому, что политическая жизнь в регионах осуществляется по «общей лекале». Центр в результате получает управляемость. Но и только. Исчезает региональное многообразие. Тактическая победа Центра в этой ситуации очевидна.

Политическая жизнь в регионах в краткосрочном варианте будет продолжаться, но в силу меньшего конкурентного давления стимулы к развитию у нее будут слабее, чем в случае, если бы конкуренция была более выраженной. Возникает вопрос: не является ли подобный выигрыш Центра над регионами на самом деле политическим проигрышем, если брать в расчет долгосрочную перспективу? Ответа на этот вопрос пока нет. Кто на самом деле прав, может показать только будущее.

Однако уже сегодня очевидно, что любые сбои на верхних этажах вертикали власти могут привести к параличу на ее нижних этажах. Учитывая, что лояльность нижних этажей имеет под собой прагматическую мотивацию, нельзя исключить, что сужение ресурсной базы Центра приведет к дестабилизации ситуации во всей политической системе власти. Защитные оболочки российской власти сегодня очень слабы, несмотря на кажущуюся стабильность. Поиск иных моделей реализации власти – задача для новых политиков в Кремле.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, **КОММЕНТАРИИ**

В.А. Захаров, А.Г. Арешев

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
И ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТОВ

Захаров Владимир Александрович – кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра кавказских исследований МГИМО (У) МИД РФ.

Арешев Андрей Григорьевич – научный сотрудник Института государства и права РАН, эксперт Фонда стратегической культуры.

С момента возникновения грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов вовлеченные в них стороны активно использовали правовые аргументы для подтверждения своей правоты. Характер конфликтов, в которых огромное значение имели вопросы правового статуса той или иной территории, народа или административно-территориальной единицы, обусловил подчеркнутое внимание сторон к правовой проблематике. В то же время низкий уровень правосознания, характерный для советской политической элиты, распространенность разнообразных этнократических мифов в грузинской, абхазской и осетинской среде, злоупотребление юридическими инструментами для обоснования своей точки зрения на ранних стадиях конфликтов (так называемая «война законов») привели к «размыванию» той правовой базы, на которой можно было достичь урегулирования конфликтов. Кроме того, логику шагов, принимаемых той или иной стороной в правовом поле, нельзя не рассматривать в контексте бурных политических событий рубежа 1980–1990-х годов, которыми сопровождался распад единого государства – Российской империи в начале XX в. и Советского Союза в конце XX в.

В целом, с правовой точки зрения можно выделить три периода в развитии конфликтов. На первом стороны состязались на советском правовом

поле. На втором использовались аргументы, почерпнутые из исторического наследия самостоятельного существования Грузии в 1918–1921 гг. На третьем определяющую роль стали играть международно-правовые документы, выработанные в ходе попыток урегулирования конфликтов. К настоящему моменту в системах аргументов вовлеченных в конфликты сторон переплетаются доводы, использовавшиеся на всех трех этапах. Аргументация оказывается «многослойной». При этом она традиционно усложнялась внеправовыми содержаниями и представлениями – вроде подспудно присутствующего в логике всех сторон концепта «этнической собственности на землю». Абхазская и югоосетинская стороны также нередко апеллируют к законодательному наследию Российской империи. В то же время имеется ряд спорных и крайне запутанных вопросов, связанных с юридическим правопреемством. Так, в ряде работ можно заметить тенденцию рассмотрения современной Грузии, Грузинской ССР, Абхазской АССР, Юго-Осетинской АО, Республик Абхазия и Южная Осетия в качестве прямых юридических правопреемников по отношению к царствам Картли и Кахетии, абхазскому княжеству, осетинским сельским обществам, существовавшим на южных склонах Главного Кавказского хребта в XIX в. На это можно возразить, что юридическую правопреемственность вряд ли целесообразно смешивать с научными или идеологическими концепциями преемственности исторической.

Обратим внимание на то, что уже с июня 1990 г. Грузия не считала себя связанной советским законодательством. Признание незаконными всех законодательных актов, принятых после февраля 1921 г., в глазах грузинского руководства вернуло руководство ситуацию к периоду существования Демократической республики Грузия (ДРГ). Отстаивая весьма спорный тезис о пребывании Абхазии и Южной Осетии в составе грузинской меньшевистской республики, в Тбилиси ориентировались на договор ДРГ с РСФСР от 7 мая 1920 г., а также на некоторые документы ДРГ, связанные с вопросом о статусе Абхазии. Однако следует сказать, что на протяжении почти трехлетнего периода независимого существования ДРГ ее взаимоотношения с Абхазией так и не получили юридического оформления, которое не оставляло бы сомнений относительно принадлежности этой территории Грузии.

С учетом этого ссылки руководства современной Грузии на наследие 1918–1921 гг. для аргументации тезиса о принадлежности грузинскому государству территории Абхазии нельзя признать в достаточной мере убедительными. Что же касается Южной Осетии, то после провозглашения независимости Грузии в 1918 г. она оказалась в положении, еще более опасном, чем Абхазия. В 1920 г. грузинское меньшевистское правительство направило против осетин всю свою регулярную армию. Десятки тысяч людей были

изгнаны из своих домов, села превращены в пепел, тысячи мирных людей были убиты, более пяти тысяч осетин погибли во время бегства от карателей при переходе через перевалы в Северную Осетию от холода, голода, тифа и туберкулеза. Более трех тысяч крестьянских хозяйств было сожжено. После установления советской власти в Грузии специально образованная комиссия на правительственном уровне определила общий материальный ущерб, нанесенный Южной Осетии грузинской карательной экспедицией, в денежном выражении он составлял 3 317 516 руб. золотом. Тысячи изгнанных осетин осели в Северной Осетии.

В советский период союзный Центр делегировал народам лимитированное количество прав исходя не только из их численности, но и из некоторых специфических особенностей формального и неформального статуса в «единой семье братских советских народов». Это обрекало малые народы на постоянную роль младших братьев, что непосредственно отражалось на их уровне жизни – экономической и культурной. Неудивительно, что по мере ослабления центральной власти в Москве и синхронного роста националистических настроений в Грузии «абхазский» и «осетинский» вопросы вновь встали на повестку дня. Обращение абхазской общественности к союзным властям 18 марта 1989 г. с просьбой повысить статус республики не содержало в себе ничего противозаконного. В то же время юридической силы оно не имело, поскольку на этот счет не было подкреплено соответствующим решением государственных органов республики. Кроме того, несмотря на то, что сход в Лыхны вполне адекватно выражал настроения и взгляды абхазов, он едва ли мог представить точку зрения всего населения республики. В связи с тем, что абхазы составляли меньшинство в республике и не обладали полным контролем над ее государственными структурами, им едва ли приходилось в тот момент рассчитывать на то, что решение схода будет поддержано официальными органами автономной республики.

В то же время правота абхазской стороны заключалась в том, что своих целей она добивалась, придерживаясь правовых рамок, обозначенных советским законодательством. Бойкот республикой референдума о независимости Грузии 31 марта 1991 г. и ее участие в референдуме о сохранении Советского Союза отвечали требованиям закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г.

В Южной Осетии 10 ноября 1989 г. XII чрезвычайная сессия Совета народных депутатов Юго-Осетинской АО приняла решение о преобразовании области в автономную республику в составе Грузинской ССР. Одновременно Сессия обратилась в Верховный Совет СССР с просьбой рассмотреть вопрос в соответствии с Конституцией СССР.

Таким образом, Южная Осетия в одностороннем порядке повышала свой статус. Оценивая это решение, необходимо учитывать бурные политические события в Грузинской ССР, сопровождавшиеся значительным ростом национализма и усилением влияния экстремистских группировок, а также правовой незащищенностью югоосетинской автономии в случае выхода Грузии из состава СССР. Вероятность развития событий именно по такому сценарию была достаточно очевидна уже в то время.

Как известно, право выхода союзной республики из состава СССР было установлено ст. 72 Конституции СССР. В соответствии со ст. 85, 87 Конституции СССР в Грузинской ССР состояли Абхазская и Аджарская автономные советские социалистические республики и Юго-Осетинская автономная область.

Правовые аспекты и процедуры выхода из состава союзного государства регулировались Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Приведем основные положения этого закона:

«Статья 3. В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе...

Статья 6. ...В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области, автономные округа или места компактного проживания национальных групп, упомянутых в части второй ст. 3 настоящего Закона, итоги референдума рассматриваются Верховным Советом союзной республики совместно с Верховным Советом автономной республики и соответствующими Советами народных депутатов...

Статья 9. Итоги референдума в союзной республике по вопросу о выходе из СССР, а также мнения высших органов государственной власти союзных, автономных республик, органов государственной власти автономных областей и округов по этому поводу рассматривает Съезд народных депутатов СССР по представлению Верховного Совета СССР, согласованному с Верховным Советом выходящей республики. Съезд народных депутатов СССР устанавливает переходный период, не превышающий пяти лет, в течение которого должны быть решены вопросы, возникающие в связи с выходом республики из СССР...

Статья 13. Выходящая республика обязана соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права, а также права и свободы человека, закрепленные в международных договорах, участником которых

является СССР. Вопрос об участии выходящей республики в открытых для присоединения многосторонних договорах, заключенных СССР, решается согласно правилам, установленным соответствующим договором. Многосторонние и двусторонние договоры, заключенные СССР и находящиеся в силе на момент выхода союзной республики из СССР, продолжают действовать в отношении вышедшей республики, если не будет достигнута договоренность об ином...

[Согласно ст. 14, в течение пятилетнего переходного периода, должны быть разрешены все вопросы между органами власти выходящей союзной республики и органами власти автономных республик и автономных образований в ее составе.]

Статья 20. По окончании переходного периода или при досрочном урегулировании вопросов, предусмотренных настоящим Законом, Верховный Совет СССР созывает Съезд народных депутатов СССР для принятия решения, подтверждающего завершение процесса по согласованию интересов и удовлетворению претензий выходящей республики, с одной стороны, и Союза ССР, союзных республик, а также автономных республик, автономных образований и национальных групп, упомянутых в части второй ст. 3 настоящего Закона, с другой стороны»¹.

Было также принято постановление Верховного Совета СССР от 3 апреля 1990 г. «О введении в действие Закона СССР “О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР”»².

Таким образом, в этом законе были предусмотрены все условия, необходимые для получения суверенитета каждой союзной или автономной республикой СССР. Отделяющиеся союзные республики можно было считать конституированными в государства только при консенсусе либо учете интересов всех входящих в них народов и после процедур, обеспечивавших каждому народу на территории союзной республики, заявившей о желании независимости, возможность выбора государственной принадлежности.

Но 26 февраля 1991 г. парламент Грузии принял решение о бойкоте референдума о сохранении СССР 17 марта 1991 г. При этом у грузинской стороны не было правовых оснований игнорировать действующее союзное законодательство.

Напротив, Абхазская АССР приняла решение об участии в референдуме. Из 318 тыс. человек, имеющих право голоса, в голосовании участвовали более чем 166 тыс. (52,3% населения). За сохранение СССР проголосовали

1. *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*. – М., 1990. – № 15. – С. 303–308.

2. *Там же*. – С. 252–253.

164 231 человек, т.е. 98,6%; грузинское население не принимало участие в референдуме.

В соответствии со ст. 24 Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме) в СССР» Центральная комиссия референдума СССР установила, что Республика Абхазия большинством голосов своего населения проголосовала за сохранение Союза ССР и, соответственно, за свое пребывание в его составе³. Верховный Совет Абхазской ССР, исходя из неправомерности действий Грузии, принял 25 августа 1990 г. Декларацию о государственном суверенитете Абхазии и Постановление о правовых гарантиях защиты безопасности Абхазии. В этих документах заявлялось, что республика представляет «суверенное социалистическое государство, созданное на основе осуществления абхазской нацией ее неотъемлемого права на самоопределение, верховенства народа в определении своей судьбы. Суверенитет Абхазской Советской Социалистической Республики распространяется на всю территорию Абхазской ССР.

Абхазская Советская Социалистическая Республика обладает всей полнотой государственной власти на своей территории вне пределов прав, добровольно переданных ею Союзу ССР и Грузинской ССР на основании заключенных с ними договоров»⁴.

В Постановлении Верховного Совета приводятся аргументы, подтверждающие неправомерность претензий Грузии по отношению к территории и государственности независимой Абхазии, основанные на историческом процессе развития взаимоотношений между этими странами. Приводим эту часть Постановления:

«1. Признать, что Демократическая Республика Грузия, нарушив Договор от 11 июня 1918 г., а также заключенное ранее соглашение между Абхазским Народным Советом и Национальным Советом Грузии от 9 февраля 1918 г., осуществила во второй половине июня 1918 г. военное вмешательство с целью насильственного присоединения территории Абхазии и ликвидации независимости абхазского народа.

Эта акция, нарушившая международно-правовой принцип, запрещающий присоединение чужой территории путем силы, являлась незаконной.

2. Признать противоправным и недействительным в части, касающейся территории Абхазии, договор между Грузией и РСФСР, заключенный 7 мая 1920 г. в условиях военной оккупации независимой Абхазии.

3. Постановлениями Верховного Совета Грузинской ССР от 18 ноября 1989 г., 9 марта и 20 июня 1990 г. все государственные структуры,

3. См.: Шамба Т.М., Непрошин А.Ю. *Независимая Абхазия: Проблемы и решения.* – М., 2007. – С. 152.

4. *Советская Абхазия. 1990. 28 августа.*

существовавшие и существующие в Грузии с февраля 1921 г., признаны незаконными и недействительными, из чего логически следует, что все договорные отношения между Грузией и Абхазией, заключенные прежними органами государственной власти, также являются незаконными, а вхождение Абхазии в состав Грузинской Советской Социалистической Республики лишено правовых оснований, и, следовательно, законной формой государственности Абхазии является Советская Социалистическая Республика Абхазия, созданная свободным волеизъявлением народов Абхазии и провозглашенная 21 марта 1921 г. ...»

Таким образом, можно констатировать, что связи Советской Грузии и Советской Абхазии возникли в определенной исторической ситуации и естественным образом потеряли свою силу вместе с исчезновением с исторической арены Советского государства.

Абхазия вошла в состав Грузии только в советский период, и, признавая все акты советского периода нелегитимными и, следовательно, ничтожными (т.е. не действующими с момента принятия), Грузия сама установила недействительность всех своих государственно-правовых отношений с Абхазией.

В 1995 г. была принята Конституция Грузии, согласно которой «территория грузинского государства определена по состоянию на 21 декабря 1991 года» (ч. 1 ст. 2) (на эту же дату определяется территория Грузии в некоторых документах СНГ). В части 1 статьи 1 Конституции говорится: «Грузия – независимое, единое и неделимое государство, что подтверждено референдумом, проведенным 31 марта 1991 года на всей территории страны, включая Абхазскую АССР и бывшую Юго-Осетинскую автономную область, и Актом о восстановлении государственной независимости Грузии от 9 апреля 1991 года». Однако в свете вышеизложенного представляется, что подобная формулировка не только противоречит реальным фактам истории, но и не имеет под собой никаких правовых оснований.

Правовая аргументация югоосетинской стороны во многом идентична абхазской. Необходимо отметить, что Южная Осетия не сумела в полной мере использовать те возможности, которые представлял ей закон СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» от 3 апреля 1990 г., в частности, его третья статья. Руководство Южной Осетии не ссылалось на положение этого закона, несмотря даже на то, что на территории автономии официально был проведен референдум о сохранении Советского Союза и бойкотировался референдум о независимости Грузии. Ссылка на этот закон также могла быть применена в ситуации, когда Верховный Совет Грузии в декабре 1990 г. отменил осетинскую автономию: по меньшей мере, это решение Тбилиси создавало коллизию в применении закона СССР от 3 апреля 1990 г., поскольку

республика, официально взявшая курс на выход из Советского Союза (напомним, что к этому моменту ВС Грузии уже признал незаконными все правовые акты, принятые после февраля 1921 г.), в одностороннем порядке лишала существовавшую на момент принятия закона СССР от 3 апреля 1990 г. автономию права высказать ее мнение по этому вопросу. Тот факт, что руководство Юго-Осетинской АО не сумело использовать эту аргументацию, ни в коей мере не отрицает ее существования.

Переход грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта в силовую фазу создал новый правовой контекст для урегулирования обоих конфликтов. Отметим, что вопросы статуса обеих автономий для международного сообщества, которое было вовлечено в урегулирование после распада СССР, имели подчиненное значение, несмотря на то, что именно они послужили непосредственной причиной конфликтов. Первостепенной выступала задача скорейшего прекращения кровопролития, а правовые вопросы были оставлены «на потом». Однако ряд положений международно-правовых актов, связанных с урегулированием конфликтов, все это время позволяли считать, что вопрос о правовом статусе Абхазии и Южной Осетии по меньшей мере не закрыт, хотя на таком «закрытии» постоянно настаивало действующее грузинское руководство.

Применительно к конфликтам на постсоветском пространстве различные авторы неоднократно отмечали, хотя бы и в косвенной форме, равную правосубъектность «отколовшихся территорий» с их бывшими метрополиями.

«С исторической точки зрения Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье и Нагорный Карабах – это такие же продукты распада СССР, как Грузия, Молдавия и Азербайджан, – подчеркивает заместитель директора Московского центра Карнеги Д. Тренин. – Надо учитывать, что, например, Приднестровье отделилось от Молдавии еще до того, как последняя провозгласила свой суверенитет. Иными словами, приднестровцы жили в СССР (и МССР как его административной единице), но их территория никогда не была частью Республики Молдова»⁵. Нельзя не согласиться с В.Н. Казимировым, когда он обращает внимание на то, что «в каждом конфликте крайне важны причинно-следственные связи, четкое различение причин и следствий, его предыстория, его юридическая специфика. Не последнее значение имеют форма выхода республики или автономного образования из союза или республики, правопреемственность суверенного государства от прежнего субъекта, чётко ли она оформлена»⁶. И Абхазия, и

5. Тренин Д. Казус Косово // *Pro et contra*. – 2006. – № 5–6.

6. Казимиров В. «Политический атлас» конфликтов и два Хельсинкских принципа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/776775.html>

Южная Осетия являлись полноправными участниками соответствующих соглашений о прекращении огня, получив де-факто признание во многих других сферах (поддержание режима прекращения огня, гуманитарные контакты, экономическое сотрудничество)⁷.

Относительно к Южной Осетии следует обратить внимание на важные положения Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между сторонами в грузино-осетинском конфликте, подписанного 22 мая 1996 г. грузинской и юго-осетинской сторонами при посредничестве Республики Северная Осетия, Российской Федерации и ОБСЕ. Преамбула этого документа содержит ссылку не только на принцип территориальной целостности государств, но и на право наций на самоопределение. Эта ссылка позволяет Южной Осетии использовать результаты референдума по вопросу о независимости от Грузии, проведенного в январе 1992 г. Кроме того, Меморандум позволяет поставить под сомнение позицию грузинских властей, настаивающих на абсолютном приоритете специфически понимаемого ими принципа территориальной целостности (Республики Грузия в административных границах Грузинской ССР). Во всяком случае, следует признать, что правовой статус Южной Осетии оставался в 1992–2008 г. неурегулированным.

В случае с Абхазией особое значение имеет подписанное 4 апреля 1994 г. в Москве Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта. В пункте 7 обе стороны оговаривали, что «достигли общего понимания относительно полномочий по совместной деятельности» в ряде областей, в том числе внешней политике и внешнеэкономических связях, пограничной и таможенной службе и др. В пункте 8 фактически констатировалось прекращение государственно-правовых отношений между Грузией и Абхазией на момент подписания Заявления: «будет разработана поэтапная программа действий, выработаны предложения по воссозданию государственно-правовых отношений».

В Докладе Генерального секретаря ООН о положении в Абхазии и Грузии от 3 мая 1994 г. (S/1994/529), позитивно оценивавшем договоренности, достигнутые 4 апреля в Москве, содержались «Предложения относительно политических и правовых элементов всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта». В пункте 1 «Предложений» указывалось: «Абхазия будет являться субъектом, обладающим суверенными правами в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного

7. Например, Абхазия еще до 2008 г. имела прочные двусторонние связи и соответствующие соглашения с более чем сорока субъектами Российской Федерации.

государства будет определено сторонами в ходе дальнейших переговоров. Стороны признают территориальную целостность союзного государства, созданного, как указано выше, в пределах границ бывшей Грузинской Советской Социалистической Республики по состоянию на 21 декабря 1991 г.». Таким образом, вопрос о территориальной целостности Грузии увязывался с устройством союзного государства, а тезис о новом названии государства, в сущности, намекал на «переучреждение» Грузии на новых основах. Долгое время этот документ является единственным принятым после завершения силовой стадии конфликта, который отчасти проясняет вопрос о правовом статусе Абхазии.

Шанс на «переучреждение» государственных институтов Грузии на новой, федеративной основе могло дать принятие новой Конституции Грузии. Однако, не имея реальной возможности восстановить контроль над отпавшими автономиями, грузинский законодатель решил тогда юридически «подморозить» нормативное регулирование проблемы государственного устройства, административно-территориального устройства, а также вопросов местного управления и самоуправления – таким образом, чтобы отложить этот вопрос «в долгий ящик»⁸.

В частности, в соответствии с ч. 3 ст. 2 Конституции государственно-территориальное устройство Грузии должно быть определено конституционным законом на основе принципа разграничения полномочий после полного восстановления юрисдикции Грузии на всей территории страны. Эта формулировка примечательна сразу в нескольких отношениях. Грузинский законодатель, как отметил А. Куртов, достаточно ловко ушел от четкой фиксации в тексте конституции того, что будет из себя представлять в будущем Грузия: унитарное государство, федерацию (в различных ее видах) или конфедерацию⁹.

Отсутствие четких положений о национально-государственном устройстве страны законодатель постарался «компенсировать» высоким приоритетом прав человека. В ст. 7 говорится: «Грузия признает и соблюдает общепризнанные права и свободы человека как непреходящие и высшие человеческие ценности. При осуществлении власти народ и государство ограничены этими правами и свободами как непосредственно действующим правом»¹⁰.

8. Куртов А. Южная Осетия – прифронтовое государство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novopol.ru/text4753.html>

9. Там же.

10. Конституция Грузии (Республики Грузии) от 24 августа 1995 г. // Конституции государств Европы. – М.: Издательство НОРМА, 2001.

Анализ правовых аспектов грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликта позволяет сделать вывод о том, что требования грузинской стороны о безоговорочном возвращении под ее юрисдикцию Абхазии и Южной Осетии изначально не были подкреплены достаточной правовой базой.

Российская Федерация, являясь государством – правопреемником Союза Советских Социалистических Республик, до определенного момента не выражала своей позиции по вопросу о статусе автономий союзных республик бывшего СССР, принявших решение по итогам референдума, проводимого в данных автономиях в соответствии с Постановлением Верховного Совета СССР № 1910-1 от 16 января 1991 г. Политическая оценка этому периоду была дана Президентом РФ Д. Медведевым: «Семнадцать лет шла борьба за независимость этих непризнанных народов – и в течение этого времени, несмотря на попытки международного сообщества, ничего не удалось склеить. Мы практически до последнего периода старались помочь восстановить государственное единство, но этого не получилось. Последний гвоздь был вбит после принятия решения об агрессии»¹¹. До этого попытки грузинской стороны пересмотреть международно-правовые документы, принятые в ходе урегулирования конфликтов (в частности, изменить мандат и статус миротворческих сил в зоне грузино-осетинского конфликта), последовательно усугубляли сложившееся положение.

Новая ситуация, возникшая в августе 2008 г. (в частности, отражение Российской Федерацией в соответствии со ст. 51 Устава ООН¹² агрессии Республики Грузия, сопровождавшейся убийствами российских миротворцев и этническими чистками осетинского населения) позволила российской стороне обратиться к международно-правовой аргументации независимого статуса Южной Осетии и Абхазии. В выступлении Д. Медведева 26 августа содержались ссылки на свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов, на Устав ООН, Декларацию 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, хельсинкский заключительный акт СБСЕ 1975 г. и другие основополагающие международные документы¹³.

11. Интервью телекомпании «Раша тудей» 26 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/26/2018_type63379type63380_205773.shtml

12. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter>

13. Заявление Президента Российской Федерации Дмитрия Медведева от 26 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

Согласно статье 2 (4) Устава ООН, «все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, **так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций**»¹⁴ (выделено нами. – Авт.). Этот пункт был грубо нарушен грузинскими властями, вынудив Российскую Федерацию нанести ответный удар.

Речь идет о применении предусмотренного ст. 51 Устава ООН права на самооборону. Этим правом в данном случае обладали как Южная Осетия, так и Россия. Следует заметить, что, по мнению отдельных авторов, право на самооборону является императивной нормой, поскольку соответствует «существующим правилам поведения, запрещающим то, что признано недопустимым в связи с угрозой... выживанию государств и их народов и наиболее основным правам человека»¹⁵. Представляется, что важно учитывать практическую обоснованность претензий государства, заявляющего о своем праве на самооборону.

В последние годы право на самооборону было легализовано Советом Безопасности ООН в ряде случаев, которые представляются, как минимум, спорными. Например, вскоре после событий 11 сентября США представили Совету Безопасности ООН план самообороны против Афганистана в соответствии с требованиями ст. 51 Устава¹⁶. Этот документ стал формально-юридическим оправданием военной акции США и их союзников в отношении Афганистана. Между тем до сих пор не представлено каких-либо убедительных доказательств того, что налет на башни-близнецы в Нью-

http://www.kremlin.ru/appears/2008/08/26/1545_type63374type82634type205158_205744.shtml

14. Статья 2 (4) Устава ООН.

15. См. проект статей «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», п. 2, п. 3 ст. 40 (Draft Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, pt. 2, Art. 40, para. 3, in Report of the International Law Commission on the Work of Its Fifty-third Session, U.N. GAOR, 56th Sess., Supp. № 10, at 43, U.N. Doc.A/56/10 (2001)), опубликовано также, см. Crawford James. *The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries* (2002).

16. См. Письмо Постоянного представителя США в ООН, адресованное Председателю Совета Безопасности ООН от 7 октября 2001 года (Окт. 7, 2001), U.N. Doc. S/2001/946 (2001).

Йорке планировался именно из афганских пещер¹⁷. В то же время в Южной Осетии имел место ничем не спровоцированный и длительно готовившийся акт агрессии (о его тщательной подготовке и планировании есть множество фактических и документальных свидетельств).

Определение агрессии было утверждено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 14 декабря 1974 г.¹⁸ со ссылкой на Устав ООН, цитировавшийся выше. При этом в пояснительном примечании (а) специально оговаривается, что термин «государство» в отношении объекта агрессии «употребляется, не предпрещая вопроса о признании или вопроса о том, является ли государство членом Организации Объединенных Наций».

Эту оговорку вполне правомерно отнести к Южной Осетии еще не признанной никем и не являющейся членом ООН. Обратим внимание и на то, что согласно ст. 5 Резолюции ООН, «никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии».

Седьмая же делает особый акцент на праве наций на самоопределение, свободе и независимости народов.

Действия Тбилиси в ночь на 8 августа могут квалифицироваться в качестве агрессии и против России, в частности, на основании пункта (d) ст. 3 резолюции, согласно которому агрессией является «нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства». Резолюция ООН не оговаривает, где именно должно быть совершено нападение на вооруженные силы другого государства для признания нападения на них актом агрессии. Российские миротворцы выполняют на территории Южной Осетии и Абхазии свои функции в соответствии с международным мандатом. Согласно ч. 5 ст. 3 «Положения об основных принципах деятельности воинских контингентов и групп наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта», они

17. Террористы-смертники не были гражданами Афганистана. По мнению ряда ученых, в отсутствие очевидно высокого уровня поддержки терроризма со стороны какого-либо государства превентивные и предупредительные удары в отношении этого государства не могут однозначно оправдываться в рамках международного права. См. интересную работу Энтони Кларка Аренда и Роберта Дж. Бека (Anthony Clark Arend & Robert J. Beck. *International Law and the Use of Force: Beyond the U.N. Charter Paradigm* 72–74 (1993).

18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» (Принята 14.12.1974 на 29-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 199–202.

«пресекают проникновение в зону конфликта вооруженных групп, иных неподконтрольных формирований, способных своими действиями дестабилизировать обстановку»¹⁹. Таким образом, нанесение ущерба военной инфраструктуре Грузии как агрессора, осуществлялось в полном соответствии с нормами международного права.

Согласно Декларации о принципах международного права (24 октября 1970 г.), в действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, *соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов*»²⁰ (выделено нами. – Авт.). Иначе говоря, можно сделать вывод, что принцип территориальной целостности вряд ли можно применить по отношению к государствам, которые в своей политике не обеспечивают равноправие проживающих в нём народов и не допускают свободное самоопределение таких народов.

В Хельсинском заключительном акте по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.²¹ перечисляются десять основополагающих принципов международных отношений, в числе которых неприменение силы или угрозы силой и мирное урегулирование споров. То есть именно те принципы, которые были грубо нарушены грузинской стороной.

Таким образом, решение Президента Российской Федерации о проведении операции по принуждению Грузии к миру имеет под собой четкую международно-правовую основу. То же самое относится и к решению от 26 августа о признании независимости Южной Осетии и Абхазии. Все возражения на этот счет, предъявляемые Москве западным сообществом, имеют не международно-правовой, а исключительно политический характер. Несостоятельность аргументации США и Евросоюза наглядно демонстрируется их же собственными действиями, связанными, в частности, с односторонним признанием независимости Косова в феврале 2008 г.

19. См.: *Конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Документы 1989–2006 гг.* / Сост. и комментарии М.А. Волхонского, В.А. Захарова, Н.Ю. Силаева. – М., 2008. – С. 287.

20. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций (принята 24.10.1970 Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // *Действующее международное право*. Т. 1. – М.: Московский независимый институт международного права, 1996. – С. 65–73.

21. *Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами*. Вып. XXXI. – М., 1977. – С. 544–589.

Длительный период непризнания Москвой де-факто властей Сухума и Цхинвала был обусловлен стремлением найти общую формулу компромисса, который устроил бы как официальный Тбилиси, так и его бывшие автономии. Однако начиная с 2003 г. («революция роз» в Грузии и начало формированной милитаризации этой страны) перспективы такого компромисса выглядели все более призрачными, а нападение на Цхинвал в ночь с 7 на 8 августа привело к необратимым изменениям.

Признание Российской Федерацией Абхазии и Южной Осетии основано на факте соответствия обеих стран критериям государственности, в частности тем, которые были изложены в Конвенции Монтевидео 1933 г.: наличие постоянного населения; определенной территории; собственного правительства и способности к вступлению в отношения с другими государствами²². Ранее мы уже упоминали о трактовке термина «государство» в резолюции «Определение агрессии», который отнюдь не «привязан» к факту членства того или иного международно-правового субъекта в ООН.

Если названные критерии соблюдены, то сразу же после признания хотя бы одной страной государство приобретает статус официально признанного. После указов Президента России от 26 августа 2008 г. Южная Осетия и Абхазия – де-юре признанные независимые государства. А все политико-правовые перипетии в отношении этих государств с Грузией на протяжении XX и начала XXI в. однозначно свидетельствуют: их независимость основывается не на голом политическом произволе, как в случае с Косово, а имеет под собой четкую юридическую легитимацию.

22. *Rights and Duties of States-Convention Signed at Montevideo, December 26, 1933* // <http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/interwar/rights.htm> [Конвенция Монтевидео по правам и обязанностям государств, 49 Стат. 3097; Серия договоров 881; 165 Серия договоров ООН 19, декабрь 26, 1933]

В.З. ТарантулГЕННО-КЛЕТОЧНЫЕ БИОТЕХНОЛОГИИ
XXI ВЕКА И ЧЕЛОВЕК**Тарантул Вячеслав Залманович – доктор
биологических наук, профессор заместитель
директора по науке Института молекулярной
генетики РАН.**

XXI век – век биотехнологии, утверждают ученые. Для такого заключения у них имеются достаточно веские основания. Ведь по своей приближенности к человеческим потребностям современная биотехнология не имеет себе равных среди других научных направлений. В настоящее время мировое хозяйство уже вплотную приблизилось к физическим и биологическим пределам своего роста. Почти миллиард людей на планете сегодня хронически голодают. В ближайшем будущем именно генно-клеточные технологии помогут решить одни из самых насущных проблем человечества: проблемы обеспечения продовольствием населения Земли, чья численность стремительно приближается к 6 млрд., и сокращения роста заболеваемости особенно в случаях, когда речь идет о наследственных, системных, ранее неизлечимых болезнях. Сегодня при лечении 20 видов заболеваний используются методы клеточных технологий.

* * *

Традиционная биотехнология уже предоставила человечеству множество эффективных лекарств (антибиотики, витамины, гормоны, аминокислоты, ферменты, вакцины, иммуномодуляторы, антитела, бактериальные препараты, сыворотки), способствовала «зеленой революции», преобразованию сельского хозяйства (биоудобрения, биопестициды, ветеринарные препараты) и пищевой промышленности (аминокислоты, переработка пищевых продуктов, подсластители и пр.), предложила более дешевые и экологически чистые способы производства большого числа химических веществ для

многих отраслей (ферменты, полисахариды, растворители, спирты и пр.), внесла вклад в развитие альтернативной энергетики (биогаз, топливный спирт), добычу ресурсов (биометаллургия, утилизация отходов, интенсификация добычи нефти и пр.) и решение экологической проблемы (биоочистка промышленных и бытовых отходов, стоков, а также трудноразлагаемых загрязнений).

Принципиально новые генные и клеточные биотехнологии, разработанные в последние десятилетия, существенно повлияли на самые разные аспекты жизни человека: здоровье, производство лекарств нового поколения, питание, демографию, экологию. Применение этих технологий – абсолютно новый этап в развитии экономики отдельных стран и мировой экономики в целом. Успехи, достигнутые в этой области, широко освещаются средствами массовой информации, но далеко не всегда они отражают истинное положение дел. Неспециалистам бывает зачастую трудно понять, что же происходит в научных лабораториях, за что присуждаются многочисленные Нобелевские премии, как чисто фундаментальные исследования уже реально находят применение в практике, и не опасно ли все это для человека и окружающей его биосферы.

Когда в середине 70-х годов прошлого века были разработаны основные методы генной инженерии (Нобелевская премия по химии за 1980 г. присуждена П. Бергу, У. Гилберту и Ф. Сенгеру) и появилась возможность реально манипулировать с отдельными генами в пробирке, создавать новые комбинации этих генов (**рекомбинантные ДНК**), сразу же возникли опасения, что эта технология может нанести человечеству непоправимый вред. Однако постепенно пришло понимание, что при соблюдении необходимых мер безопасности генная инженерия не более опасна, чем аналогичные работы в других областях современной биотехнологии, и прошедшие с тех пор годы подтвердили эту точку зрения.

Для специалистов было ясно, что как атомную энергию можно использовать в разных целях (создать атомную бомбу или построить атомную электростанцию), так и генно-клеточная биотехнология может быть применена и для пользы, так и во вред (например, для создания биологического оружия или для производства эффективных средств против неизлечимых ранее заболеваний). Это, однако, не должно мешать развитию новейшей области науки во благо человека. Что же реально дало за эти годы применение генной и клеточной биотехнологии? Что можно ждать от них в будущем? Какие реальные и мнимые опасности несут они? Обо всем этом и пойдет речь в настоящей статье.

Первыми продуктами генных биотехнологий для практического применения вне лабораторий стали биологически активные белки, широко используемые сегодня в медицине в качестве лекарственных средств. Так,

для лечения диабета ранее применяли инсулин, который выделяли из поджелудочных желез свиней. Такой инсулин был дорогим и, кроме того, малоэффективным. Ситуация сильно изменилась с момента получения в 1982 г. первого генно-инженерного инсулина человека. Сейчас такой инсулин производится и в России.

В практической медицине сегодня используют многие препараты, полученные с помощью генно-клеточной биотехнологии, – это интерфероны, интерлейкины, лекарства от гемофилии, противораковые и обезболивающие средства, незаменимые аминокислоты, гормон роста и многое другое. Этот список ежегодно пополняется десятками наименований. В лабораториях и клиниках всего мира постоянно идет интенсивный поиск и испытание новых препаратов, в том числе от таких опаснейших болезней, как сердечные заболевания, различные формы рака, СПИД и другие вирусные инфекции. По оценкам специалистов, сегодня с помощью генных биотехнологий производится около 25% всех лекарств в мире.

Важным этапом развития современной биотехнологии стала разработка методов получения **трансгенных животных и растений** (их называют генетически модифицированными организмами – ГМО). Первые трансгенные организмы были получены учеными США в 1980 г. (в России первые публикации появились в 1982 г.), но только спустя почти десять лет после создания этой технологии она стала широко использоваться не только в научных, но и в практических целях.

Трансгенный организм – это организм во всех отношениях подобный нетрансгенному, но содержащий во всех клетках среди десятков тысяч своих собственных генов один (реже – два) новый ген (трансген), несвойственный ему в природе.

Какие практические задачи решаются с использованием ГМО? Основная цель всех генетических модификаций растений и животных заключается в улучшении биологического и товарного качества сельскохозяйственной продукции, повышении урожайности, плодовитости и питательной ценности, изменении потребительских свойств сырья.

С незапамятных времен человек осуществлял искусственный отбор – селекцию, в основе которой лежит естественная генетическая изменчивость живых организмов. При этом основной ее принцип всегда оставался неизменным – отбор ценных видов, а следовательно, ценных генотипов (совокупность определенного набора генов организма). В конечном результате современные виды моркови совершенно непохожи на своих далеких предков, которые использовали в пищу 3 тыс. лет назад, а початки кукурузы сегодня примерно в десять раз больше тех, что выращивали 5 тыс. лет назад. Чтобы получить современные виды растений и животных, понадобились целые тысячелетия. Многие годы и сейчас уходят у генетиков-

селекционеров на выведение новых сортов растений или новых пород животных. В этой ситуации трансгенная технология становится важной альтернативой традиционной сельскохозяйственной практике. Во-первых, она существенно ускоряет и делает целенаправленным процесс получения новых сортов и пород; иногда за два–три года достигаются результаты, на которые традиционная селекция тратит десятилетия. Во-вторых, с помощью трансгеноза можно получать животных и растения с такими свойствами, которые в принципе не могут возникнуть в природных условиях.

Технология создания трансгенных растений привела к революции в области растениеводства. Она позволяет получать растения, устойчивые к ряду высокопатогенных вирусов, грибковым и бактериальным инфекциям, насекомым-вредителям, к холоду, засоленности почв, засухе, растения с высоким содержанием витаминов и улучшенным составом белков и т.д. Вмешиваясь в генетические программы растений, можно придать им устойчивость к различным неблагоприятным стрессовым факторам окружающей среды. Использование ГМО существенно повысило эффективность сельского хозяйства; по этой причине данная технология оказалась востребованной рынком, где другие возможности повышения продуктивности (удобрения, ядохимикаты и т.д.) себя уже исчерпали.

В 1994 г. после всесторонних полевых испытаний в США была разрешена коммерческая продажа первого трансгенного пищевого растения – помидора с уникальным свойством: плод может месяцами лежать в недозревшем виде при температуре 12°C, но как только попадет в тепло, созревает буквально за несколько часов. В этом трансгенном помидоре был встроен всего лишь один собственный «помидорный» ген, блокирующий синтез фермента, ответственного за созревание плодов. С тех пор на рынок было выпущено много других трансгенных растений; уже удалось получить различные формы картофеля, томатов, табака, рапса, устойчивых к разнообразным сельскохозяйственным вредителям. Получен также трансгенный картофель, недоступный для колорадского жука. Имеются трансгенные растения, способные самостоятельно фиксировать азот, получен «золотой» рис с повышенным содержанием витамина А и др.

Использование в сельском хозяйстве трансгенных растений выгодно не только в экономическом плане, но и важно для экологии. Отпадает надобность в применении многочисленных, порой весьма ядовитых инсектицидов и пестицидов, снижается ущерб окружающей среде от увеличения площади сельскохозяйственных угодий.

Активно ведутся также работы по получению трансгенных животных с повышенными продуктивными свойствами (например, усиление роста шерсти у овец, понижение содержания жировой ткани у свиней, изменение

свойств молока) или устойчивостью к различным заболеваниям, вызываемым вирусами и другими патогенами.

Трансгенная технология находит порой самые экзотические применения. Например, учеными предложен новый метод борьбы с малярией. Были выращены особые комары, которые не могут стать переносчиками малярийного плазмодия, в природе же они способны конкурировать с дикой формой комаров.

Несмотря на очевидные преимущества трансгенных организмов над нетрансгенными, применение на практике генетически модифицированных сельскохозяйственных растений и животных в настоящее время сильно варьирует в зависимости от региона мира. Лидером в объемах производимой сельскохозяйственной продукции на основе ГМО выступают США и крупнейшие экспортеры этой продукции – Канада, Аргентина, Австралия. Например, в США около 75% сои является трансгенной, а в Аргентине – 99%!

В Китае создание и культивирование трансгенных растений – приоритетное направление обеспечения национальной безопасности. В то же время Евросоюз на протяжении уже длительного времени противится созданию и использованию продуктов ГМО. В этом можно усмотреть определенные экономические интересы. В странах Евросоюза кризис перепроизводства, зачем же им нужны более продуктивные и более дешевые ГМО?

Своеобразное отношение ГМО в России. Колорадский жук съедает треть урожая картофеля, велики потери и от других вредителей, сорняков, при этом широко применяемые ядохимикаты вредны для здоровья и сильно удорожают сельскохозяйственное производство. При таком положении дел надо было бы проявить особый интерес к ГМО. Однако закон, позволяющий создавать и выращивать трансгенные организмы, в России до сих пор не принят, хотя закупать генетически модифицированную продукцию разрешено. Между тем в арсенале российских ученых имеются оригинальные разработки, которые не находят своего применения на практике. Что же тормозит этот процесс?

В центре дискуссий главным остается вопрос: вредна или не вредна трансгенная пища для человека? Ситуацию с информированностью общества по поводу вреда генетически модифицированных растений и животных в качестве продуктов питания хорошо иллюстрирует анекдот, бытующий у биологов: «Люди думают, что трансгенная пища вредна тем, что в ней есть гены, тогда как в обычных продуктах никаких генов нет». Каждый из нас съедает в день миллиарды генов различного происхождения: пшеницы, кукурузы, свиньи, птиц, коровы, рыбы, а кто-то даже и лягушки и насекомых, но при этом у нас не отрастают рога, мы не хрюкаем, не летаем, у нас не появляются жабры. Более того, с мясом, овощами и фруктами мы невольно

поедаем большое число бактериальных и вирусных генов, даже не задумываясь об этом. Но трансгенная пища, точно так же, как и нетрансгенная, переваривается в организме, и в конечном итоге от чужих генов ничего не остается, кроме тех же конечных продуктов, как и от любых других. Белки, которые синтезируются у ГМО (как собственные, так и чужие), попадая в пищу, также разрушаются до основания. Конечно же, если в трансгенном организме содержится какой-то заведомо токсичный для человека или животных продукт, он при употреблении в пищу может оказать вредное воздействие. Однако если кто-то преследует такие террористические цели, то ему проще заразить коров ящуром, чем пытаться создать «ядовитую» трансгенную корову.

Постоянно возникают разговоры об аллергенности некоторых продуктов, содержащих ГМО, хотя достоверных данных на этот счет нет. У каждого человека может быть к чему-нибудь аллергия. Ученые считают, что риск возникновения аллергии намного больше от новых продуктов питания, которые никто не проверяет на аллергенность, нежели от всесторонне изученных продуктов на основе ГМО. Например, существует довольно большое число аллергиков на экзотические для нашей страны киви, ранее отсутствовавшие в рационе россиян. Когда плоды киви поступили в продажу, никто даже не думал, чтобы проверить их на аллергенность. Позднее стало известно, что в них содержатся несколько аллергенных белков. В обычной сое, которую мы используем в пищу без всяких сомнений, обнаружено более десяти различных белков, вызывающих аллергию. Биотехнологи с помощью генетической модификации уже создали гипоаллергенную сою, у которой «выключили» активность генов, кодирующих белки-аллергены.

Время от времени в литературе появляются данные о якобы вредном воздействии некоторых трансгенных организмов или их продуктов на окружающую среду. Лет десять назад было сообщение о вреде трансгенной Bt-кукурузы, устойчивой к вредителям, для красивой бабочки-монарха. Даже такое подозрение (все-таки это насекомое, а не человек) подвигло ученых на тщательное и длительное расследование, которое в конечном итоге не подтвердило имевшиеся опасения. При этом количество применяемых инсектицидов в мире только из-за выращивания Bt-кукурузы сократилось на несколько десятков тысяч тонн.

Противники ГМО высказывают и другие опасения, которые, однако, не нашли никаких научно обоснованных подтверждений.

Уровень компетентности некоторых противников ГМО отражает выдвигаемый ими «аргумент» против трансгенного картофеля, устойчивого к колорадскому жуку: «генетически измененную картошку отказываются жрать даже колорадские жуки, которые спокойно переносят самые ядовитые опрыскивания». В этой связи академик И. Атабеков пишет: «Широкую

публику легко убедить, что трансгенные растения – это опасные “мутанты” (хотя они мутанты не в большей степени, чем обычные растения), поскольку понятие о мутантах обыватель связывает с жуткими монстрами из кинофильмов Стивена Кинга»¹.

ГМО, создаваемые биотехнологами с целью получения сельскохозяйственной продукции, в подавляющем большинстве случаев не несут очевидной опасности, но каждая новая форма трансгенного организма до внедрения в практику безусловно должна проходить строгий независимый контроль и длительное испытание. Абсолютно безопасных технологий вообще не существует. Известны, в частности, случаи непредсказуемых последствий даже при использовании традиционных селекционных приемов. Поэтому во всем мире, в том числе и в России, существует общепринятая практика: прежде чем продукты, содержащие компоненты ГМО, появятся на прилавках магазинов, проводят тщательный анализ этих продуктов на токсичность и аллергенность, а также оценивают возможные отдаленные эффекты. Пока идут споры вокруг ГМО, остается единственный выход: предупреждать потребителя о том, какой именно продукт он покупает, т.е. маркировать его. А там уж на ваше усмотрение: верите в прогресс и науку, покупайте и ешьте трансгенные продукты, боитесь – откажитесь от них. В России с 2007 г. введен евростандарт: производители обязаны информировать потребителей, если в составе пищевого продукта содержится 0,9 и более процентов ГМО.

На фоне острых дискуссий о пользе и вреде трансгенных продуктов часто забывают о том, что трансгенные организмы служат не только продуктами питания, но и используются в качестве живых биореакторов для производства разнообразных медицинских препаратов или ферментов для пищевой промышленности. В мире уже существуют стада трансгенных коз и коров, в молоке которых синтезируются полезные с медицинской точки зрения вещества. Молоко этих животных содержит инсулин, гормон роста человека, антитромбин, интерферон. Выведены трансгенные куры, которые несут яйца с программируемым медицинским эффектом: эти яйца служат основой различных лекарств, в том числе и для лечения меланомы.

В России также проводятся работы по получению трансгенных животных. Выведена порода овец, вырабатывающих вместе с молоком и фермент, необходимый в производстве сыра. Совместными усилиями ученых России и Белоруссии получены трансгенные козы, в молоке которых синтезируется белок, содержащийся в грудном молоке женщины и обладающий антибактериальными свойствами, помогающими

1. Газета «Независимая». 2004. 10.03.

новорожденному ребенку бороться с инфекциями. Совместно с коллегами из Бразилии российские ученые успешно работают над созданием трансгенных коз, чье молоко будет содержать продукты, необходимые для лечения различных заболеваний крови.

В мире также широко ведутся работы по созданию трансгенных животных, которые могут быть использованы в качестве моделей различных заболеваний человека: серповидно-клеточной анемии, диабета, нейрологических заболеваний, артрита, желтухи, сердечно-сосудистых и ряда наследственных болезней (кистозного фибриоза, болезни Дауна и др.). Такие модели позволяют глубже понять природу различных патологий человека и осуществить на их основе поиск эффективных лекарственных средств.

Созданные трансгенные животные могут служить источником органов и тканей для трансплантологии (у них инактивированы антигены, ответственные за тканесовместимость). Эти эксперименты начаты на свиньях, которые рассматриваются в качестве возможных кандидатов для трансплантации их органов человеку, поскольку давно известно, что свинья и человек имеют большое генетическое, биохимическое и физиологическое сходство.

На основе трансгенных растений разрабатываются вакцины, получивших термин «съедобных». Употребление их в пищу позволяет человеку постепенно приобретать иммунитет к различным вирусам.

С помощью ГМО ученые изучают такие фундаментальные проблемы, как регуляция работы генов и их функции, механизмы индивидуального развития, мутагенеза, осуществляют поиск генов, ответственных за различные патологии человека, моделируют заболевания человека, проводят испытание лекарственных препаратов. Таким образом, ГМО имеют широкое применение в самых разнообразных целях. В мире лавинообразно нарастают работы по использованию этой биотехнологии для решения многих проблем, стоящих перед человечеством.

Вероятно, заметные успехи в области создания ГМО послужили толчком для возникновения в 1990 г. еще одного важного направления генной биотехнологии – **генной терапии**. Если в клетках организма нарушена работа того или иного гена и в результате развивается определенная патология, то для излечения необходимо восстановить функцию этого гена. С помощью генной терапии в организмы, которые страдают от нарушения работы гена, можно доставить нормальный ген, способный компенсировать недостающую функцию. А иногда болезнь вызывается избыточной работой отдельных генов, несвойственных нормальной клетке (например, при вирусной инфекции).

В таких случаях следует, наоборот, подавить работу «вредного» гена. Один из наиболее перспективных подходов к этому – РНК-интерференция –

процесс подавления работы гена с помощью РНК, механизм которого расшифрован А. Файром и К. Мело (Нобелевская премия по физиологии и медицине за 2006 г.). Принципиальное отличие генной терапии от любой другой терапии заключается в том, что она направлена на устранение не симптомов заболевания, а его первопричины.

Из общего числа известных заболеваний человека (их насчитывается сейчас примерно 10 тыс.) около 30–40% составляют так называемые генетические или наследственные болезни. Многие из этих патологий связаны с нарушением работы одного единственного гена. Генная терапия применима, в первую очередь, именно к такого рода заболеваниям, поскольку в этих случаях процесс лечения существенно облегчается. В настоящее время, используя информацию о структуре генома человека и его отдельных генов, ученые

ведут широкомасштабный поиск средств лечения многих, традиционно считавшихся фатальными для человека наследственных и приобретенных болезней: гемофилии, муковисцидоза, болезни Паркинсона, Альцгеймера, различных кардио-васкулярных патологий и др. Уже существуют данные о проведении предклинических и клинических испытаний для терапии большинства этих заболеваний.

В США и Великобритании были проведены, например, испытания на пациентах с дефектом гена, который кодирует белок, необходимый для нормальной работы сетчатки глаза. В ходе операции этим пациентам вводили «здоровые» копии поврежденного гена в определенную область глаза. Через полгода пациенты, которые до генной терапии могли различать лишь движения рук, стали способны видеть все линии на таблице проверки зрения.

Чилийским ученым с помощью генной терапии удалось на 50% снизить потребление алкоголя у крыс с врожденной склонностью к алкоголизму. Имеются определенные успехи и при использовании генной терапии для лечения ненаследственных патологий (рак, ишемия) и различных инфекционных заболеваний (СПИД, гепатит).

В России начаты клинические испытания генной терапии некоторых опухолей, нервно-мышечных заболеваний, ишемии. В частности, разработан метод лечения ишемии нижних конечностей, который прошел первый этап клинических испытаний и реально помог вернуть к нормальной жизни более 50 человек. Однако в целом работы по генной терапии в России пока сильно отстают от исследований, которые проводятся в других странах мира.

При всех положительных результатах генная терапия все еще остается малоэффективной. Эта биотехнология возникла вслед за трансгенной технологией, но успехи ее значительно скромнее последней. Остаются нерешенными такие ключевые проблемы, как целевая доставка генов, длительное и эффективное их функционирование в пораженных тканях.

Будущее генной терапии зависит от решения этих проблем. Необходимы большие усилия исследователей, чтобы генная терапия стала высокоэффективной технологией лечения разнообразных заболеваний человека и животных.

Некоторые религиозные деятели и даже ученые выступают против использования генных технологий применительно к человеку, считая, что есть рубеж, перейдя который мы не сможем контролировать дальнейший ход событий. Однако те, кто страдает от неизлечимых заболеваний, возлагают надежду именно на генную терапию. Для них это вопрос жизни и смерти. И система запретов в данной области – это тупиковый путь.

Успеху генных биотехнологий в значительной мере способствовало параллельное развитие с ними **клеточных биотехнологий**. Ярким примером этой технологии, которая нашла широчайшее распространение, может служить создание гибридов, продуцирующих моноклональные антитела. Г. Кёлер и С. Мильштейн получили за это Нобелевскую премию по физиологии и медицине за 1984 г.

Одним из последних достижений клеточной биотехнологии стало получение и культивирование **стволовых клеток**, служащих предшественниками всех клеток организма. Эти клетки являются тем «стволом», из которого развивается «древо» всего организма. Родоначальником теории о существовании стволовых клеток стал в начале XX в. российский гистолог Александр Максимов. В конце 70-х годов прошлого века были получены данные о возможности применения трансплантации стволовых клеток костного мозга при лечении острых лейкозов. С этого времени началась новая эра в медицине. В конце XX в. были выделены так называемые эмбриональные стволовые клетки сначала из эмбрионов мышей, а потом из эмбрионов человека. Последнее событие было признано одним из трех наиболее значимых достижений в биологии за XX в. (наряду с открытием двойной спирали ДНК и полной расшифровкой строения генома человека). Кроме эмбриональных стволовых клеток удалось получить также региональные стволовые клетки, которые присутствуют в различных органах взрослого организма. Такие клетки присутствуют даже в головном мозге, хотя длительное время считалось, что новые нервные клетки не образуются у взрослого организма.

После обнаружения стволовых клеток были начаты широкие исследования по их применению для лечения различных заболеваний человека. Дальнейшее развитие получила идея о клеточной регенеративной терапии, основанной на введении в организм человека стволовых клеток для замещения утраченных, неактивных или поврежденных клеток. В экспериментах с животными были получены впечатляющие результаты. Например, на мышах с помощью определенных видов стволовых клеток

удалось кардинально повлиять на такие патологии, как нарушение зрения, дегенерация мышечной ткани, нейродегенерация, иммунодефицит.

Значительно скромнее успехи в применении стволовых клеток для лечения заболеваний человека. Тем не менее уже разработаны протоколы клинических испытаний по использованию стволовых клеток для терапии рака (в первую очередь, лейкозов), ожогов, кардиологических заболеваний, нарушений опорно-двигательного аппарата, неврологических патологий, а также некоторых наследственных болезней, например, наследственных расстройств иммунной системы.

Работы по клеточной регенеративной терапии сейчас проводят в разных странах мира, включая и Россию. В частности, в нашей стране разрабатывается процедура стимуляции ангиогенеза² в скелетных и сердечной мышцах с помощью стволовых клеток, выделенных из жировой ткани пациента. Лечение собственными стволовыми клетками привлекательно тем, что эти клетки, будучи своими, родными, не отторгаются организмом, а иммунная система спокойно воспринимает их присутствие.

Сегодня во всем мире, включая Россию, уже существуют специальные банки, в которых хранится пуповинная кровь, содержащая большое количество эмбриональных стволовых клеток новорожденных. Делают это с надеждой на то, что в ближайшие годы будут разработаны и доведены до реального использования в регенеративной медицине протоколы лечения на основе этих клеток. Дело в том, что у взрослого человека эмбриональных стволовых клеток практически нет, а количество региональных стволовых клеток весьма мало, а с возрастом оно вообще стремится к нулю. Так, у новорожденного человека в костном мозге на 10 тыс. кроветворных клеток приходится одна стволовая клетка, а к 50-ти годам одна стволовая клетка приходится уже на 0,5 миллиона обычных клеток. К тому же терапевтический потенциал региональных стволовых клеток значительно ниже, чем эмбриональных стволовых.

Эмбриональные стволовые клетки исчезают после рождения, т.е. после того, как новорожденный организм перестает быть эмбрионом. Казалось, что эти клетки навсегда потеряны для взрослого организма, хотя в некоторых критических жизненных ситуациях они бывают очень и очень нужны. Неожиданно в 2007 г. в эту проблему вмешалась геновая биотехнология, которая сделала почти невероятное (ожидается, что за это будет присуждена очередная Нобелевская премия): был найден способ получения практически из любых клеток взрослого организма клеток, подобных эмбриональным

2. Ангиогенез – это процесс роста новых кровеносных сосудов.

стволовым клеткам, т.е. похожих на те клетки, которые когда-то дали основу для развития этого организма, а потом исчезли. В любую соматическую клетку взрослого организма вводят строго определенный «коктейль», состоящий минимум из трех генов, работающих обычно в эмбрионе на ранних стадиях его развития. В результате такой процедуры взрослая клетка становится подобной эмбриональной стволовой и может затем превратиться в любой тип клеток взрослого организма. Это новое направление генно-клеточной биотехнологии сулит огромные перспективы для регенеративной медицины.

Применение эмбриональных и региональных стволовых клеток с медицинскими целями пока еще имеет очень ограниченное распространение. Связано это со многими причинами и в первую очередь с тем, что **стволовые клетки по многим своим параметрам подобны раковым клеткам**. Поэтому для их реального практического использования потребуются еще значительные усилия ученых, чтобы этот вид биотехнологии стал безопасным и занял свое достойное место среди других видов биомедицинских технологий.

Сегодняшняя ситуация с исследованиями стволовых клеток в разных странах мира различна. Так, в США существует официальный запрет на получение новых линий эмбриональных стволовых клеток человека, тогда как в Великобритании такого рода работы находят поддержку государства. В России нет запрета на такие исследования, однако нет и необходимого финансирования, что сдерживает проведение экспериментов.

К сожалению, объективное положение дел со стволовыми клетками для широкой общественности остается мало известным. По этой причине отношение к практическому использованию стволовых клеток прямо противоположно тому, которое сложилось вокруг трансгенных организмов. Видимой угрозы от ГМО нет, но их многие боятся, с ними ведут активную борьбу «зеленые», их запрещают в законодательном порядке.

В то же время существует реальная угроза использования стволовых клеток без соответствующих клинических испытаний. Однако большое число людей считает эту методику панацеей от всех болезней, а некоторые даже испытали на себе такое «лечение». В России средства массовой информации забиты рекламой, в которой разные клиники предлагают омоложение и лечение безнадежных заболеваний с помощью стволовых клеток. «Лечение» осуществляется несколькими видами стволовых клеток, часто с помощью клеток из абортированных человеческих зародышей. Однако их применение небезопасно по ряду причин. Такого рода процедуры не исключают возможность заражения различными вирусами и микробами. Кроме того, чужие стволовые клетки, полученные из «чужих» эмбрионов и плодов, в организме реципиента обычно уничтожаются его иммунной системой.

Пытаясь повлиять на сложившуюся в России ситуацию, академик РАМН, директор Института экспериментальной кардиологии Владимир Смирнов заявил недавно на совещании в Московской медицинской академии им. Сеченова: «Лицензии, которые выдает Комитет здравоохранения Москвы, незаконны. Никаких лицензий, никаких разрешений на применение стволовых клеток Минздрав не выдавал. Вся деятельность с использованием стволовых клеток в косметологии, в других областях медицины нелегальна, незаконна и наказуема». Причина, по которой сложилась такая ситуация, проста: люди, поддающиеся рекламе, готовы платить и платят огромные деньги за лечение стволовыми клетками, что им охотно и предлагают. В государстве нет никаких законодательных запретов, и оно не вмешивается в этот процесс. Таковы сегодняшние парадоксы клеточной биотехнологии.

В стороне от ажиотажа, связанного со стволовыми клетками и их использованием в медицине, была разработана **принципиально новая генная биотехнология – технология направленного переноса генов**, создателям которой (М. Капекки, О. Смитису и М. Эвансу) была присуждена Нобелевская премия по физиологии и медицине за 2007 г. Эта технология основана на том, что перенос генов (трансгеноз) осуществляют не в зиготу, а одновременно в миллионы эмбриональных стволовых клеток, растущих в культуре, затем отбирают единичные клетки, в которых произошло необходимое событие, и их используют для получения взрослых организмов с направленно измененными генами.

Новая технология нашла широкое применение в экспериментальных целях. С ее помощью у лабораторных животных инактивируют («нокаутируют») строго определенные гены. Такое «исключение» генов позволяет изучать их функции в организме, и, хотя направленный перенос генов пока не нашел практического применения, нетрудно представить, что он даст для медицины в ближайшем будущем. Например, искусственно полученные эмбриональные стволовые клетки (о них шла речь выше) от пациента с генетическими дефектами могут быть «исправлены» с помощью целевого воздействия на «больной» ген, а затем использованы для клеточной терапии пациента без последующего их отторжения его собственным организмом.

Существенный прогресс в современной биотехнологии произошел в связи с разработкой в самом конце прошлого века **технологии репродуктивного клонирования животных организмов**. Проблемы клонирования растений никогда не существовало, в растениеводстве оно широко использовалось на протяжении многих лет. Этим занимались и многие из нас: разрезая клубень картофеля на несколько частей и высаживая их в почву, мы получали по осени несколько растений, генетический аппарат которых практически идентичен, т.е. несколько клонов первоначального

растения. У животных и человека клонирование происходит лишь изредка в естественных условиях – при рождении однояйцовых близнецов. Технология целенаправленного искусственного клонирования животных организмов появилась лишь десять лет назад, когда родилась знаменитая овца Долли.

Технология репродуктивного клонирования сулит большие перспективы, в первую очередь для животноводства. Благодаря ей от любого животного с ценными продуктивными качествами можно получить многочисленные генетически идентичные копии, обладающие теми же признаками. И пока это – единственный путь улучшения породы, поскольку при размножении животных скрещиванием сохранить полезные признаки удастся далеко не всегда.

Важной областью применения клонирования станет технология создания и размножения клонов трансгенных сельскохозяйственных животных. Здесь вновь происходит объединение двух видов биотехнологий: генных и клеточных. Получение ГМО с определенными свойствами – непростая задача, но даже после создания такого организма (например, коровы с высокой жирностью молока), размножить его до целого стада довольно трудно. Здесь-то и приходит на помощь репродуктивное клонирование. Получение трансгенных животных с помощью этой технологии имеет ряд преимуществ: можно получать особи определенного пола, а время, необходимое для создания стада, сокращается в 2–2,5 раза, и если знаменитая овечка Долли никакими особыми свойствами не обладала, то уже другая клонированная трансгенная овечка, по имени Полли, давала молоко, крайне необходимое для больных гемофилией.

Данную технологию можно применять и при клонировании исчезающих видов диких животных, например, лошади Пржевальского, суматринского носорога или других редких видов животных, ткани которых сохранились в криобанках. Можно также воспроизводить те виды животных, которые никогда не размножаются в неволе, например, гигантского броненосца. Наконец, находятся состоятельные люди, для которых клонируют их домашних любимцев – кошек и собак. С этой целью созданы специальные коммерческие биотехнологические фирмы.

Таким образом, технология клонирования может быть весьма полезна во многих отношениях. Однако вокруг проблемы клонирования создан искусственный ажиотаж, идут ожесточенные споры, поскольку её зачастую сводят к вопросу о репродуктивном клонировании человека. Между тем даже в весьма далекой перспективе едва ли эта технология будет широко использована применительно к человеку.

В настоящее время клонирование человека запрещено практически во всех странах, ответственность за нарушение закона о клонировании человека наступает в виде лишения свободы: в Германии – сроком на 5 лет, во

Франции – до 20 лет, в Японии – до 10 лет. В России до 2005 г. действовал Фе-

деральный закон лишь о временном запрете на клонирование человека, и формально сейчас такого запрета нет.

Тем не менее вопрос вновь и вновь поднимается в прессе, на телевидении и других средствах массовой информации. Кто-то говорит о клонировании Гитлера, кто-то – о клонировании Ленина. Все это привлекает внимание рядового читателя, об этом интересно поговорить, хотя для дискутирующих даже суть процедуры клонирования остается порой непонятной.

Самое большое препятствие на пути к клонированию человека – неопределенность результата и недостаточная оценка опасностей, таящихся в этой процедуре. Ясно, что клонирование опасно прежде всего тем, что может привести к определенному обеднению генетического фонда человека, повторяя дефекты генома и не давая при этом ему никаких новых качеств. Много неожиданных проблем может возникнуть и с появлением человеческих уродцев как результата манипулирования с клетками эмбрионов, с преждевременным старением клонов, с онкологическими и иммунологическими заболеваниями и др.

Существуют и серьезные морально-этические проблемы. Есть ли уверенность, что клон будет благодарен своим «создателям», не осудит ли он их, когда подрастет, не начнет ли он из чувства противоречия жить совершенно по другим правилам, которыми руководствовалась его исходная «матрица»? Что делать с «дефектными» копиями, которые с неизбежностью появятся на свет особенно на начальных этапах клонирования человека? Задумываются ли об этом те, кто планирует или уже приступил к клонированию человека? Очевидно, что сегодня никто не имеет морального права заниматься клонированием людей.

Но вопрос полностью не закрыт. Миллионы семейных пар во всем мире сегодня страдают бесплодием. У нас в стране каждая шестая – седьмая семейная пара не может иметь детей. В перспективе клонирование могло бы прийти на помощь в такой психологически сложной ситуации, оно могло бы помочь также тем семьям, в которых один из членов семьи страдает наследственным генетическим заболеванием. Однако все это возможно только в отдаленном будущем.

На фоне этих дискуссий в тени остается еще один важный аспект, связанный с клонированием, а именно – **терапевтическое клонирование**. Конечная цель терапевтического клонирования конкретного человека заключается в искусственном выращивании из его клеток, превращенных в эмбриональные стволовые, разнообразных тканей и органов. Если в клетках человека имелись генетические аномалии, они могут быть исправлены до клонирования с помощью генной технологии. Полученные после этого

клетки, ткани и органы можно пересаживать этому же человеку, не опасаясь их отторжения, что сулит в конечном итоге настоящую революцию в медицине.

Клонофобия – не повод для прекращения исследований или ужесточения законодательства по отношению ко всем видам клонирования. Если репродуктивное клонирование имеет своей целью получение копии (клона) конкретного животного или человека, то **терапевтическое клонирование – это только лечебная процедура**. В последнем случае клонированные эмбриональные стволовые клетки вводятся непосредственно в органы людей, больных неизлечимыми болезнями, и никакого отношения к клонированию человека эта процедура не имеет. При терапевтическом клонировании эмбриональные стволовые клетки клонируются не для выращивания человеческих копий, а только для того, чтобы получить стволовые клетки, ткани и органы, которые могут быть использованы для лечения. К сожалению, когда речь заходит о репродуктивном и терапевтическом клонировании, часто происходит взаимная подмена этих понятий, в результате запрет на один из подходов распространяется и на другой. Для терапевтического клонирования используют зародыши, состоящие из 2–3 сотен клеток, которым всего пять дней от зачатия, в них еще нет никаких органов. Запрет на такого рода технологию зачастую не поддается никакой логике, особенно если это касается тех стран, где не запрещены аборт и смертная казнь. Официально Комитет по биоэтике ЮНЕСКО рассматривает эмбрион как существо, подлежащее защите после 14-ти суток его развития.

Создание любой новой технологии сопровождается и сомнениями и опасениями, но они не должны служить тормозом на пути научного прогресса.

Мы никогда не создадим идеальный мир, в котором все будут сыты и здоровы, но сделать так, чтобы было больше здоровых и сытых, вполне по силам современным генным и клеточным биотехнологиям.

А.А. Назукина

ТОРГОВЛЯ СПИРТНЫМИ НАПИТКАМИ ВО ВРЕМЯ
ВВЕДЕНИЯ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ
(Москва и Московский уезд, 1894 г.)

**Назукина Анастасия Александровна – аспирантка
Московского городского педагогического университета,
главный библиограф ИНИОН РАН.**

Питейное дело в России имеет большую историю.

Еще московские князья обратили внимание на высокую доходность с продажи питей. Продажа водки перешла постепенно под контроль государства. Первые пошлины были установлены на мед, хмель и солод. Уплачивались они деньгами или натуральным сбором¹. Затем данью стали облагаться места продажи питей «корчмы» (корчма – место, куда сходились для еды и питья). Тут же говорили и об общественных делах, играми в азартные игры и т.п. На Руси многие столетия питейная торговля была вольной.

При Иване III право выделки напитков все более ставилось под государственный контроль, тем не менее частная продажа вина была сильно развита. Иван VI ввел откупную систему продажи питей. Суть ее заключалась в появлении «царева кабака», который отдавался на откуп. Первое название «Кабук» встречается в документе 1563 г. На постройку кабаков царское правительство не отпускало средств из казны. Строительство кабаков осуществлялось за счет местного населения в порядке государственной повинности.

В России существовало два способа организации кабаков: сдача на откуп желающим и, если их не находилось, – местное население должно было избрать кабацкого голову и целовальника (или нескольких целовальников), давших клятву на верность царю².

По сути своей, целовальник и откупщик выполняли одинаковую функцию – сбор денег с населения посредством торговли спиртными

напитками в кабаках, однако их правовое положение было различным. Целовальник отрабатывал так называемый «оклад», который налагался финансовыми органами. Основной целью откупщика являлась личная прибыль.

XVII век стал расцветом откупной кабацкой системы. В 1619 г. «кабацким делом» стал ведать приказ Новой четверти, собиравший на Руси питейные доходы. Предпринимались попытки ввести казенную продажу питей и отказаться от деятельности откупщиков (1666 и 1682 гг.). При Петре I, с изданием Указа от 15 декабря 1712 г., откупные правоотношения стали закрепляться письменными контрактами³.

Винные откупа были ликвидированы лишь 4 июля 1861 г. По «Положению о питейном сборе» с 1 января 1863 г. в России вводилась акцизная система взимания косвенных налогов с алкогольных напитков. Принципы новой системы формулировались так: свобода производства спиртных напитков; свобода торговли ими; извлечение казной дохода посредством обложения выкуриваемого спирта и обложения места продажи спиртных напитков – правительственный надзор за производством и торговлей спиртными напитками⁴.

Акцизная система, как посчитала власть, себя не оправдала, в первую очередь потому, что она приносила доход лишь при ежегодном увеличении суммы акциза. Именно поэтому, начиная с 1881 г., в печати начинают появляться статьи, пропагандирующие необходимость введения казенной продажи питей. Казенная винная монополия была введена в России в 1894 г. Первоначально был разработан экспериментальный проект, который вводил монополии в четырех губерниях: Пермской, Уфимской, Оренбургской, Самарской – с 1 января 1895 г.⁵ Уже через два года казенная винная монополия была введена на территории всей страны, несмотря на то, что эксперимент еще не был закончен.

Питейная монополия изменяла лишь характер продажи напитков, оставив почти в прежнем виде и систему питейных сборов, и регламентацию винокуренного производства. Сущность ее заключается в следующем. В пользу казны взимался налог с питей и изделий из вина и спирта, а также дрожжей. Напитки, подлежащие оплате акцизом, должны были готовиться на особых – для каждого – заводах, которые устраивались отдельно один от другого и не имели никакой связи как между собою, так и с заводами, выделяющими из спирта и вина другие, высших сортов, напитки или же иные изделия (хлебные водки, лак, политуру и т.п.).

Для осуществления продажи открывались специальные казенные винные лавки – «казенки» – помещались они на тихих улицах, вдали от церквей и учебных заведений. В лавках назначались «сидельцы», которые принимали

деньги и продавали почтовые и гербовые марки, гербовую бумагу, игральные карты.

Казенные винные лавки в Москве начали свою деятельность 1 июля 1901 г. в 12 часов дня. Время торговли было четко обозначено в правилах, которые вывешивались специально для продавцов и покупателей: «Отпирать в праздничные дни с 12.00 до 15.00, а в будни с 7.00 до вечера»⁶.

Казенные винные лавки открывались в основном в домах простых крестьян. Цена аренды помещения за год составляла от 150 до 800 руб. Как правило, помещение государством снималось сроком на три года⁷. Сидельцами в этих «казенках» могли быть как мужчины, так и женщины, – крестьяне и мещане из разных губерний.

Введение винной монополии и появление казенных винных лавок, которые торговали исключительно на вынос, было встречено народом весьма отрицательно, что следует из донесений агентов Московского уездного жандармского управления. «Возникает недовольство, и ропщут на правительство», «между крестьян в некоторых селениях идет говор», – так заканчиваются многие агентурные записки 1901 г.⁸. Одна из причин этого недовольства: «Торговцы говорят, что заменяет нашу торговлю Царь, а пьянства не искореняет»⁹.

Правительство С.Ю. Витте вводило монополию на вино – и «для ограждения народной нравственности, и народного здоровья от растлевающих влияний нынешнего питейного заведения, которые вместе с тем причиняют народу и неисчислимый материальный вред»¹⁰. Однако этой цели реформа питейной системы не достигла уже потому, что торговля спиртных напитков на вынос стала причиной уличного пьянства. По свидетельству современников, на улице не только пьянствовали, но и ругались, безобразничали и дрались. Всякое место улицы превращалось в кабак – пили в трамваях, в ближайших дворах, в скверах и общественных садах¹¹.

Вторая причина недовольства нововведением: «Казна отбивает доходности, которыми они все время оправдывали казенные сборы, а теперь приходится платить из своих трудов»¹². При акцизной системе одним из главных условий открытия любого питейного заведения было согласие сельских обществ, причем им было предоставлено право взимать плату за это согласие¹³. Полученные деньги шли на уплату казенных и земских сборов, да еще и оставалось, как говорили сами крестьяне¹⁴. Размер этой платы мог достигать 2 тыс. руб.¹⁵. С введением «казенок» и закрытием большинства трактирных и иных заведений по продаже спиртных напитков эти общества лишались существенного дохода и, как было отмечено в одном из дел, «теперь приходится платить из своих трудов»¹⁶.

Одновременно с казенной продажей питей велась и частная торговля вином, правда, с рядом ограничительных мер. В частных заведениях могли

продаваться водка, виноградное вино, пиво, портер, брага, мед, т.е. практически тот же ассортимент спиртных напитков, который предлагали и посетителям «казенок».

В районе казенной продажи питей допускались в продажу на комиссионных началах только те водочные изделия, которые были приготовлены из ректификованного спирта, удовлетворяющего установленной пробе на чистоту¹⁷. В пользу казны комиссионная плата взималась: 1) с водочных изделий заводов района казенной продажи – 5%; 2) с водочных изделий заводов вне района казенной продажи, а также старой водки и русского коньяка – 10%; 3) с очищенного вина, привозимого извне района – 15%¹⁸.

Правительство пыталось загнать в жесткие рамки деятельность и частных питейных заведений, и казенных винных лавок. Частные лица, которым разрешалась продажа спирта, вина и водочных изделий, обязаны были приобретать эти напитки исключительно из мест казенной продажи¹⁹. Во всех заведениях трактирного промысла, которым разрешена продажа, спирт, вино и водочные изделия могли отпускаться на вынос и распивочно, не иначе как в запечатанной посуде и по назначенным ценам, причем в этих заведениях всегда должен был быть запас казенных питей в посуде всех установленных размеров. Эти напитки могли продаваться для распития на месте и произвольными мерами в налив из графинов, по вольной цене, во всякого рода буфетах и в тех заведениях трактирного промысла, которым это разрешалось Управляющим акцизными сборами²⁰.

В Москве достаточно быстро стала развиваться не только казенная продажа питей, но и частная, несмотря на то, что Положение о казенной продаже питей здесь было полностью введено лишь к 1902 г. Правила, установленные государством, нарушались и справиться с нарушителями было практически невозможно. Оставалось разве что прикрывать эти заведения и лишать тем самым государственный бюджет доходов.

В МВД все чаще шли донесения о всевозможных нарушениях торговцами правил торговли. В центре Москвы располагалась пивная лавка крестьянина Степана Петрова, в которой ежедневно происходили сборища студентов, которые сидели в шапках, пели песни, шумели, а потом толпами выходили на Тверской бульвар и начинали бесчинствовать²¹. Хозяин лавки отказывался сотрудничать с администрацией и не называл главных зачинщиков беспорядка. Он не опасался судебного разбирательства, так как считал, что свидетельские показания будут в его пользу. Между ним и учащейся молодежью существовала солидарность. Студенты говорили, что в случае возложения на Петрова штрафа, они его внесут сообща²². Представителей администрации возмущал тот факт, что некоторые студенты являлись на квартиру к Петрову и продолжали там кутеж²³. Администрация

решила лавку закрыть и запретить Петрову иметь подобные заведения в центре Москвы²⁴.

Подобный случай произошел в двух частных винных лавках. Располагались они в центре Москвы, в Тверской части. Содержали их мещанка Нарышкина и купец Смирнов. Владельцы отступали от правил, торговали во всякое время дня и ночи и даже в праздничные дни, ранее разрешенного часа, и обе лавки служили местом постоянного сборища для прислуг²⁵. Лавки были закрыты, а на ходатайство владельцев открыть их вновь, власти ответили отказом.

Торговля спиртными напитками в гостиницах и ресторанах также проходила с немалыми отступлениями от правил. Так, например, владелец московской гостиницы «Малый Эрмитаж» купец Хусаим Байбеков пускал в гостиницу женщин и мужчин «для разврата»²⁶. Обещая администрации прекратить это, он просил разрешить позднюю торговлю в ресторане гостиницы²⁷. Его ходатайство было удовлетворено. Но Байбеков не сдержал слова. Гостиница была закрыта по требованию владельца дома, в котором располагалась гостиница²⁸.

Немало питейных заведений и даже чайных, которые создавались с целью борьбы с пьянством, тоже страдали «развратным» недугом.

Неудивительно, что в записке министра финансов от 28 ноября 1896 г. о проверке деятельности частных торговых заведений по продаже спиртных напитков, было отмечено: «При посещении районов казенной продажи питей мною замечено, что заведения трактирного промысла, погреба русских виноградных вин и пивные лавки во многих случаях служат притонами пьяниц, людей темных профессий, а нередко и разврата; в особенности темные стороны частной виноторговли проявляются в городах, где городские думы разрешают открытие трактиров в числе, превышающем действительную потребность. Торговля в них производится исключительно пиятиями и холодными закусками сомнительной доброкачественности, причем в тех трактирах, которым разрешена продажа казенных питей по казенной же цене, за подобные закуски, обязательно продаваемые при подаче казенных питей, часто взимается чрезмерно высокая плата»²⁹.

Казенная винная монополия не оправдала ни целей фиска, ни целей охранения народной трезвости. В Москве ситуация мало изменилась с полным введением казенной винной монополии. Город шел по той же дороге, что и другие города, в которых казенная винная монополия была введена намного раньше (в 1894 г.). В «Нижегородских губернских ведомостях» опубликована следующая любопытная зарисовка: «Постоянная публика наших трактиров – бедный рабочий люд... В праздничные и базарные дни... в трактирах толкотня, шум, крик, ругань бывают невообразимые... пьяных можно видеть множество»³⁰.

Факты с очевидностью показывали, что с уничтожением кабаков как системы винной торговли, пьянство и злоупотребления не исчезли, и современники понимали, что «корень пьянства лежит не в той или иной организации питейного дела, а в общих условиях народной жизни»³¹.

Примечания

1. См.: Бородин Д.К. Кабак и его прошлое. СПб., 1910. С. 28.
2. См.: Смолкин И.К. Винный откуп в дореволюционной России. М., 1989. Деп. С. 4.
3. См.: Там же, стр. 10.
4. См.: Фридман М.И. Винная монополия в России. Пг., 1914–1916. С. 67.
5. См.: Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему. СПб., 1899.
6. ГАРФ. Ф.58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 12 июля 1901 г.).
7. ГАРФ. Ф.58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 20 марта 1901 г., за 21 апреля 1901 г., за 24 апреля 1901 г., за 6 июня 1901 г.).
8. ГАРФ. Ф. 58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 14 марта 1901 г., за 10 апреля 1901 г., за 21 апреля 1901 г.).
9. ГАРФ. Ф. 58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 14 марта 1901 г.).
10. ГАРФ. Ф.58. оп. 8, ед.хр. 473, 1901 г. (записка за 10 апреля 1901 г.).
11. См.: Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему. СПб., 1899. С. 4.
12. См.: Зайцева Л.И. Витте и Россия. Казенная винная монополия 1894–1914. М., 2000. С. 89; Отзывы о результатах введения казенной продажи питей. СПб., 1901. С. 3.
13. См.: Устав о питейном сборе и положение о трактирном промысле. СПб., 1894. С. 59.
14. ГАРФ. Ф. 58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 21 апреля 1901 г.).
15. ГАРФ. Ф. 58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 14 марта 1901 г.).
16. ГАРФ. Ф. 58. оп. 8, ед. хр. 473, 1901 г. (записка за 10 апреля 1901 г.).
17. См.: Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему. СПб., 1899. С. 101.
18. Там же, с. 103.
19. Там же, с. 144.
20. Там же, с. 162–163.
21. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 1.
22. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 1.
23. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 1.
24. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 1.
25. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 2.
26. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 4.
27. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 4.
28. ГАРФ. Ф. 102. оп. 53, ед. хр. 52, 1896 г. л. 4.
29. См.: Сборник узаконений и правительственных распоряжений по казенной продаже питей и первое дополнение к нему. СПб., 1899. С. 136.
30. См.: Нижегородские губернские ведомости (часть неофициальная). 1897, № 6.
31. См.: Лебедев В.А. Питейное дело. СПб., 1898. С. 48.

Н.А. Ерофеев

ДИНАМИКА ВКЛАДОВ В СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ
КАССАХ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАСТРОЕНИЙ В РОССИИ В 1905±1907 гг.

**Ерофеев Николай Дмитриевич – доктор
исторических наук, профессор МГУ.**

В статье предпринята попытка выяснить, во-первых, динамику вкладов в государственных сберегательных кассах в 1905–1907 гг. по стране в целом, а также по отдельным регионам и категориям вкладчиков; во-вторых, показать, как эта динамика соотносилась с революционным движением, отражала его развитие. Историографию темы исследования нельзя признать удовлетворительной. В какой-то мере освещена лишь проблема динамики движения вкладов по стране в целом. Однако без специального изучения поставленных проблем нельзя составить более или менее ясного представления об уровне жизни различных слоев населения, о реакции сберегательного дела на революционные события, о финансовом положении государства и финансовой политике правительства во время революции. Актуальность этих проблем заключается и в следующем. Как показывает статистика, подавляющее большинство вкладчиков государственных сберегательных касс составляли мелкие вкладчики, относящиеся к средним слоям населения. Динамика вкладов позволяет судить о политических настроениях этих слоев населения, что очень важно, – от их настроений в значительной мере зависел ход развития революции, и ее конечный итог.

Основным источником для работы послужили ежегодные «Отчеты государственных касс» и «Приложения» к ним, в которых содержится подробная информация о видах и числе сберегательных касс, о вкладах и вкладчиках, их распределении по районам и губерниям и областям, по полу и возрасту, местам проживания, грамотности, социальной и профессиональной принадлежности, занятиям.

На начало 1905 г. в России имелось 6558 сберегательных касс, из них центральных касс и их отделений было 2061, почтово-телеграфных – 4257, фабрично-заводских – 107 и при волостных правлениях в Сибири – 133 (5). Распределение касс по стране было крайне неравномерным. В столицах и их окрестностях находилось 117, в 87 губернских городах – 432, в 761 уездных и заштатных городах – 1611 и в 4095 внегородских населенных пунктах – 4355. Кроме того, существовало 43 судовые кассы.

Всего вкладчиков насчитывалось 5127,1 тыс. Из них на долю физических лиц приходилось – 94,3 %, юридических – 5,7 %. Их вклады денежные и в процентных бумагах (соответственно – 910,6 млн. руб. и 195,1 млн. руб.) составляли внушительную сумму в 1105,7 млн. руб. Из нее на вклады физических лиц приходилось 88,4 %, а юридических лиц – 11,6 % (1).

Анализ помесечного движения вкладов сберегательных касс в 1905 г. вскрывает своеобразную динамику. Чтобы лучше понять это своеобразие, необходимо иметь в виду то, что обычно поступления и выдачи вкладов распределялись по месяцам неравномерно, но периоды повышения и понижения притока вкладов чередовались с определенной закономерностью. Как правило, приток вкладов был особенно интенсивным в январе, феврале и июне.

В эти месяцы суммы взносов превышали суммы выдач, а в августе, сентябре и октябре приток вкладов падал до минимума, и порой суммы выдач превышали суммы взносов. Эта закономерность находит свое объяснение в том, что у значительного числа вкладчиков в это время возрастала потребность в деньгах в связи с затратами, вызывавшимися кампанией по уборке и реализации урожая, прежде всего хлебов. В ноябре и декабре взносы вновь возрастали, а выдачи понижались. В период с *января до октября* 1905 г. эта закономерность тоже проявила себя в полной мере. Соотношение взносов и выдач в этот период находилось на уровне их соотношения в те же месяцы в 1900–1903 гг. (2).

Факт, что с января по октябрь 1905 г. в сберегательном деле сохранялась та же динамика, которая была свойственна динамике спокойных предреволюционных лет весьма примечателен. Он дает основание предполагать, что те события, которые принято считать вехами в процессе развития революции с января по октябрь 1905 г.: «Кровавое воскресенье», многочисленные рабочие стачки, крестьянские волнения, восстание на броненосце «Потемкин», либеральные протесты различного рода и др., если и вызывали какое-то сочувствие у вкладчиков сберегательных касс и тех средних слоев населения типичными представителями которых они были, то это сочувствие не доходило до того, чтобы породить у них сомнения в устойчивости государственного порядка. Можно сказать даже более. По-прежнему доверяя свои вклады государственным сберегательным кассам,

вкладчики объективно были на стороне государства, финансово поддерживали его борьбу с революцией.

Положение меняется лишь с того момента, когда начался высший подъем революции. В *октябре* 1905 г. *выдачи* из сберегательных касс *превысили* вклады в них на 2,5 млн. руб., тогда как в предшествовавшие годы соотношение было обратным (3). Однако полный обвал в сберегательном деле произошел в последние два месяца года «бури и натиска». В *ноябре* было выдано из касс на 55 млн. руб. больше, чем в них внесено (соответственно 98,4 и 43,4 млн. руб.), а в *декабре* – на 91,1 млн. руб. (соответственно 123,9 и 32,8 млн. руб.) (16). Всего за три последних месяца 1905 г. выдачи из сберегательных касс на 148,6 млн. руб. превысили поступления в них. В итоге общая сумма денежных вкладов к концу 1905 г. уменьшилась по сравнению с началом года на 106,4 млн. руб. (4). Эта динамика проявилась в различных районах, губерниях и видах касс (5).

По абсолютному показателю самая большая убыль денежных вкладов в 1905 г. произошла в Центрально-промышленном районе. Равняясь 22,9 млн. руб., она составляла 28,2% от всей убыли денежных вкладов по стране. Второе место занимает С.-Петербургский район (15,2 млн. руб.). Затем идут районы: Центрально-земледельческий (11,1 млн. руб.), Южный (8,6 млн. руб.), Прибалтийский (6,7 млн. руб.), Привислинский (5,1 млн. руб.) и др. Если исчислять убыль вкладов в процентах по отношению к общей сумме вкладов по районам, то оказывается, что по этому показателю первенство принадлежит Прибалтийскому району – 24,8 %. Значительным был процент убыли вкладов и в таких районах как: С.-Петербургский (18,7%), Привислинский (16,6), Закавказский (14,5) и Центрально-промышленный (11,8%). Процент убыли вкладов по каждому из названных районов был заметно выше показателя (8,7%) по стране в целом. Единственным районом, в котором в 1905 г. вклады не только не уменьшились, но даже увеличились, была Восточная Сибирь.

В абсолютном выражении сумма вкладов здесь выросла на 8,7 млн. руб., а в процентном – на 26,4% (21). Такая аномалия объясняется тем, что в этом районе в связи с шедшей русско-японской войной было сосредоточено большое количество войск, что способствовало повышению активности торгово-промышленной и финансовой деятельности в районе.

Анализ движения вкладов по губерниям и областям дает следующую картину. Из 89 административно-территориальных делений лишь в 17 взносы в 1905 г. превосходили выдачи. Из них 11, т.е. более половины губерний и областей, приходятся на окраинные районы: *Закавказский*, *Среднеазиатский* и *Восточносибирский*. В Закавказском районе преобладание взносов над выдачами имело место в пограничных административных делениях:

Елизаветпольской и Эриванской губ. и Карской обл. Здесь, как и в Восточно-Сибирском регионе, стабильность не только политическая, но и в сберегательном деле обеспечивалась также военным фактором. В губерниях Кутаисской, Тифлисской и Бакинской, где было значительным революционное

движение, более существенным был и отток вкладов: соответственно 33,13%, 22,24 и 14,5%. Отсутствием широкого революционного движения, отдаленностью от центра России и слабой связью с ним объясняется ситуация в сберегательном деле в Среднеазиатском районе. Здесь соотношение между областями было равным. В четырех из них взносы были больше выдач, а в четырех – наоборот, выдачи превышали взносы. Состояние сберегательного дела Восточносибирского района на губернском и областном уровнях выглядит следующим образом. Лишь в Иркутской губ. наблюдалось превышение на 9,7 выдач над взносами, а в остальных четырех областях последние были намного больше первых. В Забайкальской обл. это превышение составляло 10,45%, в Амурской – 27,72%, а в Приморской и Якутской областях оно было вообще рекордным для всей России – соответственно 45,04% и 141,10%. Ситуация в Приморской области объяснима военным фактором, якутский же «феномен» невозможно понять без специального исследования.

Динамика сберегательного дела в Европейской России в 1905 г. определялась бóльшим, чем по России в целом, преобладанием выдач из сберегательных касс над взносами в них. Это преобладание в каждой губернии было разным. Оно зависело от многих обстоятельств, в частности, от экономических, социальных и культурных особенностей губерний, от числа в них вкладчиков и сберегательных касс. Однако именно в этих губерниях заметнее всего сказывалось влияние революционного фактора. Так в губерниях *Прибалтийского* края, охваченного революционными выступлениями, остаток вкладов в сберегательных кассах в конце 1905 г. уменьшился по сравнению с остатком вкладов в конце 1904 г.: в Эстляндской губ. на 32,16% (самый высокий процент по Европейской России), в Курляндской – на 27,66, в Лифляндской – на 19,65%. В *Привислинском* крае, объявленном в конце октября 1905 г. на военном положении, наибольшее изъятие вкладов было в Петроковской губ. – 31,1%, в Калишской – 24,7 и в Варшавской – 20,23%. В столичных губерниях, в центрах которых в конце 1905 г. происходили революционные события, от исхода которых зависела судьба страны, утечка вкладов также была значительной: в Петербургской губ. – 21,76%, а в Московской – 15,75%. По процентам утечки вкладов в *Центрально-промышленном* районе вслед за Московской губ., шли Нижегородская губ. – 18,66% и Владимирская – 15,75%. В остальных губерниях этого района показатели были на уровне близком к

всероссийскому. В Центрально-земледельческом районе выделялась *Саратовская* губ., по размаху крестьянского движения превосходившая другие российские земледельческие губернии. Из сберегательных касс этой губернии было изъято 16,58 % вкладов, в то время как в губерниях, в которых крестьянское движение не было столь значительным, этот процент был заметно ниже: в Тамбовской губ. – 5,18, в Курской – 5,00, в Воронежской – 4,68%. В Тульской же и Рязанской губерниях этот процент был выше и равнялся соответственно 10,42 и 9,90%. Особого накала революционной борьбы в этих губерниях тоже не было, и повышенное изъятие вкладов из их сберегательных касс объясняется, видимо, тем, что эти губернии были ближе к Москве и столичные настроения оказывали в них большее, чем в других губерниях, влияние на ситуацию в сберегательном деле.

Неоднородная динамика вкладов в российских районах, губерниях и областях позволяет сделать заключение, что в данном случае сказывались не только особенности губерний и революционный фактор, но и то, что влияние этого фактора не было определяющим повсеместно и для всего населения. Во-первых, даже в период высшего подъема революции люди не только изымали вклады, но и вносили их, в большинстве мест первые лишь превышали последние. Во-вторых, всего более это превышение имело место в центральных кассах и их отделениях (Петербургской, Московской, при учреждениях Государственного банка и казначействах), расположенных главным образом в крупных центрах: столицах, губернских и больших уездных городах. Кассы этой категории составляли 30,32% от общего числа касс, имевшихся в стране к концу 1905 г. Но из общего уменьшения в этом году числа вкладчиков и суммы вкладов, на эти кассы приходится 86,33% вкладчиков и 87,32% суммы вкладов (6). О преобладании изъятия вкладов в городах говорят и такие цифры: к концу 1905 г. общее число вкладчиков уменьшилось по сравнению с началом года на 2,96%, а городских вкладчиков на 5,80%. Общая по стране сумма вкладов к этому времени уменьшилась на 5,70%, а сумма вкладов городских вкладчиков на 6,60% (7).

Не меньший интерес, чем рассмотренные вопросы, представляют итоги анализа вкладов на уровне отдельных категорий вкладчиков. К 1 января 1905 г. из общего числа вкладчиков в 4 834 361 человек мужчины составляли 57,7%, женщины – 42,3%. В течение 1905 г. процентное соотношение между этими категориями в целом не претерпело существенных изменений и составляло 57,4 и 42,6%. Но среди тех лиц (143 344), которые изъяли свои вклады, это соотношение было еще большим в пользу мужчин: 74,63 и 25,36% (8). Столь значительную разницу можно объяснить прежде всего влиянием политического фактора, более активным участием мужчин в революции и большим риском революции для мужчин (8).

О влиянии революционных событий на общий жизненный настрой (оптимистический или пессимистический) вкладчиков и тех слоев населения, который они представляли, свидетельствует и статистика, характеризующая изменения в численности владельцев, так называемых условных вкладов. Существовало три вида условных вкладов: до совершеннолетия, на погребение и с другими назначениями. За 1905 г. число владельцев этих вкладов, уменьшилось в целом на 2,49%. Рассмотрение же изменений числа владельцев этих вкладов по такому признаку, как «род занятий», дало противоречивые результаты. Процент таких вкладчиков уменьшился по группам: «услужение» (14,45%), «работа на фабриках, заводах и рудниках» (7,40), «духовное звание» (6,09%). В то же время он возрос по группам: «землевладельцы» (10,45%), офицерские и нижние чины (соответственно 9,00 и 52,85%) (9). На выявленные контрасты определяющее воздействие оказал политический фактор. Уменьшение числа владельцев условных вкладов связано с тем, что в критический период последних трех месяцев 1905 г., именно эти группы населения оказались в более трудном, чем прежде, положении. В отношении таких групп, как «услужение» и «работа на фабриках, заводах и рудниках» особых пояснений не требуется. Что касается группы «духовное звание», то тут необходимо иметь в виду не только обеспокоенность духовных лиц тем, что пошатнулся государственный порядок, но и то, что в период революции в народе поколебалась вера в бога, а стало быть, меньшим стал доход священнослужителей от исполнения треб. Объяснение тому, что значительно увеличилось число условных вкладов по группе «землевладение», надо искать, видимо, прежде всего в том, что в революционный период широкий размах приобрели так называемые «экспроприации», и в связи с этим увеличился риск хранения денег на дому. Рост числа условных вкладов среди офицерских и нижних чинов, вероятно, связан был не столько с тем, что в продолжавшейся до августа 1905 г. русско-японской войне и революционных выступлениях возрастала для военных опасность погибнуть или получить увечье и тем самым поставить в затруднительное положение обеспечение своих родных и близких, сколько с тем, что правительство, стремившееся сохранить армию на своей стороне, приняло ряд мер по улучшению положения военных. Так, 22 ноября был принят закон, по которому «вызываемым для восстановления порядка» офицерам увеличивались суточные деньги, а нижним чинам усиливалось не только продовольственное, но и денежное довольствие. 3 декабря Военным министром было объявлено высочайшее повеление по улучшению быта и увеличению жалованья нижним чинам (10).

Сравнительный анализ данных 1904 и 1905 гг., характеризующих вклады по группам занятий вкладчиков, показывает, что происходившие здесь изменения в определенной мере отличаются от тех изменений, которые

произошли в сфере условных вкладов. Так, в группах «землевладение» и «нижние чины» в 1905 г. число вкладчиков уменьшилось, а суммы вкладов, наоборот, увеличились. По группе «землевладение» уменьшение составило по вкладчикам 3,75%, а увеличение по сумме вкладов – 3,12%. По группе «нижние чины» число вкладчиков уменьшилось на 21,51%, а сумма вкладов увеличилась на 4,80%. В приведенной статистике обращает на себя внимание очень значительное понижение числа вкладчиков среди нижних чинов. Думается, что это можно объяснить тем, что в последние месяцы 1905 г. с целью «очистить» армию от недовольных элементов, прежде всего запасных чинов, из нее в массовом порядке увольняли эти чины (11), которые, увольняясь, изымали и свои вклады из сберегательных касс. Среди офицерских чинов подобной «чистки» не происходило, и потому в этой группе вкладчиков увеличились одновременно и число вкладчиков, и сумма вкладов. Число вкладчиков среди офицерских чинов увеличилось на 3,79%, а сумма вкладов – на 16,36%. Изменения по группе «землевладение», отражали противоречивые настроения, имевшие место в этой группе вкладчиков во время высшего подъема революции. Одни вкладчики, большей частью горожане, изымали вклады, другие – проживавшие преимущественно в сельской местности, охваченной волнениями крестьян, надеялись сохранить свои свободные средства, помещая их в сберегательные кассы. При этом первые в численном отношении преобладали над вторыми, но по сумме взносов в сберегательные кассы, вторые преобладали над первыми. Если сумма вкладов по группе «землевладение» в целом увеличилась, то сумма вкладов городских вкладчиков этой группы, хотя и незначительно, на 1,58%, но уменьшилась. Обращает на себя внимание некоторой парадоксальностью и ситуация по группе вкладчиков, именуемой «земледелие и сельские промыслы». Это была самая большая группа и по числу вкладчиков, и по сумме вкладов. В 1905 г. на нее приходилось 25,7% всех вкладчиков и 23,8% всей суммы вкладов. В этой группе в 1905 г. число вкладчиков увеличилось на 1,4% по сравнению с 1904 г., в то время как сумма вкладов уменьшилась на 4,00%. В группе «земледелие и сельские промыслы» и в группе «землевладение» происходили явления разнонаправленного характера. По числу вкладчиков в первой из этих групп произошло увеличение, а во второй уменьшение, а по сумме вкладов, наоборот, в первой группе сумма вкладов уменьшилась, а во второй увеличилась. Интересно то, что хотя сберегательные ситуации в названных группах разнились, но та и другая определялась влиянием одного и того же революционного фактора. Это наглядно прослеживается по изменению показателей городских вкладчиков в группе «земледелие и сельские промыслы». Если число вкладчиков в этой группе в 1905 г. в целом увеличилось, то число городских вкладчиков этой группы уменьшилось на 6,25%, а сумма вкладов на 9,11%, в то время как по

группе в целом уменьшение составило лишь 4%. Среди городских вкладчиков в 1905 г. преобладала тенденция одновременного уменьшения и числа вкладчиков, и суммы вкладов (соответственно – 9,2 и 17,45%) (12). Наибольшее проявление это нашло в группе вкладчиков, именуемой «городские промыслы». Число вкладчиков в этой группе сократилось на 8,80%, с 640 457 до 584 061, а сумма вкладов уменьшилась на 19,12%, с 102 609,3 до 82 990,4 тыс. руб.

Среди вкладчиков, занятых в сфере материального производства, немалый интерес представляет группа «работа на фабриках, заводах и рудниках», хотя эта группа не была значительной ни по числу вкладчиков, ни по сумме вкладов. По числу вкладчиков она превосходила лишь группы «офицерские чины» и «духовное звание», а по сумме вкладов уступала всем группам. Сберегательная ситуация в этой группе заслуживает внимания потому, что, наверняка, немалую долю вкладчиков этой группы составляли рабочие. В 1905 г. число вкладчиков в группе уменьшилось на 7%, с 255 662 до 237 786 человек, а сумма вкладов – на 17,27%, с 38 287 тыс. руб. до 31 672,3 тыс., причем число городских вкладчиков в 1905 г. уменьшилось на 8,7 %, а число сельских – лишь на 4,3%. Сумма же вкладов городских вкладчиков уменьшилась на 21,51%, а сумма сельских – на 10,70%. Столь существенные различия в показателях объясняется не только тем, что политическая обстановка вне городов была менее острой, но и другими обстоятельствами, в частности тем, что у сельских вкладчиков были подсобные хозяйства, что позволяло им не спешить с изъятием вкладов из сберегательных касс. Сказывалось и то, что сберегательные кассы были более удалены от сельских вкладчиков, которые, в отличие от городских, имели меньшие возможности посещать их.

В группе «торговля» число вкладчиков в 1905 г. сократилось на 2,61% с 446 495 до 434 812 человек, а сумма вкладов – на 6,38%, с 107 944,6 тыс. руб. до 101 462,8 тыс. Сравнение показателей этой группы с показателями по группе «работа на фабриках, заводах и рудниках» показывает, что изменения в сберегательном деле, происходившие в этих группах, по своей направленности мало отличаются друг от друга, но по группе «работа на фабриках, заводах и рудниках» они в процентном выражении более значительны. Объясняется это прежде всего тем, что у вкладчиков, занятых в сфере торговли, проблема денег не была такой острой, как у работавших на промышленных предприятиях, которые во время забастовок или локаутов не получали заработную плату, – чтобы просуществовать, они брали свои сбережения из сберегательных касс.

Положение среднее между лицами физического и умственного труда, служащими и интеллигенцией, занимала многочисленная категория населения под названием «услужение». Изменения среди вкладов и вкладчиков этой группы были идентичными с теми, которые имели место в группах «работа на фабриках, заводах и рудниках» и «торговля». Число вкладчиков по этой группе в 1905 г. сократилось на 6,95%, а сумма вкладов – на 15,9, при этом число городских вкладчиков уменьшилось на 8,39, а сельских – на 2, а суммы их вкладов сократились соответственно на 18,65 и на 4,9%. Значительную разницу показателей городских и сельских вкладчиков этой группы можно объяснить революционным фактором. «Смута» последнего квартала 1905 г. особенно тяжело сказывалась на положении городских вкладчиков этой группы.

Для характеристики настроений и поведения средних слоев населения России в период революции представляют значительный интерес итоги анализа сберегательного дела в таких группах вкладчиков, как «духовное звание», «служба гражданская» и «служба общественная и частная». В группе вкладчиков «духовное звание» в 1905 г. значительных изменений не произошло. Число вкладчиков сократилось всего на 2,45% (с 176 812 до 172 479 человек), а сумма вкладов уменьшилась на 3,84% (с 72 436,1 до 69 652,5 тыс. руб.).

Число вкладчиков в группе «гражданская служба» сократилось на 3,17% (с 223 803 до 216 698 человек), а сумма вкладов уменьшилась на 3,49% (с 65 710,2 до 63 414,9 тыс. руб.). Незначительными были изменения и по группе вкладчиков «служба общественная и частная». Число вкладчиков по этой группе в 1905 г. уменьшилось всего лишь на 0,85% (с 714 825 до 708 678 человек), а сумма их вкладов сократилась на 5,6% (159 634,2 тыс. до 150 696,8 тыс. руб.). Для этой группы тоже была характерной разная направленность показателей для городских и сельских вкладчиков.

В последней, 12-й группе вкладчиков, именуемой «прочие занятия» значительную долю составляли лица свободных профессий (литераторы, журналисты, адвокаты и др.), т.е. представители того слоя российской интеллигенции, который играл большую роль в политической жизни страны, особенно в либеральном движении. В этой группе в 1905 г. увеличились и число вкладчиков, и сумма вкладов. Число вкладчиков возросло на 9,97% (с 330 715

до 363 720 человек), а сумма вкладов увеличилась на 9,91% (с 69 982,7 до 76 919,4 тыс. руб.). Подобное явление наблюдалось и среди городских вкладчиков этой группы. Их число возросло на 8,5%, а сумма их вкладов увеличилась на 9,92%. Объяснение своеобразию ситуации в этой группе надо искать в том, что в период революции, чрезвычайно возрос спрос на труд лиц свободных профессий в качестве идеологов, публицистов, пропагандистов,

агитаторов и организаторов сил, оппозиционных правящему режиму, увеличились тиражи печатных изданий, а в связи с этим большими стали и доходы лиц свободных профессий. Они, видимо, не считали, что революция покусится на частную собственность, в том числе и на вклады в сберегательных кассах. Даже в 1905 г., наиболее бурном году революции, число вкладчиков и суммы вкладов в этой группе не только не уменьшились, но и существенно увеличились. При сравнении ситуации в этой группе вкладчиков со сберегательными ситуациями в других группах, выясняется, что она была аналогична положению в такой группе вкладчиков, как «офицерские чины». Лишь в этих группах в 1905 г. увеличилось и число вкладчиков, и суммы вкладов. Парадоксально, но факт: революция в материальном отношении была доходным делом и для тех, кто способствовал ей, и для тех, кто ее подавлял.

В период высшего подъема революции – последние три месяца 1905 г. – правительство находилось в состоянии глубокого системного кризиса, который касался и его финансов. Этот кризис был порожден рядом факторов и обстоятельств. Среди них не последняя роль принадлежала массовым изъятиям вкладчиками своих вкладов из государственных сберегательных касс.

В октябре–декабре 1905 г. выдачи из этих касс на 148,6 млн. руб. превысили поступления в них. В связи с усиленным отливом денежных вкладов из сберегательных касс, платежеспособность последних оказалась под вопросом. На 1 ноября 1905 г. на их текущем счете в Государственном банке свободные суммы составляли всего лишь 53,8 млн. руб., а к концу года были истребованы и эти суммы. Всякие задержки с исполнением требований вкладчиков по возвращению вкладов могли еще более усугубить и без того крайне напряженную обстановку в стране, пополнить лагерь революции, если не участниками, то по крайней мере сочувствующими ему многотысячными недовольными вкладчиками. Для того, чтобы удовлетворить требования вкладчиков о возврате вкладов, по высочайшему повелению в пожарном порядке в Государственном банке был открыт специальный счет на сумму в 131,0 млн. руб. под обеспечение этой суммы процентными бумагами, принадлежащими фонду сберегательных касс (13).

Чтобы спасти государство от финансового банкротства и сохранить золотое денежное обращение, правительство приняло ряд экстренных мер. Так, секретными циркулярами Государственного банка от 7 и 31 декабря 1905 г. и 28 января 1906 г. учреждениям банка и казначейства вменялось в обязанность удовлетворять требование на золото «самыми незначительными суммами» (14). При этом кассовому персоналу предписывалось употреблять все старания к успокоению публики. Положительную роль сыграло и высочайшее повеление от 13 января 1906 г. о повышении до 4% по вкладам

государственных сберегательных касс (15). Помимо различных разъяснительных и поощрительных мер по отношению к вкладчикам, власти использовали и репрессии против тех лиц и организаций, которые вели агитацию, направленную на подрыв государственных финансов. Так, сразу же были закрыты левые газеты, опубликовавшие 2 декабря 1905 г. «Финансовый манифест» революционных партий и организаций, а редакторы этих газет были привлечены к судебной ответственности и заключены под стражу до представления залога в 10 тыс. руб. (16). Виновные в публичном распространении «ложных слухов» с целью подорвать доверие населения к государственным кредитным учреждениям, к их способности сохранять вклады и выплачивать их, и побудить вкладчиков к изъятию своих вкладов из этих учреждений, подвергались заключению в тюрьме на срок от одного года и четырех месяцев до двух лет (17). Правительство приняло и ряд других мер, направленных на сокращение расходования запасов золота и на накопление денежных средств (18). Однако роль «спасательного круга» для тонущих тогда российских финансов сыграли главным образом внешние займы, осуществленные в это время правительством под повышенные проценты и некоторые внешнеполитические обязательства (19). В советской историографии эти займы характеризовались как займы подавления революции, но не всегда говорилось о том, что они были получены, когда царизму уже удалось справиться с наиболее опасными проявлениями революции – декабрьскими 1905 г. вооруженными восстаниями и когда уже явственно проявились признаки успокоения страны, – и как результат уступок царизма (расширены избирательные права в Государственную думу и др.).

Всё это сыграло главную роль в изменении ситуации и в сберегательном деле, успокоительно подействовало на вкладчиков, на восстановление их доверия к сберегательным кассам, в какой-то мере, к правящему режиму. С первых чисел января 1906 г. начался возврат вкладов в сберегательные кассы. При этом он был столь значителен, что уже к 19 апреля 1906 г. сберегательные кассы получили возможность полностью погасить весь долг Государственному банку. Прирост числа вкладчиков в 1906 г. составлял 677 тыс. человек или на 64,3% больше среднего прироста вкладчиков за наиболее благоприятное для российского сберегательного дела пятилетие с 1899–1903 гг. Общая сумма денежных вкладов увеличилась в 1906 г. с 831,2 млн. руб. до 1035,0 млн. руб., т.е. на 203,8 млн. руб., или на 24,5%.

Анализ состояния сберегательного дела по отдельным районам показывает его непростую динамику (21). В большинстве регионов, особенно в тех, где в 1905 г. под влиянием революционного движения наблюдалось наибольшее изъятие вкладов, тенденция изменилась на противоположную. Так, в 1906 г. в столичных кассах произошло увеличение числа вкладчиков на

16,60%, а суммы вкладов – на 24,48%. В Прибалтийском крае эти показатели возросли соответственно на 11,54 и 13,76%; в Привислинском – на 16,60 и 24,48%, в Закавказье – на 29,37 и 19,06%; в Южном районе – на 14,90% и 9,23%; в Центрально-земледельческом районе – на 14,03 и 4,15%. Неоднозначной была ситуация в таких важных в экономическом и политическом отношениях районах как С.-Петербургском и Центрально-промышленном. Здесь число вкладчиков увеличилось соответственно на 14,35% и 13,17%, а суммы вкладов уменьшились на 5,90% и 4,15%. Эта противоречивость связана с тем, что одновременно произошло, с одной стороны, увеличение общего числа вкладчиков всех категорий, а с другой – сокращение общей суммы вкладов относительно крупных вкладчиков, чьи вклады составляли свыше 500 руб. По С.-Петербургскому району эта сумма сократилась на 23,54%, а по Центрально-промышленному району на 21,42%. (20). Объяснение сокращению сумм вкладов крупных вкладчиков надо искать в том, что именно в этих районах в 1906 г. было более всего неспокойно, и крупные вкладчики не хотели особенно рисковать, хранить большие суммы в сберегательных кассах. Восточно-Сибирский район был единственным в стране, где произошло значительное уменьшение и числа вкладчиков, на 16,93%, и суммы вкладов – на 30,64% (21). Решающее значение в данном случае сыграл военный фактор – вывод войск из этого региона в связи с окончанием русско-японской войны.

Источниками усиленного прилива вкладов в сберегательные кассы, особенно в первой половине 1906 г., явились денежные капиталы, которые были изъяты вкладчиками в конце 1905 г., понижение наполовину выкупных платежей с 1 января 1906 г., повышение заработной платы рабочим и служащим и некоторое улучшение условий для промысловой и торговой деятельности. В 1906 г. по сравнению с 1905 г. повысился средний вклад во всех группах вкладчиков, кроме военных чинов. У последних понижение – в связи с окончанием русско-японской войны и спадом революционного движения в стране (22).

Анализ сберегательного дела позволяет лучше понять важнейшие события 1906 г.: провал тактики бойкота левыми партиями и организациями выборов I Государственной думы, их попыток организовать всероссийскую политическую стачку и всеобщее вооруженное восстание в ответ на роспуск Думы, а также безрезультатность обращения либералов к населению со своим Выборгским воззванием. Судя по этой динамике можно считать, что перелом в массовом сознании в сторону мирного развития страны произошел в конце декабря 1905 – начале января 1906 г. Однако, как известно, этот перелом был не сразу осознан ни антиправительственными силами и правительством.

Анализ сберегательного дела в 1907 г. дал следующие результаты. Активность вкладчиков сберегательных касс в этом году была выше, чем в 1906 г. Число вкладов (7,9 млн.) и выдач (6,9 млн.) превысило соответствующие числа за 1906 г. (7,4 млн. и 5,6 млн.) на 7,0% и 18,2%, а средние числа за пятилетие 1899–1903 гг. (5,7 млн. и 3,7 млн.) на 39,5% и 84,7%. На прирост денежных вкладов в 1907 г. (76,1 млн. руб.) существенное влияние оказала полная отмена выкупных платежей с 1 января этого года. Но этот прирост был меньше прироста 1906 г. (171,1 млн. руб.), феномен которого был обеспечен в основном возвратом вкладов, изъятых в конце 1905 г. Если принять во внимание, что общая сумма изъятых в это время вкладов составляла

106,4 млн. руб., то оказывается, что прирост суммы *новых* вкладов составляет всего лишь 64,7 млн. руб. Как видно, этот показатель в 1907 г. был на 11,4 млн. руб., или 17,62% выше, чем в 1906 г.

Сберегательное дело 1907 г. характеризуется ростом всех показателей. Так, по сравнению с 1906 г. число вкладчиков увеличилось на 9,8%, а общая сумма вкладов – на 11,0%. Возросли число вкладчиков и суммы вкладов по всем группам вкладчиков как в целом, так и по отдельным районам и губерниям (23).

Положительную динамику 1907 г. по всем показателям сберегательного дела по стране в целом и по отдельным районам и губерниям, а также по всем группам вкладчиков, можно с достаточным основанием рассматривать как свидетельство тому, что сберегательное дело окончательно избавилось от негативного влияния на него революции. Более того, на начало 1908 г. общие показатели сберегательного дела даже превзошли такие показатели на начало 1905 г. Число сберегательных касс увеличилось на 2,02%. Рост числа вкладчиков и суммы вкладов был еще более значительным. Первый из этих показателей увеличился на 22,09%, второй – на 28,50% (24).

Подведем итоги. Влияние революции на сберегательное дело было прямым и опосредованным. Прямое влияние в большей степени проявилось в последние три месяца 1905 г., т.е. в то время, когда высшим подъемом революции было поставлено под вопрос само существование тогдашнего режима. Свое конкретное выражение это влияние находило в массовом изъятии вкладчиками своих вкладов из государственных сберегательных касс и в уменьшении числа вкладчиков. Опосредованное же влияние революции больше сказывалось в 1906–1907 гг. в явлениях обратного порядка: росте числа вкладчиков и сумм вкладов. Эти явления были следствием того, что хотя правительство и подавило силой открытые революционные выступления, однако под влиянием этих выступлений и в целях предотвратить их в будущем, оно вынуждено было пойти на значительные не только политические (созыв Государственной думы), но и на экономические

уступки. Отменой выкупных платежей, повышением заработной платы рабочим и служащим, повышением процента по вкладам в государственные сберегательные кассы создавались стимулы для развития сберегательного дела, для роста числа вкладчиков и вкладов в сберегательных кассах.

Динамика движения вкладов в сберегательных кассах была отрицательной лишь в период высшего подъема революции. Революционные выступления с января по октябрь 1905 г. хотя и были более яркими и значительными по сравнению с событиями предреволюционного периода, однако они не вызывали особого беспокойства у миллионов вкладчиков, что существовавший порядок может быть поколеблен. Поэтому приток вкладов в сберегательные кассы не только не уменьшался в тот период, но даже увеличивался. Таким образом укрепляя финансовое положение правительства, вкладчики сберегательных касс объективно находились на его стороне. Массовое же изъятие вкладов в период высшего подъема революции можно рассматривать как свидетельство того, что в сознании и настроении многих клиентов сберегательных касс, а также более широких родственных им социальных слоях произошел перелом. Изъятием своих вкладов, особенно золота, они способствовали кризису государственной финансовой системы и делали еще более шатким и неустойчивым положение правительства, и объективно содействовали развитию революции. Отсюда можно сделать вывод, что не таким уж безнадежным делом была возможность победы революции в декабре 1905 г. Обозначившийся с начала 1906 г. и продолжавшийся в течение этого и 1907 г. рост числа вкладчиков и сумм вкладов сберегательных касс можно в определенной мере считать, хотя и косвенным, но достаточно убедительным показателем того, что вероятность победы революции становилась все меньшей. В связи с этим становятся и более понятными неудачи революционных партий возродить революцию.

Литература:

1. Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. СПб., 1906. С. I–III.
2. См. Отчет государственных сберегательных касс за 1904 г. С. XX–XXIV и Отчет государственных сберегательных касс за 1905. С. I–III.
3. Там же.
4. Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. XXIII–XXIV.
5. Расчеты по районам, губерниям и областям произведены мною по данным: Сводная Таблица II «Приложения» к Отчету сберегательных касс за 1905 г. С. 195.
6. Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. IX.
7. См.: Отчет государственных сберегательных касс за 1904 г. С. 132–133 и Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. 134–135.

8. Там же.
9. Расчеты сделаны по данным: Отчет государственных сберегательных касс за 1904 г. С. XVIII–XIX и Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. XX–XXI.
10. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). III. Т. XXV, 1905 г. № 26 960 и 26 998. С. 836, 856–857.
11. Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т.1. М., 1999. С. 479.
12. Расчеты по группам вкладчиков произведены мною по данным: Отчет государственных сберегательных касс за 1904 г. С. 132–133 и Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. 134–135.
13. Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1906/1907 г. СПб., 1907. С. 56.
14. Секретные циркуляры Государственного банка конторам, отделениям и казначействам, следовавшие за время с 6 июня 1894 г. по 1 января 1908 г. СПб., 1908. С. 161–165.
15. ПСЗ РИ. III. Т. XXVI, 1906, отд. I, № 27235.
16. Русские ведомости, 4 дек. 1905 г.
17. ПСЗ РИ. III. Т. XXVI, 1906, отд. I, № 27767.
18. Исторический архив. 1955. № 2. С. 143.
19. Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 3–5; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Кн. I. М., 1992. С. 106–130.
20. Отчет государственных сберегательных касс за 1906 г. СПб., 1907. С.32, 1.
21. Там же.
22. Расчеты сделаны мною на основании сведений, взятых из Ежегодников Министерства финансов. Вып. 1906/1907 г. СПб., 1907 г. С. 204–205; Вып. 1907/1908 г. СПб., 1909. С. 318–319.
23. См.: Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. 134; Отчет государственных сберегательных касс за 1906 г. С.136.
24. Расчеты произведены мною по данным: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1907 г. СПб., 1908. С. 1–2.
25. Отчет государственных сберегательных касс за 1905 г. С. III–V, 134; Отчет государственных сберегательных касс по сберегательной операции за 1907 г. С. 7–8, 10.

М.З. Магомедова

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР
В ПОЛИЭТНИЧНОМ ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

**Магомедова Мадина Зайнутдиновна – кандидат
философских наук, ученый секретарь Регионального
Центра этнополитических исследований, сотрудница
Дагестанского научного центра РАН.**

Одним из важных залогов стабильности, успешного функционирования и развития полиэтнического и многоконфессионального общества является этноконфессиональная толерантность. Она выступает как важнейший принцип, отражающий характер взаимоотношений социальных, этнических, конфессиональных групп и отдельных людей, выражающийся в их терпимости, взаимопонимании и согласии. Республика Дагестан является одним из немногих регионов России, где проживают представители более 100 национальностей и последователи крупнейших конфессий мира. Представители всех народов пользуются равными правами и свободами, имеют равные обязательства перед государством и обществом, поэтому собирательный образ «дагестанцы» относится в равной степени ко всем жителям нашего горного края. Несмотря на этническую пестроту, языковые различия и культурное многообразие, население Дагестана всегда было объединено общностью исторических судеб, этнотерриториальными контактами, хозяйственно-экономическими и культурными связями, тенденцией народов к интеграции. «Поэтому одной из актуальных задач духовно-нравственного возрождения народов Дагестана и всего Северного Кавказа является формирование позитивной этнической идентичности, которая составляет ядро

* Статья подготовлена в рамках проекта «Этноконфессиональная толерантность как один из факторов стабильности северокавказского социума».

национального самосознания и представляет собой баланс толерантности по отношению к своей и другим этническим группам»¹.

В начале 90-х годов прошлого столетия в Дагестане возникла сложная межнациональная обстановка. Массовый отъезд русскоязычного населения из республики, политические убийства и террористические акты, появление чуждого для дагестанских верующих экстремистского течения «ваххабизм», низкий уровень жизни населения, высокий уровень безработицы, возникновение национальных движений, преследовавших свои узконациональные

интересы, вносили дестабилизацию в политическую жизнь дагестанского общества. Разрушение политических, хозяйственных, социальных, идеологических основ прежнего единства вынуждало многих людей искать новые опоры жизнедеятельности, устойчивые связи и отношения, опираясь на которые можно было бы обеспечить себе выживание или надежду на благополучие в новых условиях. Последними из таких основ всегда были кровнородственные, национальные и религиозные связи.

Проведенный анализ подтвердил сохранение в Дагестане как этих основ, так и многовековых традиций этноконфессиональной толерантности, культурных механизмов, регулирующих межэтническую напряженность и конфликты. Исторически на Кавказе маслиат (терпение, терпимость) всегда являлся универсальным механизмом согласования интересов и мирного разрешения спорных вопросов. Именно маслиат приводит к отказу от насильственных мер, предотвращает доведение конфликта до необратимости, а в длительной перспективе обеспечивает согласованное сосуществование людей, их взаимную человеческую связанность.

Мы рассматриваем толерантность как систему ценностей, норм, образцов поведения, требующих принять людей такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия. Являясь основой культуры межнационального общения, толерантность включает в себя четыре компонента: понимание ситуации в сфере межнациональных отношений и знание психологии национальных общностей; непредвзятость позиции при оценке других людей, их национально-психологических особенностей; умение выбирать по отношению к представителям другого народа такой способ общения и поведения, который, не расходясь с собственным представлением о морали, в то же время наилучшим образом отвечал бы индивидуальному и национальному своеобразию восприятия и оценки возникающих ситуаций; способность эмоционально, участливо и тактично

1. Кислова Г.И. Особенности этнической идентичности народов Дагестана // Этноконфессиональные отношения как фактор общественной жизни народов Дагестана. – Махачкала, 2002. – С. 107.

реагировать на запросы, интересы и поступки представителей других культур и народов. Как фактор обеспечения культуры мира толерантность проявляется в различных сферах общественного сознания: научном и обыденном, политическом и нравственном, индивидуальном и коллективном. Это находит подтверждение и в результате социологического опроса в 2007 г., в рамках которого в Республике Дагестан были опрошены 300 респондентов, представляющих разные социальные, этнические, конфессиональные, возрастные, профессиональные и другие группы. На вопрос «Как Вы считаете, влияет ли уровень толерантности населения на состояние межконфессиональных отношений в северокавказском регионе» (рис. 1) 46% опрошенных дагестанцев ответили «влияет положительно», 36% опрошенных – «оказывает некоторое воздействие», 4 – «не оказывает влияния», 14% – затруднились с ответом.

Данные табл. 1 показывают ответ на тот же вопрос с учетом национальности респондентов (% от числа опрошенных):

Таблица 1

Национальный состав	Варианты ответов (%)				
	Влияет положительно	Оказывает некоторое воздействие	Не оказывает влияния	Затрудняюсь с ответом	Другое
аварцы	46	35	4	14	—
даргинцы	45	34	6	13	2
кумыки	41	44	—	16	—
лакцы	52	34	—	10	3
лезгины	52	24	8	16	—
русские	50	28	11	11	—
ногайцы	—	67	—	33	—
азербайджанцы	25	75	—	—	—
табасаранцы	33	67	—	—	—
агульцы	50	50	—	—	—
«дагестанцы»	44	33	11	11	—

Исследование показало, что основные причины этноконфессиональной напряженности на Северном Кавказе обусловлены особенностями геополитического положения региона и социально-экономического уровня жизни людей. Они связаны с общим кризисом, охватившим страну, ошибками и недостатками в проведении национальной и кадровой политики, вмешательством преступных групп в решение социально-политических вопросов, критическими условиями жизни, миграциями и т.д. Этническое многообразие и поликонфессиональность, характерные для Северного Кавказа, сами по себе не являются причинами конфликтогенности. Это тем

более верно, что ислам стал частью культуры и образа жизни дагестанцев, здесь трудно провести грань между религиозными и национальными особенностями. Этнические различия, существовавшие между народами Дагестана до принятия ислама, уступили место мусульманской интеграции и возникновению межэтнического пространства на базе исламского правоверия. Все эти процессы в конечном итоге способствовали сближению народов Дагестана. Именно на базе исламской солидарности в Дагестане сложились объективные условия и субъективные факторы для создания союза дагестанских народов как единого неделимого целого. Общей массе дагестанцев, живущих в уникальном регионе Российской Федерации, по своей культуре, истории, геополитическому положению, широкому спектру представленных здесь этнических групп и конфессий присущи взаимное уважение, доброжелательность и терпимое отношение к иным социальным, этническим и религиозным группам. Более половины опрошенных респондентов (55%) на вопрос «Сталкивались ли Вы с негативным отношением к людям Вашей национальности или к себе на национальной почве» ответили отрицательно; те же, кто дал положительный ответ (38%), уточняли, что сталкивались с таким отношением за пределами республики.

Вопросы конфессиональной принадлежности и этнической самоидентификации, этнической вовлеченности и т.п. весьма противоречивы и неоднозначны. Человек может идентифицировать себя с этнической общностью, но не иметь никакого желания сохранять этнический язык или обычаи. Основные тенденции формирования связей между религией и этносом проявляются в сфере взаимодействия конфессиональной и этнической специфики. При этом, с одной стороны, этнические явления в течение длительного взаимодействия впитываются культом и «конфессионализируются», а с другой стороны, религиозные обычаи и традиции, проникая в национальные формы общественной жизни, приобретают характер этнических явлений или «этнизуются». Большинству опрошенных дагестанцев свойственна позитивная этническая идентичность, которая является основой этнической толерантности. Люди, позитивно оценивающие собственную этническую группу, чаще всего не проявляют негативного отношения к представителям других этнических групп.

41% опрошенных дагестанцев на вопрос «Какое место занимает религия в Вашей жизни» ответили «умеренное», 36% ответили «весьма значительное», 16 – «незначительное», 6% – «никакое».

Следующая таблица демонстрирует данные на тот же вопрос с учетом национальности респондентов (в % от числа опрошенных):

Таблица 2

Национальный состав	Варианты ответов				
	Весьма значительное	Умеренное	Незначительное	Никакого	Другое
аварцы	43	26	6	4	1
даргинцы	38	45	9	9	—
кумыки	50	35	12	3	—
лакцы	18	41	31	10	—
лезгины	12	52	32	4	—
русские	33	23	33	11	—
ногайцы	46	47	4	3	—
азербайджанцы	25	25	—	50	—
табасаранцы	48	33	—	19	—
агульцы	50	50	—	—	—
«дагестанцы»	33	23	44	—	—

Как видим, наиболее религиозными среди дагестанских народов оказались кумыки, агульцы, ногайцы, табасаранцы и аварцы. Результаты исследования показали, что именно молодое поколение дагестанцев наиболее подвержено влиянию религиозного мировоззрения, что наглядно демонстрирует приведенная ниже таблица (в % от числа опрошенных с учетом возраста респондентов).

Таблица 3

Варианты ответов	Возраст	
	до 30 лет	старше 60 лет
Весьма значительное	54	21
Умеренное	29	45
Незначительное	10	24
Никакое	6	9
Другое	1	1

На вопрос «Способствует ли рост религиозности населения гармонизации межнациональных отношений и формированию толерантности в обществе» 34% респондентов ответили «способствует», 32 – «в некоторых случаях мешает», 16 – «не оказывает никакого влияния», 15% – «затрудняюсь ответить».

Одним из показателей уровня этнической толерантности в обществе является отношение к межнациональным бракам, которые позволяют обеспечить наиболее тесное взаимодействие между представителями разных народностей, формируют терпимость и уважение к национальным обычаям и обрядам, гармонизируют отношения между супругами, родителями и детьми. Социологический опрос подтвердил, что в дагестанском обществе сложилось толерантное отношение к межнациональным бракам. На вопрос «Способствуют ли, по Вашему мнению, повышению уровня толерантности в обществе межнациональные браки» 70% опрошенных ответили утвердительно, 18% ответили «не оказывают никакого влияния», 12% затруднились с ответом. А на вопрос «Считаете ли Вы необходимым выбор супруги(га) по национальному признаку» 65% опрошенных ответили «нет», 26% ответили «да», 5% затруднились с ответом, а 4% дали собственные ответы (наиболее характерные: национальность не имеет значения, главное взаимопонимание; чтобы супруги были одной веры; каждый выбирает сам; желательно, но не необходимо и т.д.).

Примечательно, что люди моложе 30 лет на поставленный вопрос ответили следующим образом: 71% – «нет» и только 18% – «да».

Десятый вопрос предложенной анкеты «что бы Вы могли предложить для улучшения этноконфессиональных отношений в Республике Дагестан?» был открытым, и каждый мог дать свои предложения. Наиболее характерными ответами являются следующие: соблюдать Конституции РФ, РД и законы, улучшить социально-экономическое положение республики; необходимо занять людей работой, что позволит им направить энергию в более полезное русло; вести пропаганду толерантности в СМИ и уделять максимум внимания пропаганде общечеловеческих ценностей; увеличить срок заключения за пропаганду национальной и религиозной ненависти; проводить правильную кадровую политику как в РД, так и в высших эшелонах федеральной власти с учетом наличия 20 млн. мусульман в РФ; вести пропаганду просвещенного ислама в республике; уважать культуру и традиции всех национальностей; обратить внимание на качество исламских телепередач и газет; создавать активно функционирующие национальные и культурные центры; ввести в школьную программу предмет «религиоведение» с акцентом на доминирующую в регионе религию.

В сложившихся условиях поиск консолидирующего фактора – главное условие стабильности полиэтноконфессионального региона. Одним из таких факторов является толерантный тип общественных отношений. Построение и развитие социальных отношений, основанных на принципах толерантности, помогает предотвратить межэтническую напряженность и конфликты на ранней стадии развития с помощью ликвидации или минимизации

порождающих их причин. Следовательно, важным фактором адаптации человека в полиэтноконфессиональной среде является воспитание общества в духе толерантности, для чего необходимо внедрение соответствующих образовательных программ. В международной практике приоритет в данной сфере принадлежит ЮНЕСКО, а в России же этим пока в большей мере занимаются общественные организации. В связи с социальным расслоением российского общества, его конфессиональной дифференциацией на передний план все более выдвигается потребность развития культуры толерантных отношений, способствующих формированию у подрастающего поколения целостной картины окружающего мира, духовных, культурных, нравственных ценностей в их национальном и общечеловеческом понимании.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ **СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА**

Н.Г. Кедров

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНЕ:
К СОЦИОКУЛЬТУРНОМУ ОСМЫСЛЕНИЮ

**Кедров Николай Геннадиевич – аспирант
Санкт-Петербургского института истории
Российской академии наук.**

В 1930-е годы, в ходе коллективизации, на пространстве Русского Севера, как и во всей стране, происходили изменения в характере политической коммуникации между властью и основными массами населения. К концу 1930-х годов в северной деревне практически повсеместно укоренялась пропагандистская версия происходящих в стране событий. Даже негативные, оцениваемые властью как антисоветские, представления о политической действительности по своей сути являлись не чем иным, как полярно противоположными отголосками пропагандистских лозунгов и материалов. На рубеже 1920–1930-х годов ситуация была принципиально иной. Тогда агитпроповские оценки столкнулись с набором конкурирующих с ними традиционных и религиозных коннотаций, описываемых ими событий¹. Победа первых, во многом предопределившая могущество и устойчивость советского политического режима, не была случайной. Обусловившие ее факторы являются темой, требующей отдельного рассмотрения. Однако не менее важной нам представляется задача разобраться в социокультурном фоне «великого перелома», понять

1. См. об этом: Кедров Н.Г. 1937-й год в северной деревне. Власть и крестьянство: контуры ментального диалога // Политика. Общество. Человек. К 85-летию доктора исторических наук А.З. Ваксера. СПб., 2008. – С. 174–193; Кедров Н.Г. Коллективизация в системе идейно-политической коммуникации власти и северного крестьянства на рубеже 1920–1930-х годов // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 35. N 1 (2008). – С. 75–106. В настоящей статье ставятся иные задачи: рассмотреть не взаимодействие режима и крестьянства, а изучить бытование различных интерпретаций коллективизации в крестьянской среде последнего.

какие силы и общественные институты предлагали свои, альтернативные агитпроповским, толкования коллективизации, тем самым препятствуя идейной экспансии большевистского режима в глубины российского села.

Ответ на обозначенный вопрос может способствовать и общеисторическому переосмыслению коллективизации. В отечественной историографии сталинской «революции сверху» до сих пор преобладают политико-экономические модели контекстуализации, включающие ее в широкий ряд процессов социально-экономического развития Советского Союза и увязывающие рассмотрение «великого перелома» с поисками так называемых альтернатив НЭПу и внутренней борьбой в рядах ВКП(б). Наиболее ярко этот подход представлен в трудах В.П. Данилова, Н.И. Ивницкого, Н.Л. Рогалиной, И.Е. Зеленина и др.² Не отрицая высокой продуктивности подобного рода исследований, их все же вряд ли можно признать единственно возможным вариантом осмысления коллективизации. Определенный итог предшествующим дискуссиям о коллективизации был подведен в 1993 г. в ходе обсуждения на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» в Институте российской истории РАН книги М. Левина «Российское крестьянство и Советская власть: исследование коллективизации».

В семинаре приняли участие крупнейшие отечественные и зарубежные

2. См.: Рогалина Н.Л. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989; Зеленин И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1996; Данилов В.П. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти тт. / Т. 1 / М., 1999. – С. 13–67. Наиболее удачной реализацией подобного подхода на материалах Европейского Севера, вероятно, следует считать монографию Г.Ф. Доброноженко (Доброноженко Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932 гг. Сыктывкар, 1994). Попытки осмысления коллективизации в логике иных процессов сравнительно редки. Интересен взгляд на коллективизацию представленный в недавно изданной на русском языке книге известного немецкого историка Й. Баберовски, посвященной анализу сталинизма как исторического явления. Истоки «великого перелома» Й. Баберовски увидел в неустребимом стремлении большевиков к культурной гегемонии в стране. Безграмотность населения, традиционализм и инертность присущие крестьянскому мышлению – по мысли историка – не позволили коммунистам, несмотря на все их усилия в годы НЭПа, навязать свою картину мира крестьянству. «Нигде бессилие коммунистической власти не проявлялось так ярко как в деревне», – пишет Й. Баберовски. Все это в конечном итоге «побудило большевиков прибегнуть к языку террора». (Баберовски Й. Красный террор. История сталинизма. М., 2007. – С. 57–64).

специалисты по этой проблематике. Уже тогда звучала мысль о некотором изменении приоритетов в изучении коллективизации. В частности, С.В. Домников говорил о том, что: «в критические эпохи на первый план выступают не категории экономической рациональности, а факторы социально-психологического и идейно-политического свойства, определяющие направленность концентрированной политической воли». Еще более активно за изменение акцентов исследовательского внимания выступал И.С. Кузнецов. Он утверждал: «Перспектива мне видится не в поисках альтернативы коллективизации и сталинизму, а в расширении самого проблемного поля исследования. Проблема коллективизации шире проблемы взаимоотношений большевистского режима с крестьянством... Требуется изучение самого крестьянства в плане социальной психологии, истории ментальностей. Этот аспект позволяет взглянуть на крестьянство не только как на объект политики, но как на субъект исторического развития со всеми его великими и малыми «переломами»³. С момента дискуссии увидела свет монография канадской исследовательницы Л. Виолы⁴, появилось несколько работ молодых российских историков⁵, однако изучение социокультурных аспектов коллективизации нельзя назвать завершенным. Настоящая статья также не претендует на полноту. Его задачи скромнее: попытаться взглянуть на коллективизацию сквозь призму оценок самого крестьянства, увидеть факторы эскалации общественной напряженности социокультурного свойства.

1. Коллективизация как «черный передел»

Не секрет, что характер основной производственной деятельности оказывал значительное влияние на формы социального поведения и общественное сознание крестьянства. К концу 1920-х годов благосостояние большинства крестьянских хозяйств зиждилось на коллективном владении землей и индивидуальном ведении хозяйства. Последние мыслились крестьянами как традиционные для них нормы повседневной жизни. Соответственно община

3. *Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история.* – 1994. – № 4–5.

4. Viola L. *Peasant rebels under Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance.* – Oxford, 1996.

5. *Вострова С.Н. Изменения в социальной психологии крестьян Восточной Сибири (1929–1933 гг.).* Дисс. к. и. н. Красноярск, 2005; *Серебрякова И.Г. Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации (1929–1933 гг.).* Канд. дисс. – Екатеринбург, 2006.

и крестьянский двор были основными социальными институтами, отвечавшими за организацию хозяйственной жизни жителей села. Поэтому нет ничего удивительного, что идея колхоза, основанная на совместной производственной деятельности, не вызвала интереса и энтузиазма у большинства крестьян.

Коллективные хозяйства того времени подвергались жесткой критике в суждениях сельских тружеников. Крестьяне постоянно указывали на бесхозяйственность в колхозах, отсутствие там необходимого инвентаря и построек, падеж скота и прочие экономические потери. Общим местом в деревенской молве стала мысль о том, что, работая в колхозах, невозможно скопить денег ни на штаны для себя, ни на платье для жены. Весьма точно, хотя и несколько коряво, эту мысль сформулировал тотеминский крестьянин Иван Зыков: «собранный общественный хлеб находился в непорченном виде, много сгнило, и нет никакого присмотру. На общее хозяйство это куда так не годится и смотря на такие примерные хозяйства... и нейду в коллективные хозяйства»⁶. В его выступлении чувствовалось раздражение крестьян непривычной и непонятной для них практикой коллективного хозяйствования. Это раздражение еще более усиливалось в связи с политикой органов власти, пытавшихся опереться в своих действиях по коллективизации на беднейшие слои крестьянства, т.е. людей, наименее уважаемых в мире деревни. Неслучайно, что в силу этого колхозы в северных деревнях считали «затеей лодырей», которая вряд ли могла в представлении крестьян рассчитывать на хозяйственный успех. Критике подвергался также и сам тип колхозной активности, связанный с постоянными собраниями которые претили принципам хозяйственной рациональности. Так, крестьянин деревни Харитоновской, объясняя свой выход из колхоза, по утверждениям односельчан говорил, что «у вас в колхозе одни собрания, а мне надо работать»⁷. Впрочем, даже просиживание порток на печи среди крестьян считалось более престижным занятием. В Устьянском районе на сей счет существовала поговорка «умный бедняк на печке лежит, а дурак бедняк по два вечера на собрании сидит»⁸.

6. Государственный архив Вологодской области (ГАВО) Ф. 903. Оп. 1. Д. 24. Л. 39–40 (Протокол общего собрания граждан Великого двора Мосеевского сельсовета. 7 января 1930 г.).

7. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1470. Оп. 2. Д. 269. Л. 34–35об. (Протокол допроса свидетеля Д... 11 июля 1929 г.)

8. ГААО. Отдел документов социально-политической истории (ДСПИ) Ф. 290. Оп. 1. Д. 158. Л. 35. (Дополнение к сводке о хлебозаготовках на 15 ноября 1929 года). Вообще русская печь в годы коллективизации на Русском Севере своеобразным символом крестьянской свободы и вольготной жизни. Это подтверждается разнообразными источниками: политическими сводками, крестьянскими письмами,

В общем и целом крестьяне Севера, пока дело не касалось непосредственно их, отрицательно оценивали коллективизацию и колхозы, предпочитая с презрительной небрежностью взирать на последние с высоты своих русских печек.

Впрочем, определенные ожидания от коллективизации в настроениях жителей деревни все-таки присутствовали. Однако они были связаны отнюдь не с практикой функционирования колхозов, а с актом перераспределения богатств при их создании. Именно в нем многие жители села видели возможность улучшить свое материальное положение. Важно, однако, отметить, что в числе последних не обязательно были исключительно бедняки и батраки, как это стремились представить (хоть и не без определенных оснований) советские пропагандисты. Чаще психологическим стимулятором подобных экспроприативных идей выступала простая человеческая зависть. Очень хорошо это заметно по протоколам деревенских собраний о коллективизации. На одном из подобных собраний крестьянка Лешуконского района Марфа Андреева говорила: «Некоторые члены коммуны живут при хороших коровах, хорошо обеспечиваются молоком и обобществлять коров не согласны. Нужно всех привлечь»⁹. А грязовецкие крестьяне в подобной ситуации высказывались еще более решительно: «Все равно передел у нас произойдет. Надо решительно наступать на кулака», «мы пахали на грязи, так пусть теперь кулаки попашут»¹⁰.

Эта решимость рождала на другом полюсе социального мира деревни ответные жгучие чувства. «Погодите, будет скоро и наше время. Сейчас вы нас жмете, отбираете все у нас, но скоро подойдет время советская власть рухнет, тогда мы займемся и покажем вам как надо отбирать» – страдал

фольклорными материалами. В частности, эта мысль звучала в высказывании единоличника Буракина, который, посмеиваясь над устройством скотных дворов колхозниками, приговаривал им: «вот вы вступили в колхоз и мерзнете на морозе, а я не в колхозе и лежу на печке» (там же. Д. 782. Л. 225–225об.). (Материалы обследования колхозов «Молодецкий курган» и «Красный пахарь», входящих в Высоковское кустовое объединение колхозов. 13 марта 1930 г.). Крестьянин П.А. Тенев писал своему сыну в Ленинград в октябре 1930 г.: «Ты велишь идти в коммуну, но я не пойду пока хочу на своей печи лежать» (там же. Ф. 1596. Оп. 2. Д. 1. Л. 141). В частушках того времени встречались такие строчки: «Хорошо тому живется / Кто записан в бедноту / Хлеба на печь доставляют / Как ленивому коту» (Каргопольский районный архив. Ф. 178. Оп. 30. Д. 3. Л. 80).

9. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 1596. Оп. 1. Д. 13.1.12 (Протокол организационного собрания группы бедноты при Кильчингорской с/х коммуне «Восход». 30 марта 1930 г.).

10. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). Ф. 645. Оп. 1. Д. 22. (Протокол собрания бедноты граждан деревни Малые Ракулы. 30 сентября 1939 г.).

бедняков один из жителей деревни Котловы Свердловско-Сухонского района¹¹. Важно подчеркнуть, что осуществление коллективизации в привычной для крестьян системе координат могло пониматься ими как передел – явление для них в общем-то близкое и понятное. Однако в свете специфики всей ситуации, насильственных методов проведения «великого перелома», масштабности и необратимости его последствий восприятие такого передела, вероятно, обретало несколько иные оттенки, отражая вековую мечту российских крестьян о справедливом и равномерном перераспределении земли и других богатств. Справедливость при этом каждый житель стремился трактовать исключительно в свою пользу.

Ожидания предстоящего передела и чувство неизвестности заставляли крестьян слезать со своих уютных печек и, дабы оградить себя и свое хозяйство от разорения, принимать превентивные меры. Действовали мужики, как могли и как понимали ситуацию. Например, они могли вмешаться в процесс принятия административных решений в деревне, как это сделали жители деревни Некрасовской Смирнов и Зотиков, явившись на деревенское собрание, где обсуждался вопрос о классовом переделе земли, «матерно обругав представителей местной власти и обвинив их во лжи»¹². В другом случае ожидание передела привело к тому, что справные мужики сами стали активно вступать в колхоз. «Зажиточники испугались, что мы обрежем им хорошую землю и тоже решили вступить в колхоз» – говорил один из свидетелей по этому делу¹³.

Могли применяться и более грубые формы воздействия. Наибольшую известность в Северном крае приобрел инцидент, произошедший 19 августа 1929 г. в деревне Могилево Грязовецкого района. Ему предшествовало создание колхоза «Громобой», предполагавшее передел земли. Озабоченные этим обстоятельством, кулаки Ф. Пылаев и П. Козлов с утра в тот день изрядно подвыпив ходили по деревне и избивали всех колхозников, попавших под их горячие кулаки. Вечером они продолжили свои возлияния уже совместно с несколькими членами недавно организованного колхоза. В пылу пьяных споров завязалась драка, в результате которой один из участвовавших в пьянке колхозник Скорбеев был убит¹⁴.

11. ГААО. Ф.1470. Оп. 2. Д. 54. л. 4–5. (Протокол допроса свидетеля Н...)

12. Там же. Ф. 621. Оп. 3. Д. 28. Л. 55 (Оперативно-информационная сводка о более выдающихся преступлениях, зарегистрированных по Архангельскому округу Северного края за май 1930 – 8 июня 1930 г.).

13. Там же. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 11. Л. 6 – боб. (Протокол допроса свидетеля Е... 4 августа 1929 г.).

14. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 74. Л. 20–20 об. (Обвинительное заключение на граждан Козлова П.Т., Романова К.И., Пылаева Ф.В., Романова Н.Ф., Соловьева В.И. и Романова И.М.).

В деревне Харитоновской Верховажского района после организации там колхоза, в ведение которого была выделена лучшая часть земли, деревня разделилась на два враждующие лагеря – колхозников и общинников. И та, и другая дефиниции гордо подчеркивались при общении между бывшими односельчанами и, несомненно, стали значимыми символами идентичности обеих групп. Деревенские праздники каждая группа справляла особняком в разных концах деревни. Практически при каждой встрече на улице между колхозниками и общинниками возникали потасовки, в силу чего, например, женщины, собираясь идти в гости, обходили опасный участок улицы полем. Многочисленные драки в итоге привели к тому, что делом занялись следственные органы¹⁵. Хотя в обоих изложенных выше случаях крестьяне использовали в общем-то традиционный для села механизм разрешения деревенских противоречий, эти материалы легли в основу громких политических обвинений, раздутых пропагандой и представленных ею, как акты «классового побоища».

2. В ожидании Антихриста

Еще одним, безусловно, важным фактором в социальном пространстве российской деревни являлся приход. Приходское сообщество отвечало за духовное, моральное и эстетическое воспитание крестьянина. В 1920-е годы к тому же наблюдалось оживление общественной активности верующих, связанное с чередой административных изменений в организации приходов и начавшимися притеснениями Церкви и духовенства. Впрочем, многие представители советской бюрократии на местах, в том числе коммунисты, продолжали исповедовать религиозные обряды. Были случаи, когда организаторы колхозов шли на дело «классовой битвы» истово помолившись¹⁶. Нет ничего удивительного, что большевики на местах видели

15. ГААО. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 269. (Следственное дело по обвинению П.Е. Дмитриевского и др. 1929 г.).

16. См.: Православные традиции на Европейском Севере России в XVIII–XX веках. – Вологда, 2007. – С. 194–202; Малахов Р.А. Религия и чиновничество Вологодской губернии в первые годы Советской власти // Региональные аспекты исторического пути православия: архивы, источники, методология исследований. – Вологда, 2001. – С. 430–438. Примечателен эпизод, имевший место в деревне Исаево Кубиноозерского района. По словам одного из местных жителей, записанных одним из участников мероприятий по коллективизации, создание колхоза у них в деревне началось со следующих событий: «Три дня тому назад ко мне в дом пришел какой то неизвестный человек, снял шапку и стал молиться богу и все начитывает «господи помоги», потом он обратился ко мне и грубо спросил меня «ну в колхоз пойдешь или нет?» (ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 389. Л. 27–27об.).

в церковных структурах своих непосредственных конкурентов в борьбе за умы людей.

Коллективизация ознаменовала собой очередной виток наступления на Церковь, связанный с массовым закрытием храмов, запретом колокольного звона и преследованиями духовенства. В исследованиях по истории Церкви 1990-х годов церковные структуры в этой ситуации представляющиеся исключительно пассивной силой, обреченной на гибель на ветру революционных перемен. Это не совсем так, поскольку деревенские батюшки обладали все же определенными рычагами воздействия на ситуацию. В частности, они могли призвать на помощь своих прихожан. «Мы переживаем последнее время, гонение на православных усиливается, скоро придет сам Антихрист. Местные власти обируют церковь путем наложения на меня и на нее непосильных налогов. Все верующие должны защищать свой храм, к тому же Советская власть скоро падет», – говорил с амвона одной из церквей Северо-Двинского округа священник Морозов. Сходным же образом рассуждал в своей проповеди перед мирянами и священник Белов (Вологодский округ): «Мы переживаем последнее время, народ пошел по другому пути, и конец мира близок, ибо Антихрист родился»¹⁷. Подобные откровения для подлинно верующего человека означали многое. К тому же дополнительным аргументом в пользу правоты священника могли служить и общая нестабильность переживаемого времени и резкое ухудшение материального положения крестьян. Вообще слухи о конце мира и приходе Антихриста были весьма популярны в крестьянской среде и стали заметным явлением общественной жизни села, на что в свое время обратила внимание американская исследовательница Ш. Фицпатрик¹⁸.

Для нас, в данном случае, более важен антропологический аспект подобных эсхатологических представлений. Под воздействием гонений на религию в церковной среде формировались представления об обособленности и корпоративной замкнутости церковного мира. Например, в Холмогорах среди верующих распространялась листовка следующего содержания: «Будут как иступленные расхищать и опустошать у боящихся Господа, опустошат и расхитят имущество и из дому изгонят их. Тогда наступит испытание избранным, как золото испытывается огнем»¹⁹. Вместе с

17. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 15. Л. 88–88 об. (Спецсообщение ОГПУ о настроениях и действиях духовенства в связи с закрытием церквей. 25 января 1930 г.)

18. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: Деревня. – М., 2001. – С. 58–60.

19. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 378. Л. 49–52 (Докладная записка Архангельского окружкома ВКП (б) о выполнении директив Крайкома по коллективизации и раскулачиванию. 20 февраля 1930 г.).

этим формировались и специфические представления о противоположном полюсе социального мира, появлялся образ чужого. Разумеется, к такому противоположному полюсу, в глазах верующих, относились или представители сообществ, деятельность которых носила богоборческий характер (местные коммунисты) или члены колхозов, массовое появление которых соответствовало по времени новому витку антицерковной активности власти. В деревенских слухах того времени и те, и другие фигурировали как «помощники дьявола»²⁰.

Близко к этому по своему значению и бытовавшее в северной деревне убеждение, что вступление в колхоз означает автоматическое отречение от христианской веры и Церкви. В этом, например, упрекал прихожан диакон одной из церквей Павлино-Виноградовского района А.П. Шумилов. В другом случае священнослужитель деревни Зачаечье Емецкого района отказался от продолжения служб, объяснив это собравшимся крестьянам следующим образом: «Большинство населения нашего прихода записалось в коммуну, культ верующих ликвидируется, т.к. верить и состоять в коммуне нельзя»²¹. В сознании верующих формировалась жесткая антитеза: член приходского сообщества – колхозник. В отдельных утверждениях особо фанатичных представителей церковного мира образ колхозника приобретал даже зооморфные черты. Так, монашка Буракина говорила про колхозников: «У них выросла собачья шерсть, значит общаться с ними нельзя»²². Почти повсеместно встречаются упоминания и о всевозможных мучениях коммунистов и колхозников, которые должны были состояться сразу после ожидаемого падения советской власти. Иногда в крестьянской среде это событие, очевидно опять же в силу религиозных аналогий, носило название Варфоломеевской ночи. По представлениям крестьян, в ее ходе членам партии и вступившим в колхозы должны были проставлять на лбу печать, вешать их, заставляя расписываться кровью, сдирать с них кожу и изготавливать из нее ремни и т.п.²³. В перечисленных мучениях коммунистов

20. Четверикова М.В. *Радикальный протест крестьян в начале 1930-х годов (на материалах северной деревни) // Северная деревня в XX веке: актуальные проблемы истории.* – Вологда, 2000. – С. 30.

21. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 16. Л. 42 (Докладная записка начальника Вологодского уголовного розыска. б/даты); ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 654. Д. 20. Л. 11 (Докладная записка полномочного представителя ОГПУ Северного края по Емецкому району. 3 марта 1930 г.).

22. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 756. Л. 225–225об. (Материалы обследования колхозов «Молодецкий курган», «Красный пахарь», входящих в Высоковское кустовое объединение колхозов. 13 марта 1930 г.)

23. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 16. Л. 57 (Оперативно-информационная сводка о наиболее выдающихся преступлениях, зарегистрированных по Северному краевому

и колхозников возможно увидеть и элементы своеобразного обряда перехода из разряда «прислужников сатаны» обратно в человеческое состояние, приобщение к миру людей, уже проходящих «испытание огнем».

Такое понимание верующими сложившейся ситуации могло серьезно дестабилизировать обстановку в деревне. С одной стороны, верующие вооружались идеей мессианской богоизбранности, связанной с возложением на себя высокой миссии спасения веры и Церкви, с другой стороны, представители власти теряли для них всякий человеческий авторитет. Один из жителей деревни Корбатово Онежского района заявил прямо в лицо своему родственнику – коммунисту, участвовавшему в закрытии церкви: «Церкви не отдадим, если потребуется, то мы сотрем с лица (земли. – *Н.К.*) всех коммунистов, т.к. церковь не ваша». В другом случае председателю одного из сельсоветов Лальского района верующие пообещали устроить бунт²⁴.

И такие деревенские бунты, порою проходившие под лозунгом «долой коммуны, даешь попов», действительно имели место в Северном крае. Во всяком случае, политические сводки начала 1930-х годов просто пестрят сообщениями о массовых выступлениях крестьян на религиозной почве. Особенно усердствовали в деле защиты Церкви женщины. Вот только некоторые достаточно типичные случаи подобных выступлений. В июле 1929 г. в Погореловском сельсовете Рослятинского района после закрытия властями местного кладбища толпа женщин в количестве не менее 100 человек ворвалась в помещение избы-читальни, избili перепуганную избачку и устроили «пьяные пляски». В августе 1929 г. при закрытии одной из церквей в Няндомском округе верующие оказали этому активное сопротивление, в результате чего пострадал даже начальник местной милиции. В деревне Кегостров Архангельского района в годовщину Октябрьской революции верующие организовали свою демонстрацию в которой приняли участие не менее 200 человек. Они по-хозяйски прошли вдоль всей деревни и у стен школы устроили митинг с требованиями оставить церковь в своем ведении. В Архангельском округе осенью-зимой 1929/30 г. проходили демонстрации верующих, в которых принимали участие

отделу уголовного розыска за декабрь месяц 1929 года. 4 февраля 1930 г.); Д. 28. Л. 72–74 (Оперативно-информационная сводка о более выдающихся преступлениях, зарегистрированных по городу Архангельску и округам Северного края за апрель месяц 1930 г. 3 июля 1930 г.); Л. 104–108. (Оперативно-информационная сводка о более выдающихся преступлениях, зарегистрированных по городу Архангельску и округам Северного края за март месяц 1930 г. 10 мая 1930 г.)

24. ГААО. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–3об. (Протокол допроса потерпевшего З... 8 июня 1929 г.); Д. 287. Л. 3–4об. (Протокол допроса свидетеля М... 5 октября 1929 г.).

по 150–200 человек. В апреле 1930 г. в Корецком сельсовете Приозерного района толпа верующих ворвалась в помещение сельсовета и потребовала возвращения местного священника, отправленного на лесозаготовки. Аналогичные случаи были зафиксированы и в других районах Северного края²⁵. В Никольском и Вохомском районах активно действовали иерофеевцы – последователи епископа Никольского Иерофея (Афоника). Фанатично настроенные женщины из числа последователей иосифлянского архиерея на одном из собраний плевали в глаза уполномоченному по коллективизации, а также со словами «вот вам спереди коммуна, сзади колхоз», задирали подолы платьев, откровенно демонстрируя свои достоинства обескураженному чиновнику²⁶. В итоге эти и подобные им эксцессы вынуждали власть принимать ответные меры репрессивного характера. Местные активисты и чиновники, и без того постоянно понукаемые из центра, еще с большей остротой почувствовали в представителях церковного мира своих непосредственных противников. Этот общественный конфликт в конечном итоге стал одной из причин трагической судьбы Православной церкви в 1930-е годы.

3. Повседневность «классовой битвы»

Впрочем, и сама власть не стремилась к какому-либо компромиссу с крестьянством. Й. Баберовски писал, что большевики «были неспособны высвободить свой доминантный дискурс из плена свойственного ему герметизма»²⁷. Все происходящее в деревне власть стремилась описать в своих терминах и дефинициях, однозначно навешивая на все явления «классовые бирки». Этой задаче усердно служила политическая пропаганда. В агитационных материалах коллективизация рассматривалась в двух ипостасях. Первой из них было разъяснение коллективизации как радикального шага вперед в развитии сельского хозяйства, связанного с окончательным переходом от капиталистических к социалистическим формам его ведения. С точки зрения второй составляющей этого агитационного концепта, коллективизация понималась как классовая битва между беднейшими и зажиточными слоями деревни. Однако если

25. Там же. Ф. 621. Оп. 3. Д. 15. Л. 88–88об. (Спецсообщение ОГПУ о настроениях и действиях духовенства в связи с закрытием церквей. 24/25 января 1930 г.); л. 101–102 (Очередное донесение ПП ОГПУ по Северному краю. Апрель 1930 г.).

26. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 565. Л. 11 (Информационно-политическая сводка Информационно-статистического сектора Крайкома ВКП (б) по состоянию на 20 марта 1930 г.).

27. Баберовски Й. Указ. соч. – С. 64.

хозяйственная составляющая концепта коллективизации, как уже говорилось выше, не имела широкой поддержки, то ее социально-классовая «сестра», напротив, оказалась весьма востребованной среди крестьян Севера. Важно при этом подчеркнуть, что собственно деление на бедняков, середняков и кулаков для крестьянства не было чем-то новым, однако пропаганда подчеркивала именно необходимость наступления на «верхушку деревни».

Подобные призывы звучали на многочисленных собраниях, митингах, конференциях. «Довольно попил нашей крови!», – кричали по отношению к кулакам крестьяне в Ровдинском районе Няндомского округа. «Я полагаю, что хорошим методом в постройке колхозов будет всех кулаков подкулачников отсеять и не пускать в колхоз, а из старых колхозов исключить бузотеров», – заявляли с трибуны на Вожегодской конференции крестьянок. «Нужно коммуны не только организовать, но и поставить крепко. Кулаки ведут свою агитацию против колхозов, нужно их придавить как следует», – говорил один из участников I-й районной конференции батрацко-бедняцких групп Лешуконского района²⁸. Такова типичная воинственная риторика подобных выступлений, в которых крестьяне порою дословно повторяли клише политической пропаганды. На другом полюсе социального мира деревни на них отвечали «той же монетой». Характерными были высказывания: «Вы беднота на нашей шее сидите, погодите мы вам припомним», «Вы бедняки насильно нас заставили выйти из коммуны. Вы едите наш хлеб, пьете нашу кровь»²⁹. Пропаганда «классовой борьбы» еще более разжигала и без того существовавшие в деревне антагонизмы и внутренние противоречия. Один из составителей сводок писал: «Средняк

28. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 157. Л. 117. (Информационная сводка об итогах проведения первых районных конференций крестьянок по Вологодскому округу. 25 октября 1929 г.); Д. 565. Л. 11; Ф. 1536. Оп. 1. Д. 13. Л. 83. (Протокол I районной конференции батрацко-бедняцких групп Лешуконского района. 8–10 апреля 1930 г.)

29. ГААО. Ф. 1470. Оп. 2. Д. 11. Л. 7–8 (Протокол допроса свидетеля И... 4 августа 1929 г.); ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 639. Л. 38–56 (Краткий обзор хозяйственно политического состояния Няндомского округа. Весна 1930 г.); Спецсводка ПП ОГПУ по Северному краю о мероприятиях по проведению сплошной коллективизации, ликвидации кулачества и о политических настроениях в крае. 2 марта 1930 года // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000. – С. 281. Следует иметь в виду, что в северной деревне на рубеже 1920–1930-х годов бытовало также и представление о единстве крестьянского сообщества, («все в лаптях ходим»). Однако подобные суждения возникали чаще всего при столкновении крестьян с чуждым им миром города, например, при сравнении с рабочими.

смотрит на бедняка как на лодыря, бедняк на средняка как на кулака»³⁰. В силу активного идеологического воздействия происходила все большая поляризация мира деревни.

Сложнее определить, какие мотивы стояли за многочисленными проявлениями поддержки пропагандистских лозунгов. Разумеется, в отдельных случаях нельзя исключать низовой энтузиазм и наивную веру в истинность пропагандируемых идей. Другим мотивом могло служить стремление избежать жизненных неурядиц и преследований со стороны власти. Ведь публичное повторение лозунгов пропаганды служило выражением лояльности советской системе. Наконец, нельзя исключать и прагматический расчет.

О наличии такового красноречиво свидетельствуют крестьянские обращения во власть. Дело в том, что использование языка власти позволяло крестьянам более успешно вести «переговоры» с властью. Несомненно, была доля лукавства в обращении группы раскулаченных крестьян Нижне-Матигорского сельсовета Холмогорского района, доказывавших, что до коллективизации они «жили ничего, средне», а представители сельсовета, раскулачивая их, «искажают линию партии»³¹. Вероятно, и беднячка Е.П. Корельская вряд ли разбиралась в сложных коллизиях политической борьбы в верхах большевистской партии, что, однако, не помешало ей обвинить своего недоброжелателя, председателя сельсовета Леонтьева, в том, что он «держит правый уклон»³². Политическая пропаганда в конечном итоге давала крестьянам действенное оружие для решения своих личных проблем, открывала перед ними возможность бороться за свою судьбу в условиях всеобщего хаоса, нестабильности и насилия, принесенных коллективизацией в жизнь северной деревни. Этим оружием мог воспользоваться любой житель деревни в независимости от своего социального статуса и происхождения. Нужно было только, умело копируя пропагандистские клише, говорить с властью на ее же языке. Но этот дар со стороны власти не был безвозмездным.

Используя агитационные лозунги, крестьяне вольно или невольно включали себя в мир пропагандируемой реальности, становясь тем самым своеобразными соучастниками акций власти. Таким образом, умозрительные конструкции

30. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 157. Л. 9–16 (Информационная сводка об итогах выборов советов по Кадниковскому уезду. 8 мая 1929 г.)

31. Там же. Ф. 275. Оп. 1. Д. 49. Л. 20–21об. (Письмо граждан Нижне-Матигорского сельсовета в Окружную рабоче-крестьянскую инспекцию. 11 марта 1930 г.).

32. Там же. Л. 23–23об. (Письмо Е.П. Корельской в Контрольную комиссию ВКП(б), полученное 14 марта 1930 года).

ста-

новились и частью их повседневной жизни.

В этой иллюзорной реальности, где шла «непримиримая борьба» за коллективизацию и «построение социализма», обесценивалось все имущество, прежний социальный статус, общественный престиж в мире деревни и даже человеческая жизнь. Так, один незадачливый агитатор, хоть и без особого успеха, объясняя крестьянам необходимость госпоставок, при этом доказывал, что «если один-два человека подохнут в деревне Афонинской (место, где проходило собрание. – Н.К.), то революция от этого ничуть не пострадает»³³. Умирать никто не хотел, поэтому все беды было легче списать на кулаков, церковников, или кого там еще подсказывали агитаторы. Практика коллективизации и вовсе превосходила всякие теоретические построения. Сегодня уже нет необходимости, повторяясь, описывать ни характер деятельности поборников «великого перелома», ни страдания крестьянства. Скажем лишь, что в ряде случаев применение «классовых принципов» было доведено практически до абсурда. В отдельных случаях обобществление имущества при создании колхозов производилось вплоть до нательного белья. Или же людей лишали избирательных прав на следующих основаниях: «бывший сторож» (надо полагать, отнеся последнего к числу защитников царского режима), «глухонемая», «теща». В одном из сельсоветов Опаринского района местные активисты проводили раскулачивание под лозунгом: «Хоть на кочку лезь, хоть на луну полезай». Людей выгоняли из дома на лютый мороз, оставляли без средств существования наедине с судьбой³⁴. Все это рождало ответные волны ненависти. Пострадавшие от коллективизации «справные» деревенские мужики, судя по сводкам, открыли настоящий сезон охоты на представителей местной администрации и активистов. Деревня постепенно скатывалась в хаос насилия и внутренней войны. Может показаться парадоксальным, но этот хаос до определенного момента был выгоден власти. Американский историк С. Коткин писал о советской модели властвования: «содействие в

33. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 15. Л. 157 (Обрывок информационной сводки).

34. ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 242. Л. 3–6 (Докладная записка рабоче-крестьянской инспекции о колхозном строительстве. 1929 г.); Д. 159. Л. 152–153 (Информационное сообщение о состоянии хлебозаготовительной, льнозаготовительной и лесозаготовительной кампаний по Вохомскому и Опаринскому районам. 3 декабря 1929 г.); ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 10. Л. 9 (Краткая информационная сводка о ходе работы по выполнению постановления ВЦИК от 10 апреля 1930 г. 20 июня 1930 г.). Из литературы, пожалуй, наиболее полно этот вопрос освещен в книге Н.А. Ивницкого. См.: Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). – М., 2000.

создании хаоса служило средством социального контроля»³⁵. Переживая жизненные неурядицы, борясь со своими недругами, сражаясь в условиях «великого перелома» за свое существование, «маленький человек» вынужден был обращаться к власти, осваивая для этого необходимые слова и ритуалы. Тем самым независимо от своей воли он становился частью существующего режима, одним из многочисленных акторов государственной политики³⁶.

* * *

В заключение выскажем два соображения эпистемологического свойства. Первое, наличие в северной деревне различных интерпретаций происходящего значительно обостряло внутреннюю ситуацию на селе. Прежде всего потому, что каждая из таких трактовок под воздействием определенных факторов становилась своеобразным детонатором в умах людей, вела к эскалации общественной нестабильности. К тому же отсутствие диалогичности (особенно присущее большевистскому классовому дискурсу) между трактовками, неприятие инородных оценок вело к конфликту понимания, когда каждое из сообществ носителей хотело видеть и видело лишь свою правду. Вероятно, не эти причины были главным источником безудержного взрыва насилия, захлестнувшего российскую деревню на рубеже 1920–1930-х годов, однако нельзя недооценивать и социокультурную составляющую этих процессов. В.П. Булдаков в свое время рассмотревший природу революционной стихии, высказал массу оригинальных выводов и наблюдений, позволивших исследователям во многом по-новому взглянуть на революцию и Гражданскую войну в России³⁷. Возможно, теперь настала очередь подобного переосмысления для эпохи «великого перелома? Во-вторых, важно подчеркнуть, что средой возникновения и распространения альтернативных трактовок коллективизации служили традиционные для мира деревни крестьянские сообщества: община и приход. Активное сопротивление, оказанное этими институтами (в том числе и на идейном уровне) политике коллективизации, не позволяет увидеть в них некой протоосновы для создания и деятельности

35. Коткин С. *Государство – это мы? Мемуары, архивы и кремленологи* // *Нестор. № 11. Смена парадигм: Современная русистика.* – СПб., 2007. – С. 103.

36. Это своеобразное сотрудничество индивида и режима С. Коткин называет коллаборационизмом (Коткин С. *Указ. соч.* – С. 108), С.В. Яров – конформизмом (Яров С.В. *Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов.* – СПб., 2006).

37. Булдаков В.П. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия.* М., 1997.

колхозов. Поиски преемственности в развитии деревни, на наш взгляд, стоит продолжить не в социальном и духовном, а в функциональном отношении. Насильственное подавление государством в 1930-е годы общины и прихода высвободило ряд жизненно важных для села функций регулирования

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

И. Покровский

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ

(Предисловие к публикации)

Публикуемая здесь статья крупнейшего русского правоведа, историка и теоретика гражданского права Иосифа Алексеевича Покровского¹ «Этические основы политики» впервые увидела свет в № 4

1. О его жизненном и творческом пути см.: Энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. – СПб., 1898. – Полут. 47. – С. 248; Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Юрьевского, бывшего Дерптского университета за сто лет его существования (1801–1902). – Юрьев, 1902. – Т. 1. – С. 618–619; Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1955. – Т. 33. – С. 491. Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX в.: Гуманит. и обществ. науки. – М., 2006. – С. 192–193; Профессора Московского университета. 1755–2004. – М., 2005. – Т. II. – С. 192; Лапа-Старженецкая Е. Памяти И.А. Покровского. // Дела и дни. – Пг., 1920. – Кн. 1. – С. 604–605; Пергамент М., Покровский И.А. // Рус. ист. журн. – Пг., 1921. – Кн. 7. – С. 244–246; Полянский Н.Н. Иосиф Алексеевич Покровский: (личность покойного и его ученые труды) // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – М., 2001. – С. 329–342; Здесь же помещены: Зимелева М.В. Речь памяти Иосифа Алексеевича Покровского, читанная на собрании общества оставленных при факультете общественных наук Московского государственного университета в мае 1920 г. – С. 322–328; Маковский А.Л. Выпавшее звено. – С. 3–32; Шиловост О.Ю. Библиография профессора И.А. Покровского. – С. 343–348); Кружок имени

петербургского журнала «Полярная звезда» за 1906 г. «Полярная звезда» – журнал, издававшийся под редакцией П.Б. Струве и С.Л. Франка как соредактора (что не было указано на титульном листе) с 15 декабря 1905 по 19 марта 1906 г. (№№ 1–14). 20 марта 1906 г. издание было приостановлено.

С 1 апреля по 31 мая 1906 г. журнал выходил под названием «Свобода и культура» под редакцией С.Л. Франка, «при ближайшем участии» П.Б. Струве (№№ 1–8); программа его по существу осталась прежней. «Полярная звезда» мыслилась ее создателями как «свободная трибуна политической мысли». По словам Франка, «наш журнал не может быть партийным в тесном, политическом смысле слова, а должен оставаться независимым выразителем общечеловеческих освободительных идей и культурных принципов». Эта установка предполагала интеграцию социалистических идей и идей либерально-демократических, декларируемых Конституционно-демократической партией. С последней, как писал Франк, «Полярную звезду» «соединяет и своего рода личная уния в силу того обстоятельства, что некоторые из ближайших участников нашего журнала примыкают к этой партии»². На его страницах в равной степени уделялось как анализу различных аспектов «реальной политики» в условиях общенационального

И.А. Покровского // Право и жизнь. – 1922. – Кн. 1. – С. 114; Семенова А. И.А. Покровский; (к 5-летию со дня смерти) // Вестн. сов. юстиции. – М., 1925. – № 2. – С. 474–475; Флейшиц Е.А. И.А. Покровский и его вклад в науку гражданского права // Научная конференция «Роль русской науки в развитии мировой культуры». 5–12 июня 1944: Программа и тез. докл. – М., 1944. – С. 101–103. Бартошек М. Римское право: Понятия. Термины. Определения. – М., 1989. – С. 361; Пустарников В.Ф. Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. – СПб., 2003. – С. 542–543; Рудовкас А.Д. И.А. Покровский и его «История римского права» // Покровский И.А. История римского права. – М., 2004. – С. 7–54. – М., 2008. – С. 8, 30, 63, 75, 78–93, 110, 128. См. также: Бельский И.Л. Предисл. к публ. (с. 211–212). Покровский И.А. Этические предпосылки свободного строя // Россия и соврем. мир. – М., 2007. – № 4. – С. 13–224.

2. Франк С. Одностороннее самопознание: (По поводу статьи А.А. Кауфмана) // Полярная звезда. – СПб., 1905. – № 2. – С. 128–129. Программе журнала посвящена также другая его статья: «Политика и идеи: (О программе «Полярной звезды») // Там же. – № 1. – С. 18–31.

О журнале см.: Хайлова Н. «Полярная звезда» // Политические партии России: Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996. – С. 474–475; Колеров М.А. Не мир, но меч: Рус. религ.-филос. печать от «Проблем идеализма» до «Вех»: 1902–1909. – СПб., 1996. – С. 136–159; М.К. Идеалистическое направление и «христианский социализм» в повременной печати // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. – М., 1999. – С. 359–400 (роспись «Полярной звезды» и «Свободы и культуры» на с. 388–398).

политического кризиса, так и проблемам ее исторического и теоретического (философско-политического, социально-философского и этического) осмысления.

Исследование проблематики общественно-политической мысли в эпоху Первой русской революции немислимо без обращения к статьям «Полярной звезды» и «Свободы культуры», посвященных предпосылкам социальных и политических реформ в России; идеям гуманизма, социальной справедливости, свободы человека и свободы совести; вопросам права; положению науки и образования; моральному состоянию российского общества; истории освободительного движения и рецепции идей Великой французской революции в общественном сознании; роли интеллигенции; правительственному курсу в различных сферах внутренней политики и политической борьбе вокруг него; вопросам внешней политики. Среди постоянных авторов журнала были С.Н. Булгаков, Э.Д. Гримм, А.С. Изгоев, А.А. Кауфман,

Б.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, Д.С. Мережковский, И.И. Петрункевич, В.В. Розанов, П.Б. Струве, Г.Н. Трубе. На страницах журнала И.А. Покровский выступал трижды, опубликовав работы: «Этические основы политики», «Во имя культуры! Призыв к обществу»³, «Право на существование»⁴.

В статье «Этические основы политики» И.А. Покровский обращается к одной из «вечных проблем» политической философии – проблеме взаимоотношения морали (этики) и политики, традиционно рассматривающейся в западноевропейской и отечественной философской мысли в ее многоаспектности: право – политика – мораль – государство (власть); этика политического поведения (этические основания поведения политика) и макиавеллизм; легитимность насилия и противостояния насилию и др.

3. Полярная звезда. – 1906. – № 5. – С. 324–329. В статье утверждается необходимость деполитизации высшей школы в хаосе революционных событий конца 1905 – начала 1906 г.

4. Свобода и культура. СПб., 1906. – № 4. – С. 245–265. Статья, посвященная юридическим и философско-правовым смыслам этого принципа, в 1908 г. была в 1908 г. переиздана в кн.: Новгородцев П.И., Покровский И.А. Право на существование. (СПб., М.).

Сведений о реальном участии И.А. Покровского в деятельности Партии Народной свободы сохранилось немного. А.Д. Рудовкас (см. примеч.1) предполагает возможным считать его одним из авторов внесенного фракцией кадетов в Государственной Думе законопроекта о свободе совести в 1907 г. Его фотопортрет включен в кн.: Третий общепартийный съезд Партии Народной свободы в Санкт-Петербурге [Портреты]. – СПб., 1907.

Для Покровского, разделяющего в философии права концептуальные установки «нового естественного права» и мировоззренчески опирающегося на традиции персонализма, бесспорно, что рассматриваемая под углом зрения как сущего, так и должного (но с преимущественным вниманием к должному), «политика не может иметь иного руководителя, кроме этики». Отвергая этику утилитаризма (социального эвдемонизма) и этические основоположения «экономического материализма и социал-демократии», в частности, оправдание идей классового насилия, он утверждал фундаментальную значимость «духовной личности человека», его внутренней свободы», т.е. принципов этического персонализма.

Установка на интеграцию социалистических идей и идей гуманистических и либерально-демократических, являвшаяся одной из составляющих платформы «Полярной звезды», была органически присуща социально-политико-философскому мировоззрению И.А. Покровского. Статья завершается почти патетически: «Да будет свободно общество от деспотизма власти, но да будет и личность человеческая свободна от деспотизма общества!»

С еще большей страстностью это требование высказано в последних работах ученого: «Этические предпосылки свободного строя» (1917)⁵ и «Государство и человечество» (1919).

Статья републикуется с сохранением авторского научно-справочного аппарата.

И.Л. Беленький

«Берегись, чтобы в конце не охватила тебя еще узкая вера, жестокое, суровое безумие! Тебя же искушает и ныне соблазняет все, что узко и твердо».

Ницше. Also sprach Zarathustra.

I

Эдуард Гартман, известный немецкий философ-пессимист, в одном из своих сочинений, посвященных вопросам этики⁶, писал:

5. См. ее републикацию в № 4 нашего журнала за 2007 г. (с. 213–224).

«Избиратель, обязанный подавать свой голос, стоит не просто перед вопросом той или другой политической партии, а перед основными вопросами права и морали; его рука прибавляет камень к постройке будущей организации человечества. Как раз в настоящее время, когда самые основные устои нравственного и правового порядка подвергаются переоценке, даже самый простой человек стоит перед обязанностью пересмотреть внутри своего духа глубочайшие проблемы этики, ибо от его решения и деятельности будет зависеть дальнейшее развитие человечества в одном или другом направлении».

Слова эти были написаны в 1879 г., когда жизнь не только германского народа, но и всего европейского общества шла – худо ли, хорошо ли, – но, во всяком случае, своим обычным, нормальным ходом. Во сколько же раз более слова эти имеют значение для нашего русского общества в настоящий революционный момент, когда действительно все основные устои подвергаются полной и спешной переоценке и когда действительно велика опасность, как бы нас ни охватила та «узкая вера», против которой предостерегает Ницше!

Каждый новый день приносит новые события и новые вопросы; каждый день русскому гражданину приходится думать над ними и определять к ним свое отношение. Обилие этих событий и этих вопросов, стремительность их наступления не может, конечно, не вызывать у всякого, «даже самого простого человека», потребности найти какой-нибудь общий ключ к этим вопросам, определить общий критерий того, что хорошо и что худо, – т.е. именно, по выражению Гартмана, «пересмотреть внутри своего духа глубочайшие проблемы этики».

Именно – этики, ибо политика не может иметь иного руководителя, кроме этики, не может иметь иных принципов, кроме этических.

Чем руководиться в определении того порядка, который мы считаем справедливым и желательным; чем руководиться при установлении тактических приемов деятельности, – вот самые основные вопросы политики. Но они же являются и вопросами этики. Каких-либо самостоятельных ответов на эти вопросы и там и здесь быть не может. Ответ может быть только один – и именно тот, который будет дан нашей высшей духовной инстанцией – нашими представлениями о нравственно должном.

Возбужденная атмосфера современной русской действительности переполнена разными сталкивающимися и противоречивыми «лозунгами», имеющими своей целью ответить на поставленные выше вопросы. В вихре этих «лозунгов» так легко растеряться, увлечься, так легко забыть о том, чего

забывать нельзя и не должно! Не будем перебирать всех этих лозунгов, но некоторые из них раздаются так громко и так настойчиво, что этическая проверка их безусловно необходима.

II

Есть, конечно, не мало лиц, которые и в области политики преследуют лишь свои личные, эгоистические цели, для которых и здесь практическим правилом поведения является их личное благо, – но нет таких людей, которые бы в этом сознались, которые стали бы защищать личный эгоизм, не только как *causa efficiens*, но и как *causa finalis* общественной жизни. Даже самые подлинные «политики для себя», для своего честолюбия или кармана, даже они прикрывают свои действия теми или другими этическими соображениями и мотивами.

Но если личный эгоизм, личный интерес никогда не выставляется в качестве общего критерия политики, то, напротив, весьма распространенным является в настоящее время учение о *классовом интересе*, как о единственно реальном критерии всякой социальной деятельности и единственном факторе всей человеческой истории. Общество – учат теоретики социал-демократии – состоит из резко обособленных экономических классов с совершенно противоположными, непримиримыми интересами; история есть борьба этих интересов, борьба, в которой победа будет принадлежать интересам рабочего пролетариата. Сознвая полную непримиримость классовых интересов, всякий гражданин современного общества должен определенно стать или туда, или сюда; какой-либо третьей, внеклассовой или над-классовой позиции быть не может, а то, что выдается иногда за таковую, есть в сущности лишь замаскированная идеология сиденья между двух стульев.

Таковы основы политики, выставляемые социал-демократией. Попытаемся продумать эти основы чисто теоретически, *sine ira et studio*, с точки зрения тех этических принципов, которые под этим учением скрываются.

При оценке всякого рода явлений, а социальных в особенности, мы, в силу психологической необходимости, применяем двоякую точку зрения: мы изучаем эти явления, во-первых, так, как они есть, т.е. стараемся постигнуть их с точки зрения *сущего*, и мы оцениваем их, во-вторых, с точки зрения *должного*, т.е. мыслим их так, какими они должны быть.

Если теоретик-ученый может по своему произволу отгородить для себя только одну из этих точек зрения, то практический политик этого сделать не может: для него обе эти точки зрения одинаково обязательны. Без правильного понимания законов сущего он не в состоянии будет определить для своей деятельности пределов возможного, без такой или иной оценки с

точки зрения должного он будет неспособен к какой бы то ни было целесообразной деятельности, ибо самое поставление цели уже предполагает такую телеологическую оценку, т.е. оценку с точки зрения должного.

Приведенное выше учение экономического материализма и социал-демократии о классовых интересах сливается в себе двоякое утверждение: так *есть*, и так и *должно быть*, или, другими словами, – классовый интерес объявляется моментом, определяющим не только с точки зрения *сущего*, но и с точки зрения *должного*.

Оставим в стороне первое из этих утверждений; не будем разбирать, правильно ли объяснение, даваемое экономическими материалистами реальным явлениям человеческой истории. Достаточная историческая и философская критика этой стороны учения, по нашему мнению, уже дана в существующей литературе. Взглянем на это учение с другой точки зрения – с точки зрения должного, посмотрим на классовый интерес, как на некоторую рекомендуемую нам *норму практического поведения*.

Если классовый интерес должен быть не только явлением из области сущего, но и нормой должного, и если никаких надклассовых соображений быть не может, тогда, очевидно, не имеет какой-либо нравственной обязательности и дальнейшее требование этого учения о необходимости стать на защиту классового интереса пролетариата. Почему интерес этого последнего класса должен быть предпочтен интересам каких-либо других классов?

Почему интерес рабочего этически ценнее интереса капиталиста, интерес крестьянина ценнее интереса землевладельца? Ответа на этот вопрос этим учением не дается, ибо не может считаться ответом утверждение, что этим интересам принадлежит победа и будущее. Каждый из нас далеко не всегда будет нравственно сочувствовать неизбежному, как не сочувствовали в своё время древнеримские Бруты и Кассии неизбежно надвигавшемуся цезаризму. Неизбежное далеко не всегда совпадает с нравственно желательным.

Одностороннее выставление классового интереса в связи с отрицанием каких-либо надклассовых критериев лишает рассматриваемое здесь учение всякого этического основания и этим самым развязывает руки всем противникам трудящихся масс. Каждый из них получает право рассуждать так: если их интерес законен для них, то мой интерес не менее законен для меня, и чем более развивается их энергия в борьбе за свои интересы, тем более должна развиваться моя. Если они в борьбе готовы идти на крайние средства, даже на смерть, то вправе быть таким же твердым и я. Если меня грозят смести «вооруженным восстанием» и «диктатурой пролетариата», то и я вправе защищаться вооруженным сопротивлением и военным положением. Нравственно предосудительного в моем поведении нет; мы равно защищаем наши классовые интересы, а там – пусть решает борьба, ожесточение, сила!

Отсутствие этического надклассового начала в теоретической основе учения с логической неизбежностью приводит к уничтожению этического критерия и в выборе практических средств борьбы. Какое средство допустимо, какое нет, – этот вопрос, важный как для установления своей собственной тактики, так и для апелляции на действия противника, остается без ответа, а это вредит, конечно, пролетариату гораздо больше, чем его противникам.

III

Нередко, впрочем, в аргументации социал-демократии слышится иной мотив: ее требования нравственно обязательны для всякого честного человека потому, что классовые интересы пролетариата суть в то же самое время правильно понятые *интересы всего общества*; пролетариат, по самому своему положению, является лишь естественным выразителем того, что необходимо всему обществу, если оно желает перейти к высшим и лучшим формам существования.

Переход к этому мотиву в устах теоретиков названного направления представляет явление чрезвычайно любопытное. Он обозначает, что отмеченное только что отсутствие этического принципа в голой теории классовых интересов чувствуется уже ими самими и что, вместе с тем, сознается необходимость подкрепить классовые *desiderata* какой-либо высшей, *надклассовой* санкцией. Для нас это признание имеет громадное значение. Одно из двух: или никаких надклассовых точек зрения быть не может – тогда интерес одного класса не имеет преимущества перед интересом другого – или же, если нужно оправдать такое преимущество, надо стать на некоторую высшую, надклассовую точку зрения. Отрицатели и порицатели надклассовых точек зрения, в конце концов, оказываются вынужденными прибегнуть к тому, что сами столь категорически отрицали и порицали.

Тот надклассовый критерий, который признается в этой аргументации, есть *общий интерес, интерес всего общества* или, говоря иначе, *общая польза, общее благо, общее счастье*. Признанием этого критерия рассматривавшееся до сих пор учение втекает в то широкое русло, которое в этике известно под именем *утилитаризма* или *социального эвдемонизма*. Бентам, Милль, Спенсер, Иеринг – вот виднейшие имена, с которыми связано это этическое русло, и уже достаточно простого сопоставления этих имен с именами автором социализма для иллюстрации того, насколько различные по своим социальным воззрениям люди могут объединиться под одним этическим знаменем.

Оставим поэтому социал-демократию и перейдем теперь к этому более общему воззрению. От личного эгоизма через классовый интерес мы дошли до общего интереса, как возможного этического критерия политики.

Утилитаризм, как известная этическая система, встретил разностороннюю критику. Но изложение этой критики в целом не может входить в нашу задачу. Посмотрим, однако, может ли принцип общего интереса или общего блага служить истинным и вполне надежным этическим руководителем политики.

Не скрываю от себя, что уже самая постановка такого вопроса, самое допущение возможности отрицательного ответа на него может вызвать на первых порах самое серьезное недоумение. Что же иное, как не благо общества, может быть целью всякой политики, и разве не стало заповедью правило «*Salus publica suprema lex*»?

И, тем не менее, – посмотрим!

IV

Общая польза, общее благо! Но как определить, в чем они заключаются?

Один из названных выше представителей социального эвдемонизма, Иеринг, сам задается вопросом и говорит:

«Общественное благо – какое эластическое понятие! В чем оно? В мире, спокойствии? Но воинственный народ находит свое счастье в войне, и мир ему невыносим. Благосостояние, богатство, образованность? Но Куку австралийские островитяне, стоявшие на самой низкой ступени культуры, показались счастливейшими племенами на свете. Народы то же, что индивиды. Как нельзя для отдельных лиц составить общую формулу блага и счастья, так нельзя и для целых народов. Но бесконечное разнообразие конкретного понимания счастья не может мешать нам считать это последнее, в чем бы его ни находили, целью всякого стремления, как индивидов, так и народов»⁷.

При всей своей простоте и видимой ясности, ответ этот, однако, далеко не дает того, что он должен был дать. Пусть нельзя выставить какой-либо абсолютной формулы общественного блага и счастья, пусть решение этого вопроса будет зависеть от данного народа, его склонностей и его потребностей, – но, спрашивается, как определить самые эти склонности и потребности, самые вкусы народа? Народ не есть одно единое и однообразное; в его среде находятся разные индивиды с разными склонностями и вкусами. Среди самого воинственного народа могут быть индивиды, для которых наибольшим благом было бы спокойствие, и

7. *Zweck im Recht*. С. 204.

наоборот. Как учесть это разнообразие, как определить общее «конкретное представление» всего народа о счастье?

Одна только дорога представляется для разрешения этого вопроса, и утилитаризм действительно вступает на нее. Дорога эта – признание решающей инстанцией *большинства*. «В вопросе о том, которое из двух удовольствий для нас более ценно, говорит Дж. Ст. Милль, или который из двух родов жизни, независимо от его нравственных атрибутов и его последствий, нам более приятен, – в этом вопросе мы должны признать окончательным решением общее мнение, в случае разногласия, мнение большинства тех, которые испытали оба эти рода условий»⁸.

Таким образом, согласно этому учению, конечная цель нашего нравственного стремления должна определяться не нами самими, а мнением большинства. Нравственная автономия личности исчезает; она заменяется слепым подчинением некоторой внешней инстанции!

Такой способ разрешения нашего вопроса при посредстве некоторого «утилитарного трибунала» Гюйо справедливо называет «поистине странным»⁹.

Утилитаризм, замечает Вундт, есть мораль так называемого здравого смысла. Если мы спросим человека, которого мы знаем, как прилежного работника, образцового отца семейства, хорошего приятеля и вообще как благопристойного человека и гражданина, – если мы спросим его о принципе его практического поведения, то ответ будет, вероятно, в общем согласоваться с нравственным законом утилитаризма. Эта инстанция, конечно, заслуживает внимания, но она не есть инстанция решающая. Так называемый здравый смысл плохой судья в вопросах принципиальных, которые предполагают ясное понимание запутанных фактов или тонкий анализ трудных понятий, хотя бы эти факты и понятия всецело входили в область практической жизни, как это имеет место, например, в сфере юридических или политико-экономических исследований. Где была бы астрономия, если бы Коперникова система должна была ожидать санкцию непосредственного восприятия? И где была бы теория познания, если бы принимать во внимание все предрассудки пресловутого здравого смысла?¹⁰

Да и сам Милль, назвав общее мнение или мнение большинства инстанцией решающей, в других местах высказывается об этой инстанции уже в значительно ином духе. Так, например, в своём трактате «О свободе»,

8. Дж. Ст. Милль. Утилитаризм. Рус. пер. Неведомского. 1866–69, с. 26.

9. Гюйо. Собрание сочинений. Т. I. История и критика современных английских учений о нравственности. Рус. пер. Южина, 1896, с. 109.

10. Wundt. Ethik, 1886. С. 361.

говоря об общественном вмешательстве в сферу индивидуальной свободы, он признает уже, что общественное мнение или мнение большинства может быть часто ошибочным, а когда он говорит о религиозной свободе, он употребляет даже выражение «*иго общественного мнения*»¹¹.

Конечно, при помощи известных приемов можно установить, в чём видит большинство данного народа свое благо, но может ли это господствующее мнение, этот *статистический результат*, иметь значение *этического императива*, значение нравственно-обязательного? Мы думаем, что нет.

«Конкретное представление народа» о благе и счастье бывает различно в зависимости от времени и самых различных условий, но *самое это конкретное представление народа подлежит этической оценке*. Каждый из нас может сказать, что составило бы его счастье, что доставило бы ему наибольшую сумму радости, – но я полагаю, что никто из нас для себя не считает своего личного счастья верховным принципом своего практического поведения. Счастье счастьем рознь, и всякое наше желание мы подвергаем оценке с точки зрения допустимого и должного. По отношению к целым народам дело не может стоять иначе.

Представим себе на минуту, что какой-либо народ – в своем большинстве – усматривал бы свое счастье и свое благо в удовлетворении самых примитивных инстинктов, в ненарушимости своего спокойствия и своего невежества. Представим себе, что среди этого народа появляется лицо, в душу которого запала искра Божия и которое своими учениями о высших благах вносит в это примитивное благополучие разлад и раздражение. Хватит ли у нас последовательности признать образ действия этого лица безнравственным?

Мы предложили сейчас представить подобное положение лишь на минуту, в качестве гипотезы; но не находим ли мы в теории тысячекратного осуществления этой гипотезы?

Не предпочел ли народ разбойника Христу? Не кричал ли он по адресу последнего «распни»?

Не во имя ли общественного блага и счастья горели костры инквизиции, заполнялись застенки и тюрьмы, обадрялись кровью эшафоты?

Нужно ли перевертывать длинную книгу истории страницу за страницей? На редкой из них мы не найдем растерзывания господствующим большинством тех одиночек, которых судьба наградила горьким даром Прометея, во имя *такого* общественного блага, которое было не благом народным, а злом.

11. О свободе. Цит. выше, рус. пер., с. 336, с. 167.

Народное благо и счастье только тогда могут иметь для нас значение этического императива, а вместе и принципа нашей политики, когда они находят себе некоторое этическое оправдание. Не сами по себе они имеют цену, а лишь в связи и под контролем некоторых, еще более высоких, начал. Они – эти начала – имеют решающее, абсолютное значение; благо же и счастье, по справедливому выражению *Вундта*, может быть лишь *побочным эффектом* (Nebeneffect), но отнюдь не целью всякого нравственного стремления¹².

V

Какое же начало может быть этически выше, чем благо и счастье? Пред чем даже эти последние принципиально стушевываются и отходят на задний план?

Сознавая, что доставление блага и счастья *всем* лежит за пределами человеческой возможности, утилитаризм выставил принцип так называемой *максимации счастья*: целью нравственного стремления, говорит он, должно быть *доставление возможно большего счастья возможно большему количеству лиц*.

Но представим себе для примера, что для наделения счастьем большинства общества, необходимо рабство меньшинства. Согласились ли бы мы признать в таком случае порабощение меньшинства желательным и этически справедливым? Согласились бы мы для осуществления принципа максимации счастья проповедовать рабство и содействовать его установлению? Убедил ли бы нас довод, что отсутствие рабства понижает общую сумму счастья, и не сказали ли бы мы в ответ: «пусть так, но на рабстве я ничего создать не желаю»?

Отрицание рабства стало, таким образом, для нас некоторым категорическим императивом, подлежащим абсолютному осуществлению, совершенно независимо от тех или иных «побочных эффектов».

Но сделаем шаг дальше. Мы говорили в приведенном примере о большинстве и меньшинстве. Имело ли для нашего решения какое-либо значение количественное соотношение этого большинства и меньшинства? изменили ли бы мы наше решение, если бы для блага огромного, подавляющего большинства оказалось необходимым превратить в рабов лишь самое незначительное меньшинство? *Изменили ли бы мы, наконец, наше решение, если бы для блага всех понадобилось рабство только одного?*

Мы думаем, что нет. И на рабстве одного единственного человека общество не вправе строить своего благополучия. Такое благополучие, как

12. *Ethik*, с. 434.

бы полно оно ни было, было бы в основе своей этически порочным, безнравственным. Претензия на общее благо и счастье доходит здесь до некоторой, абсолютно в нашем нравственном сознании непреходимой грани, за которой стоит неотъемлемое право отдельного человека. Это право не может быть отнято у него даже во имя общественного блага и счастья.

Одно ли, однако, рабство в его техническом смысле составляет такую непреходимую грань?

Вправе ли, например, мы, даже в том случае, если бы для блага данного народа было полезно уничтожение национального «я» другого народа, желать и добиваться этого уничтожения?

Вправе ли, далее, большинство народа в интересах своего духовного спокойствия и счастья вторгаться в область религиозных верований меньшинства или даже отдельных единичных лиц?

Утвердительного ответа я не ожидаю. Даже безусловные защитники политики насилия в области национальных и религиозных отношений прикрываются такими или иными якобы нравственными соображениями, — чаще всего соображением национальной и религиозной самообороны; но уже в этом самом аргументе заключается *implicite* признание этической неправомерности национального и религиозного насилия.

Не будем анализировать дальше: пусть область подобных неотъемлемых даже во имя интересов общего блага прав личности не может быть очерчена математически точно, — для нас важно самое констатирование того, что такие права существуют. А существование таких абсолютных и неотъемлемых прав личности, в свою очередь, доказывает, что верховным принципом этики, права и политики может быть не общественное благо, как таковое, а нечто стоящее над ним.

Приведенный выше пример рабства одного единственного человека наглядно подводит нас к разрешению этого кардинального вопроса.

Рабство противно нам потому, что в нем человек всецело приносится в жертву другим, что личность человеческая превращается *в вещь, в средство*, что она перестает существовать *для себя*, перестает быть *самоцелью*. Наше нравственное сознание протестует против этого; наше нравственное сознание требует, чтобы личность никогда не переставала рассматриваться как личность, *как абсолютно самоцельная единица*.

В этом, как известно, заключается основной принцип Кантовской этики, и мы думаем, что только этот принцип может явиться единственным руководителем всякой политики.

Прилагая этот принцип к вопросам права, *Штаммлер* выводит из него, как необходимые постулаты всякого справедливого права, следующие два: а) никто не должен быть подчинен чему бы то ни было произволу и б) при всяком стеснении, налагаемом со стороны права, каждый должен быть

рассматриваем не только как объект, но и как целевой субъект этого стеснения; каждый должен чувствовать, что это стеснение установлено и в его интересах, или – говоря иначе – каждый должен всегда и везде чувствовать себя *«себе ближайшим»*¹³.

Этому принципу противоречит всякий деспотизм и всякие незаслуженные привилегии; этим принципом бесспорно осуждается всякий такой порядок, который санкционирует какую бы то ни было эксплуатацию отдельных лиц или целых классов; только в этом принципе находят себе надлежащее этическое оправдание социальные требования пролетариата.

Но этот же принцип заключает в себе и властное этическое veto по адресу всяких покушений на духовную личность человека, на его внутреннюю свободу. Нет, и не может быть таких интересов, как бы общи и важны они ни казались, которые бы оправдывали такое посягательство

Да будет свободно общество от деспотизма власти, но да будет и личность человеческая свободна от деспотизма общества!

13. *Die Lehre von dem richtigen Recht*. 1902. S. 208–211.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

П.М. Шульгин

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
«КУЛИКОВО ПОЛЕ»

Шульгин Павел Матвеевич –
кандидат экономических наук,
заместитель директора Российского
научно-исследовательского
института культурного и природного
наследия имени Д.С. Лихачева.

В 2008 г. Государственная премия российской Федерации в области литературы и искусства впервые за долгое время была присуждена коллективу музейных работников. Одним из ее лауреатов стал коллектив Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле».

Созданный в 1996 г., этот музей-заповедник за десять лет провел масштабную работу по сохранению уникального объекта культурного наследия нашей страны, смог восстановить культурный ландшафт поля исторического сражения, создать на охраняемой территории интересные музейные экспозиции, постоянно проводя при этом культурно-просветительную и патриотически-воспитательную работу.

Куликовская битва 1380 г. – важнейшее событие в истории средневековой Руси, во многом

определившее дальнейшую судьбу Российского государства, но это замечательное место долгое время

оставалось в небрежении, не имело достойного музея, культурного статуса. История сохранения этого места всегда напоминает нам рассказ А.И. Солженицына «Захар-калита» о посещении им поля Куликовской битвы в начале 1960-х годов. Автор рассказывает о встрече с местным сторожем, хранившем у себя литые буквы с мемориального памятника. Он их носил с собой за полой пиджака, где был пришит «карман – не карман, торба – не торба, а вернее всего калита размером как раз с книгу отзывов».

После выхода в «Новом мире» этого рассказа в 1965 г. у деревни Ивановка, вблизи Красного холма (центрального места Куликова поля) был открыт небольшой музей. Сначала он располагался в маленьком деревянном доме рядом с храмом Сергия Радонежского. Здесь была создана небольшая фотовыставка, рассказывающая об истории Куликовской битвы, о собранных на этом месте материалах. В 1980 г. было торжественно отмечено 600-летие Куликовской битвы. Но и празднование этой славной годовщины победы русского оружия не способствовала достойной музеефикации Куликова поля. С помощью Государственного исторического музея в церкви Сергия Радонежского была открыта лишь небольшая экспозиция, которая имела статус филиала тульского областного

краеведческого музея. Территория же собственно поля сражения оставалась практически бесхозной.

Подобная ситуация объяснялась отсутствием положения о «музейном фонде», что сделало невозможными создание музея. Не имелось ни мемориальных предметов, ни других документальных материалов (за исключением небольшого числа археологических находок), которые были бы связаны с участниками Куликовской битвы, хранили бы память об этом событии. Экспозиция включала только схемы, исторические реконструкции, поздние описания и пр., что было недостаточно, по мнению администраторов от культуры, для создания здесь полноценного музея. Поэтому долгое время не было у нас музея Куликовской битвы, до настоящего времени не создано музея Ледового побоища, посвященного знаменательной дате в русской военной истории.

Однако, несмотря на ведомственное положение о «музейном фонде», никто не может отменить существование главного объекта наследия – собственно поля Куликовской битвы. Особую ценность здесь представляет сохранившийся природно-исторический ландшафт, который формируют долины рек Дона и Непрядвы, небольшие возвышения и балки, степные и залесенные уголья – все, что предопределило выбор этого места для сражения и хранит память о выдающемся историческом событии. Палеогеографами в результате многолетних исследований были

определены ландшафты того времени и показана их преемственность нынешними, определено место знаменитой Зеленой Дубравы, где скрывался Засадный полк князя Владимира Серпуховского и воеводы Дмитрия Боброка-Волынского, вышедшего в решающий момент на поле битвы и нанесшего сокрушительный удар войску Мамаю. Именно поле сражения как природно-исторический феномен является главным свидетельством одного из крупнейших сражений Средневековья и одного из важнейших исторических событий в судьбе России.

Характерно, что до недавнего времени такого термина, как поле исторического сражения, практически не существовало в музейной практике нашей страны. И только один объект – Бородинский государственный военно-исторический музей-заповедник – с полным правом можно было отнести к данной категории, тогда как, например, в США был выделен специальный тип историко-культурных территорий («battlefield»), к которому отнесены более десятка объектов. Поля сражений охраняются во многих странах Европы (яркими примерами являются Ватерлоо и Аустерлиц).

Поля исторических сражений имеют свою особую специфику: прежде всего, они представляют достаточно обширные территории, что и позволяло выбирать их в качестве мест великих сражений. Поля битвы – это своеобразные природные территории, несущие

огромный исторический и культурный потенциал, где невозможно разделить природную и культурную составляющую. Фактически поле битвы – это особая единица культурного ландшафта.

Уникальные историко-культурные и природные территории позволяют сохранить комплекс памятников истории и культуры; они необходимы как для познавательного и эстетического восприятия памятников, так и для обеспечения жизнеспособности объекта наследия.

В 1995–1996 гг. существующий издавна на Бородинском поле военно-исторический музей-заповедник пополнился музеем-заповедником «Прохоровское поле» (место знаменитого танкового сражения на Курской дуге в 1943 г.) и музеем-заповедником «Куликово поле». Именно этот пример демонстрирует новую политику в сфере сохранения наследия, которая связана с целостными историко-культурными и природными комплексами.

Российские музей-заповедники – это особый тип музейного учреждения, обеспечивающий сохранность, восстановление, изучение и публичное представление целостных территориальных комплексов культурного и природного наследия, материальных и духовных ценностей в их традиционной исторической (культурной и природной) среде.

Деятельность музея-заповедника «Куликово поле» направлена на выявление всей совокупности

наследия места Куликовской битвы: археологического, военно-исторического, природного.

Коллективу музея-заповедника предстояло решить множество сложных вопросов, связанных с управлением огромной территорией, с выбором перспективных направлений деятельности с учетом интересов проживающего здесь населения. Территория музея-заповедника достаточно велика, и она располагается в границах трех административных районов Тульской области: Борогодицкого, Кимовского и Куркинского.

Ежемесячно проводились заседания научного совета музея-заповедника с привлечением специалистов Государственного исторического музея, Института географии РАН, Института наследия, известных историков и археологов, природоведов и др. Заседания проводились в Туле, Москве с выездом на поле сражения. Состоялись также встречи с руководителями местных администраций; в сельских населенных пунктах было проведено анкетирование населения и руководителей муниципального звена. В результате этой тщательной и разносторонней работы появился основополагающий стратегический документ – *Концепция развития музея-заповедника «Куликово поле»*, который был опубликован в виде отдельной книги и распространен среди населения и местных администраций. Подобный документ на то время стал относительно новым

явлением в практике музейного планирования. Как правило, жизнь музеев-заповедников определялась генеральными планами их развития, выполненными на базе проектных разработок, осуществленных архитектурными организациями. Здесь же стратегия развития музея-заповедника «Куликово поле» включала и задачи, тесно связанные с социальным и хозяйственным развитием этой части Тульской области.

За прошедшие десять лет музейно-заповеднику во многом удалось решить поставленные в разработанной концепции задачи.

Это прежде всего тщательное изучение территории Куликовской битвы, где обнаружено около 400 памятников археологии разных эпох. Помимо свидетельств Куликовской битвы поле сохранило память и о нескольких десятках древних русских поселений, по которым можно восстановить планировку древних деревень, характер жилища, материальную культуру предков.

В настоящее время ведутся активные поиски погребений русских воинов и других свидетельств битвы, — археологических, исторических и этнографических.

Памятники природы места Куликовской битвы поистине уникальны. Как показали комплексные археолого-географические исследования на Куликовом поле, недалеко от места сражения существуют реликтовые участки степной растительности, где

произрастает ковыль, где сохранились близкие к первозданному лесные массивы. Экологические экскурсии по Куликову полю, свидетельствуют посетители, являются настоящим открытием для них, помогают совсем по-иному взглянуть на историческую территорию, увидеть следы прошлых эпох. По мнению же специалистов, природоохранное направление в деятельности исторического музея особенно важно для такого объекта, как поле сражения. Сейчас музей-заповедник ведет большие работы по восстановлению заповедного ландшафта Куликова поля сражения, проводятся уникальные эксперименты по выращиванию и разведению ковыля.

Музей-заповедник прилагает большие усилия для сохранения объектов архитектурного наследия. На его территории выявлено 12 памятников архитектуры, в том числе десять церквей (в основном они были построены в период XIX и XX веков). Среди архитектурных памятников находится выдающийся объект — церковь Сергия Радонежского, сооруженная в 1913–1917 гг. известным архитектором Алексеем Викторовичем Щусевым в нерусском стиле с применением форм архитектуры стиля модерн. Перед 600-летним юбилеем Куликовской битвы этот храм реставрировали, и в его стенах разместили музейную экспозицию. В настоящее время церковь Сергия Радонежского представляет достаточно редкий

пример храма-музея, где сосуществуют и музейное учреждение, и действующая церковь. Здесь мы видим один из немногих примеров гармоничного сочетания интересов церкви и учреждения культуры.

Из других архитектурных объектов следует отметить памятник-обелиск Дмитрию Донскому на Красном холме, созданный по проекту российского архитектора и художника А.П. Брюллова (старшего брата знаменитого художника К.П. Брюллова) и торжественно открытый в 1850 г. Этот очень интересный памятник был полностью реставрирован в 2007 г.

До создания музея-заповедника на месте Куликовской битвы действовала лишь одна (фактически временная) экспозиция. Сегодня здесь действуют несколько полноценных музеев. В церкви Сергия Радонежского открыта экспозиция «За землю русскую и веру христианскую». Эти слова из «Задонщины» — древнерусского литературного памятника — как нельзя лучше отображают принцип новой экспозиции, представленной в храме-музее. Трех объемам церкви соответствуют три части экспозиции, преобразующиеся, по проекту создателей, в три пласта памяти: «память земная» — материальные свидетельства; «память человеческая» — воспоминание; «память небесная» — прославление и религиозное почитание русских святых, связанных с событиями Куликовской битвы, и павших

воинов. Церковь на Красном холме Куликова поля изначально была задумана еще Щусевым как храм-музей, современный музей-заповедник сумел реализовать эту идею.

Другой музейный комплекс в селе Монастырщина был открыт 19 сентября 2000 г. в ознаменование 625 годовщины Куликовской битвы. Это одно из исторических мест Куликова поля. Здесь, по преданию, были похоронены русские воины, павшие на поле сражения. В состав комплекса входят: музей Куликова поля, который расположен в здании бывшей приходской школы (построено в 1899–1900 гг., отреставрировано в 2000 г.), храм Рождества Богородицы (построен в 1884 г., отреставрирован в 1980 г.), памятник Дмитрию Донскому (1980 г., скульптор О. Комов), а также аллея памяти, где расположены стелы в честь ратных отрядов различных русских княжеств, пришедших под знамена Дмитрия Донского и принявших участие в историческом для страны сражении. К созданию музея были привлечены лучшие специалисты: археологи, этнографы, филологи, искусствоведы, художники, мастера реконструкции вооружения, реставраторы, которые проделали огромную работу, сделавшую возможной организацию постоянной экспозиции, отвечающей современному уровню исторической науки и музейного дела.

Небольшое помещение приходской школы искусно разделено на несколько залов. Экспозиция самого большого из них

посвящена собственно Куликовской битве, здесь находится воссозданное вооружение и снаряжение русских и ордынских воинов, макет атаки Засадного полка, а самое главное – реликвии Куликовской битвы, найденные на месте сражения (наконечники стрел и копий, нательные кресты, фрагменты доспехов и др.). В одном из залов рассказывается о трех полях ратной славы России: Куликовом, Бородинском и поле под Прохоровкой.

Примерно в километре от Монастырщины расположено место слияния рек Непрядвы и Дона, где, как полагают специалисты, была совершена переправа русских войск накануне битвы на другой берег Дона, навстречу вражескому лагерю. В окрестностях села Монастырщина находится также Зеленая Дубрава – место расположения русского Засадного полка во время битвы. Мемориальные объекты, слияние рек, ландшафт исторической территории – все это создает впечатляющий и запоминающийся образ уникального исторического места.

Продолжением музейных экспозиций служит собственно территория Куликова поля как естественный исторический музей под открытым небом. Разработаны несколько различных маршрутов, которые позволяют пройти по полю сражения посетителям с различной физической подготовкой и разными профессиональными интересами (историческая, природная, археологическая направленность).

Однако музейные экспозиции не ограничиваются только территорией Куликова поля. Очень интересным представляется отдел музея-заповедника, который работает в Туле. Музейно-выставочный центр «Тульские древности» был основан в 1993 г. в усадебном комплексе начала XX в. Основную часть собрания музея составили археологические коллекции, собранные тульской археологической экспедицией. В настоящее время здесь расположено тульское представительство музея-заповедника.

В музейно-выставочном центре работают две экспозиции. Одна из них – «Поступь веков» – представляет собой классическую археологическую экспозицию с богатым предметным рядом и отдельными уникальными экспонатами, она посвящена истории тульского края от каменного века до создания Тульской губернии в XVIII в. Здесь представлен также уникальный экспонат – гончарный горн XII в., перевезенный с места раскопок древнерусского поселения на Куликовом поле, подробно рассказывается об истории экспоната, о гончарном, железоделательном, деревообрабатывающем ремеслах, сельском хозяйстве Древней Руси.

Экспозиция «Секреты тульских мастеров» знакомит с технологией ремесел, с инструментами и подлинными предметами, изготовленными тульскими

умельцами, с внутренним убранством дома, предметами быта XVII–XVIII вв., а также с обычаями, связанными с русским жилищем. Здесь можно не только увидеть процессы гончарного, кузнечного производства, но и принять в них участие, самостоятельно изготовить какой-либо предмет. Эта экспозиция пользуется огромной популярностью у школьников, здесь проводятся не только показательные уроки краеведения, но и другие интересные занятия.

Существование своеобразного музейного подворья «Куликова поля» в Туле (а расстояние от Тулы до музея-заповедника составляет 130 км) очень важно для организации туристских и экскурсионных потоков, предварительной подготовки посетителей к восприятию истории края и археологических находок. Этот прием представляется чрезвычайно удачным для организации успешной работы музея-заповедника, может быть рекомендован и другим подобным музейным объектам.

Удаленность Куликова поля от Тулы ставит еще один вопрос – о создании местного рабочего представительства музея-заповедника непосредственно на территории Куликова поля. Для этого был выбран расположенный на северной границе Куликова поля бывший уездный город, а ныне небольшой поселок городского типа, насчитывающий чуть более двух тысяч жителей – Епифань.

Епифань имеет более чем 400-летнюю историю. Город был

основан как форпост на южной границе Московского государства, в верховьях реки Дон (который протекает по Епифани небольшой речкой). Здесь епифанские стрельцы и казаки отражали набеги крымских ханов на Тулу и Москву, именно отсюда берут свое начало корни донского казачества. В эпоху Петра I Епифань была центром строительства Ивановского канала, который должен был стать одним из звеньев, соединяющих Дон и Волгу, для этого в Епифани было создано адмиралтейство. В 1777 г. по указу Екатерины II Епифань становится центром уезда со своим гербом, на протяжении XVIII в. город, находящийся на перекрестке дорог, постепенно приобретает торгово-купецкий облик. В 1810–1850 гг. в Епифани был построен величественный собор (возможно, по проекту Монферрана или его учеников). Здесь также сохранились еще две церкви, несколько десятков старинных гражданских зданий. В 1920-е годы уездный город был временно низведен в разряд сельских поселений, и какие-либо крупные производственные предприятия здесь так и не были построены. К настоящему времени жизнь Епифани практически замерла.

Создание музея-заповедника «Куликово поле» стало шансом к возрождению Епифани. Здесь прежде всего появился местный музей, который посещают практически все туристы, направляющиеся на Куликово поле. Интересно, что Епифанский

краеведческий музей был создан еще в 1886 г. и просуществовал до 50-х годов XX в. Он обладал музейным собранием по истории, этнографии, природе Епифани и Куликова поля. Возрождая музейные традиции, музей-заповедник «Куликово поле» на базе усадебного комплекса мещанки Байбаковой (построен в 1912 г.) организовал свой филиал – историко-этнографический музей. Этот музей дает дополнительные сведения по истории и быту конца XIX – начала XX в., которые отсутствуют в других экспозициях музея-заповедника.

Усадьба мещан Байбаковых, типичная для малого уездного города России того времени, включает жилой дом с гостиной, спальней и кабинетом, торговую лавку с подвалом, хозяйственный двор, огород, баню. В жилых помещениях показан быт епифанцев среднего достатка в начале XX в., убранство гостиной и других комнат. Рядом находится торговая лавка Байбаковых, экспозиция которой позволяет ощутить весь колорит торгового дела той эпохи, увидеть основные товары (скобяные изделия, продукты питания, посуду, галантерею, упряжь и пр.), понять запросы местных жителей, познакомиться с их модой. Еще одна небольшая экспозиция создана в домовом погребе. Все это придает дополнительный интерес к посещению музея-заповедника, позволяет наглядно представить наследие ушедшего времени.

Организация музейного комплекса в Епифани не только

обеспечила для небольшого поселка новые рабочие места и стимулировала автобусные экскурсии, она дала толчок поселковому развитию и другим направлениям. Были проведены реставрационные работы некоторых исторических зданий, а облик Епифани стал все более отчетливо походить на бывший уездный город. На центральной площади поселка в середине августа накануне медового спаса ежегодно проводится межрегиональный фестиваль «Епифанская ярмарка», куда съезжаются народные умельцы, творческие коллективы, фермеры из разных городов и станиц, расположенных в бассейне Дона.

Музеем-заповедником была проведена интересная и заслуживающая внимания акция под девизом «Я люблю Епифань». В ходе ее школьникам города были розданы фотоаппараты с условием, чтобы они сделали серию снимков любимых мест родного города. Из полученных фотографий была сформирована выставка, проведено обсуждение фоторабот и вручены награды, изданы цветные календари с лучшими любительскими снимками города. Подобная акция сыграла, на наш взгляд, большую роль в патриотическом воспитании детей, в привлечении их внимания к родному краю, чем десятки казенных мероприятий.

Музеем-заповедником ежегодно проводится военно-исторический фестиваль на Куликовом поле. В нем принимают участие клубы, занимающиеся военно-исторической реконструкцией, не только из

различных регионов России, но и из Украины, Белоруссии, Прибалтики. Победители конкурсной программы фестиваля принимают участие в большом театрализованном представлении во время праздничных мероприятий, посвященных Куликовской битве, ежегодно проводящиеся в третьи выходные дни сентября. С 2001 г. проходит фестиваль авторской песни «Куликово поле», который приурочен к 1 июня, — дню поминовения святого князя московского Дмитрия Донского.

Музей-заповедник предоставляет различные формы туристского и экскурсионного обслуживания. Среди них есть и общие образовательные и познавательные экскурсии, и индивидуальные туры по заказам, и туры для специалистов. Есть экскурсии для религиозных паломников. Развит событийный туризм, приуроченный к праздничным дням на Куликовом поле.

Большим спросом пользуется еще одна форма туристского обслуживания — детский летний оздоровительный лагерь. Он располагается на заповедной территории Куликова поля в живописном месте на берегу рек Дона и Непрядвы. Пребывание в этом лагере рассчитано на городских детей 10–16 лет, которые проживают в оборудованном палаточном городке. В программе пребывания — не только посещение места Куликовской битвы и других объектов наследия и музеев, но и занятия по

исторической реконструкции, славянской мифологии, работа с глиной, с цветным металлом (изготовление реплик славянских украшений), вечера тайн и легенд, рыбалка, катание на лошадях, спортивные соревнования, стрельба из лука, вечера у костра.

Работа по сохранению всего комплекса Куликова поля сопровождалась грамотной музейной политикой, в результате которой были сформированы несколько разнообразных по тематике музеев, был найден разумный баланс в использовании наследия, а главное, наглядно представлено само поле битвы — как своеобразный музей под открытым небом и уникальный исторический памятник.

Музейная и экскурсионно-туристическая работа органично сочеталась с военно-патриотическим воспитанием детей. Она включала также индивидуальный и групповой туризм, массовые мероприятия, посещение музейных филиалов в Туле и Епифани. Эти успехи связаны с тем, что с первых своих шагов музей-заповедник опирался на тщательно разработанную научную концепцию перспективного развития.

Деятельность молодого музея-заповедника тесно связана с социально-экономической политикой, направленной на развитие местной территории. Благодаря этому комплекс историко-культурного и природного наследия начинает восприниматься как особый и чрезвычайно значимый ресурс для

развития региональной экономики. Музей-заповедник обеспечивает занятость части местного населения, привлекает фермеров и сельскохозяйственных рабочих для проведения работ по уходу за полем, сохранению и восстановлению исторического ландшафтного облика. Он оказывает прямую помощь в проведении образовательной и культурной работы в окрестных населенных пунктах. Это, действительно, очень

достойный лауреат Государственной премии российской Федерации в области литературы и искусства, и его опыт нуждается в изучении и использовании.

Подобную социальную и экономическую роль в своих регионах играют такие крупные музей-заповедники, как «Ясная Поляна» в Тульской области, «Тарханы» в Пензенской области, Кирилло-Белозерский музей-заповедник в Вологодской области и ряд других.

В.Г. Тыминский

АКАДЕМИЯ НАУК ИМ. ЛЕЙБНИЦА
(БЕРЛИН)

**Тыминский Владимир
Григорьевич – президент
Европейской академии
естественных наук.**

Берлинская Академия наук им. Лейбница – это объединение ученых, представителей естественных и гуманитарных наук, построенное на тех же принципах, что и классические академии наук европейских стран. Сохраняя преемственность традиций с момента основания Готфридом Вильгельмом Лейбницем в 1700 г., она представляет собой одно из старейших научных учреждений Германии. Ее члены ведут самостоятельные научные исследования, а Академия предоставляет им трибуну для научной дискуссии и возможность для научных публикаций. Среди принципов ее деятельности – независимость и плюрализм мнений.

В начале XX в. среди членов Академии, тогда именовавшейся Прусской, было немало ученых с мировым именем, лауреатов Нобелевской премии, в том числе Макс Планк и Альберт Эйнштейн. В 1946 г. она была преобразована в

Германскую академию наук. С этого момента началось включение в ее состав уже имевшихся и создание под ее эгидой новых научных институтов. Это сопровождалось формированием новых рабочих мест в сфере фундаментальных естественно-научных и гуманитарных исследований. За два десятилетия Академия превратилась в ведущую научно-исследовательскую организацию ГДР. В 1989 г. она располагала эффективным научным потенциалом, включавшим свыше 60 научных учреждений в области естественных и технических, а также общественных и гуманитарных наук, в которых были заняты 8 тыс. ученых и примерно столько же научно-технических работников. Академия владела двумя исследовательскими судами, имела исследовательскую станцию в Антарктиде, в ее ведении находились мастерские по изготовлению научных приборов, типографии и издательства.

С объединением Германии научные институты и другие учреждения, находившиеся в составе Академии, были распущены, а их потенциал частично передан в ведение существовавших в ФРГ научных учреждений. Для научного коллектива АН ГДР объединение Германии в соответствии с федеральным законодательством означало передачу под юрисдикцию федеральной земли. Однако правительство земли Берлин не выполнило этого положения закона. Оно лишило коллектив ученых

правового статуса публичной корпорации, отчуждая все средства производства, недвижимость и прочие имущественные ценности и основало на этой базе новую академию¹. Члены Академии утратили возможность вести научную работу в рамках государственной организации. В 1993 г. они объединились в негосударственное добровольное общество, научная деятельность которого финансируется преимущественно за счет членских взносов и пожертвований. В Обществе «Академия наук им. Лейбница» представлены почти все отраслевые направления современной науки. В Германии фактически нет аналогичных научных структур, которые могли бы, подобно Академии, служить местом проведения междисциплинарных исследований и обсуждения актуальных научных и общественных проблем. По традиции работа организована в виде ежемесячных пленарных заседаний и заседаний отделений (отделения естественных наук, отделения гуманитарных и социальных наук).

Для рассмотрения специальных научных вопросов в Обществе созданы рабочие группы и комиссии (в том числе по проблемам образования, теоретической истории, демографии, географии, горного дела, экологии,

астронавтики, временных циклов, наноисследований). В последние годы в работе Академии возрастающее значение приобретают научные colloquia и международные конференции – такие, например, как чествование в 2007 г. Яна Коменского² и Леонарда Эйлера³.

Академия наук им. Лейбница носит межрегиональный характер. Сегодня 302 ее члена проживают в Германии, 22 – в других странах. 174 члена Академии – естествоиспытатели, 128 – ученые-гуманитарии. Избрание новых членов осуществляется в соответствии со строгими научными критериями. Согласно Уставу, избраны могут быть только ученые, которые добились выдающихся научных достижений в своей области.

Научные доклады, заслушанные на пленарных заседаниях и colloquiaх, публикуются в серии «Отчеты о заседаниях Академии наук им. Лейбница». За период после 1994 г. вышло около 100 томов этой серии, издаваемой президентом Академии. Кроме того, издано

22 тома серии «Труды Академии наук им. Лейбница». Еще один печатный орган – информационный бюллетень «Лейбниц интерн», ко-

1. Берлинская Бранденбургская академия естественных и гуманитарных наук <http://www.bbaw.de/bbaw/Akademie/>.

2. Коменский, Ян Амос (1592–1670), чешский педагог-гуманист, философ, теолог.

3. Эйлер, Леонард (1707–1773), выдающийся немецкий и русский математик и географ.

торый информирует о работе
Общества.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел./Факс (495) 120-4514
E-mail: market@INION.ru

Россия и современный мир № 1-2009 (62)

Дизайн обложки Г. И. Козубов

Верстка Н. Ю. Копылова

Корректоры

О. П. Дормидонтова
С. А. Левитанская

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.

Подписано к печати 20.11.2008 г.

Формат 70х100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ. л. 21,8 Уч.-изд. л. 15,0

Тираж 900 экз. Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9